Милош Марко

ЧЕРНЫМ ПО БЕЛОМУ

Miloš Marko

ČIERNE NA BIELOM

Nakladatelstvo Pravda
1971

Милош Марко

ЧЕРНЫМ ПО БЕЛОМУ

О событиях в ЧССР
в 1968—1969 годах

Авторизованный перевод со словацкого
с дополнениями и изменениями

Общая редакция
и предисловие доктора юридических
наук проф. И. П. Ильинского

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
МОСКВА 1974

Редакция литературы по философии и праву

© Перевод на русский язык с дополнениями и изменениями, «Прогресс», 1974

М $\frac{10506\text{-}564}{006\,(01)-74}$ 7-74

Предисловие

Предлагаемая читателю книга чехословацкого публициста Милоша Марко посвящена событиям в Чехословакии 1968—1969 годов. Это был драматический период в истории страны, когда внутренние антисоциалистические силы, подталкиваемые международным империализмом, предприняли атаку на революционные завоевания трудящихся.

Глубокий анализ этих событий, их причин и последствий содержится в ряде документов Коммунистической партии Чехословакии. Это документ декабрьского (1970 г.) пленума Центрального Комитета КПЧ «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ» [1]. Это Отчетный доклад Центрального Комитета Компартии Чехословакии о деятельности партии и развитии общества после XIII съезда КПЧ, с которым выступил на XIV съезде КПЧ товарищ Густав Гусак, и другие материалы этого съезда [2]. Партийная оценка событий в Чехословакии содержится в статьях и выступлениях Генерального секретаря ЦК КПЧ товарища Г. Гусака, члена Президиума ЦК КПЧ, Президента ЧССР товарища Л. Свободы, члена Президиума ЦК КПЧ, секретаря ЦК КПЧ товарища В. Биляка [3] и других руководящих деятелей Компартии Чехословакии.

За годы социалистического строительства в Чехословакии достигнуты, как известно, огромные успехи во всех сферах развития общества. В эти годы решены коренные социальные проблемы, которые не могли быть решены за всю предшествующую историю страны. Вместе с тем были допущены и ошибки. Январский (1968 г.) пленум ЦК КПЧ принял решения, смысл которых состоял в устранении из деятельности партии всего того, что мешало дальнейшему социалистическому развитию общества. Однако ход событий в ЧССР после января 1968 года принял иной оборот.

В книге М. Марко собраны и с партийных позиций проанализированы многочисленные факты, свидетельствующие о подрыв-

---

[1] «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», М., Политиздат, 1971.

[2] «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии», М., Политиздат, 1971.

[3] Густав Гусак, Избранные статьи и речи, М., Изд-во «Правда», 1969; его же, Избранные статьи и речи, М., Политиздат, 1973; Людвиг Свобода, Избранные статьи и речи, М., Политиздат, 1970; Василь Биляк, Правда осталась правдой, М., Политиздат, 1972.

ной деятельности праворевизионистских и антисоциалистических сил, о теснейшей взаимосвязи начатого ими процесса внутриполитического разложения и империалистической диверсии. Правые силы действовали в Чехословакии еще до января 1968 года, опираясь на довольно многочисленную фракционную по своему характеру группу в самой КПЧ. Эти силы злоупотребили самокритикой партии для очернения всей ее истории, всего периода социалистического строительства. В то же время активизировались остатки свергнутых эксплуататорских классов, стала нарастать волна мелкобуржуазной стихии. Всем этим попытались воспользоваться внешние империалистические силы, вынашивавшие планы свержения социалистического строя в Чехословакии.

Материалы книги — убедительная иллюстрация того, что в ходе чехословацких событий предпринималась попытка империализма и его пособников не только опрокинуть социалистический строй в Чехословакии, но и «нанести таким путем удар по позициям социализма в Европе в целом, создать благоприятные условия для последующего натиска на социалистический мир со стороны наиболее агрессивных сил империализма» [1].

Подрывная и диверсионная деятельность в Чехословакии велась во всех сферах общественной жизни. Это прежде всего стремление разложить Коммунистическую партию изнутри и отстранить ее от власти. Это, далее, ослабление роли социалистического государства, разложение общественных организаций, возрождение социал-демократической партии и создание открыто контрреволюционных организаций, разрушение социалистической системы хозяйства, эрозия социалистической идеологии, тенденции к изменению внешнеполитического курса Чехословакии и т. п.

В книге разоблачаются методы, к которым в своей подрывной деятельности прибегали антисоциалистические силы. Главным методом борьбы против нового строя был избран обман рабочего класса, трудящихся, дезинформация, идеализация домюнхенской республики. Принципы социализма стали предметом идеологических и политических спекуляций. При этом широко использовались распространенные в прошлом традиции социал-демократизма, масарикизма, пропагандировались мелкобуржуазные представления о свободе, равенстве, демократии. Именно на этой основе возрождались реформистские концепции «демократического социализма», выдвигались неклассовые лозунги «плюралистического демократиз-

[1] «Материалы XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза», М., Политиздат, 1972, стр. 12.

ма», «социализма с человеческим лицом». Усилия врагов социализма были направлены на подрыв единства партии и народа, на развал народного хозяйства, ослабление дружбы с Советским Союзом. Праворевизионистские и антисоциалистические силы стремились постепенно захватить руководящие посты в партии, государстве и под прикрытием демагогического лозунга собственного «чехословацкого пути» к социализму готовить условия для политического переворота.

Особое место в книге М. Марко отводится показу роли и критическому анализу средств массовой информации и пропаганды в событиях 1968 — начала 1969 года. Длительный опыт работы автора в печати и на радио, его познания в области теории журналистики позволили наглядно показать те методы, которыми пользовались праворевизионистские и антисоциалистические элементы, проникшие в органы информации и пропаганды.

По образному выражению Л. И. Брежнева, «не только «две тысячи слов», а, наверное, два или даже двадцать два миллиона слов было сказано врагами социализма, чтобы подорвать у трудового народа вашей страны веру в социалистический ленинский путь развития. Многое было пущено в ход, чтобы подорвать авторитет КПЧ, лишить ее руководящей роли в обществе и на радость мировому империализму вбить клин в отношения между Советским Союзом и Чехословакией, вырвать ее из братского содружества социалистических стран» [1].

Опыт событий в Чехословакии показал, каким острым и важным идейным оружием являются средства массовой информации. Они использовались правыми как для манипулирования общественным мнением, так и для прямого давления на партийные, государственные, общественные органы, для подрыва политической системы социализма. Средства массовой информации и пропаганды были в то время в Чехословакии орудием морального террора, направленного против честных коммунистов-интернационалистов, разжигания мелкобуржуазных националистических страстей, антисоветской истерии, орудием, при помощи которого основные ценности социализма подменялись понятиями буржуазно-либерального толка.

Милош Марко известен советским читателям как публицист, активно разоблачающий методы «психологической войны», которую ведут центры империалистической пропаганды на социали-

[1] Л. И. Брежнев, Речь на заводе «Авто-Прага» 27 мая 1971 г., в: «Ленинским курсом», Речи и статьи, том третий, М., Политиздат, 1972, стр. 366—367.

стические страны. Его работа «Психологическая война и «чехословацкий эксперимент» была издана в русском переводе в 1972 году [1]. Эти проблемы автор затрагивает и в настоящей книге — «Черным по белому», приводя в ней новые материалы, свидетельствующие о тесной координации и сотрудничестве чехословацких контрреволюционеров и империалистических центров Запада.

Собранные в книге факты являются убедительной иллюстрацией того, как в 1968 году в Чехословакии сложился блок праворевизионистских и антисоциалистических сил, поддерживаемый международным империализмом. Этот блок ставил своей целью захват власти в стране, ликвидацию социалистических завоеваний трудящихся, отрыв Чехословакии от мирового социалистического содружества. Сегодня об этом откровенно заявляют люди, которые бегством за границу и работой в диверсионных империалистических центрах показали свое истинное лицо. Автор гневно и убедительно разоблачает их антинародную, антипатриотическую деятельность.

События в Чехословакии конца 60-х годов явились одной из крупнейших политических битв между социализмом и империализмом. Эта битва была проиграна международной и внутренней реакцией.

Огромное значение для победы сил социализма над силами контрреволюции имела интернациональная помощь Советского Союза и других братских социалистических стран трудящимся ЧССР. «Объективный анализ развития событий в этот период подтверждает,— говорится в Отчетном докладе ЦК КПЧ XIV съезду партии,— что без своевременной интернациональной помощи наших ближайших социалистических союзников власть рабочего класса и трудового народа в нашей стране потерпела бы поражение. Это имело бы далеко идущие последствия не только для нашего народа, но и для дела мира в Европе, поставило бы под угрозу позиции социализма и нанесло ущерб всему международному революционному движению» [2]. Таким образом, опыт вновь подтвердил, что самой надежной гарантией против любых попыток подорвать и ликвидировать революционные завоевания трудящихся, ослабить социалистическое содружество является братское единство стран социализма.

Интернациональная солидарность явилась мощной поддержкой внутренних сил Чехословакии, стремившихся защитить завоевания социализма в стране, мобилизовать трудящихся на борьбу с

[1] Милош Марко, Психологическая война и «чехословацкий эксперимент», М., Изд-во «Наука», 1972.

[2] «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии», стр. 29.

угрозой контрреволюции. В книге М. Марко приводятся многочисленные факты самоотверженной борьбы честных коммунистов-интернационалистов, марксистов-ленинцев против контрреволюционной опасности. Эта борьба была тяжелой и сложной. После решений апрельского (1969 г.) пленума ЦК КПЧ о принципиальных изменениях в руководстве партии были приняты действенные меры, направленные на политический и идеологический разгром праворевизионистских и антисоциалистических сил, выход из кризисной ситуации, консолидацию партии и общества на марксистско-ленинской основе.

Важнейшим условием преодоления кризисных явлений в жизни страны, гарантией ее дальнейшего социалистического развития явилось укрепление организационного и идейного единства Компартии на основе марксизма-ленинизма, ее боеспособности и руководящей роли в обществе. Последовательное применение марксистско-ленинских принципов, постоянная опора на рабочий класс, широкие слои трудящихся позволили добиться быстрого восстановления в стране основных ценностей социализма. Успех политики консолидации свидетельствует о том, что правым силам удалось лишь временно поколебать эти ценности в сознании части населения, что социализм все глубже укореняется в сознании и образе жизни народов Чехословакии. Кратким показом итогов консолидации, успехов трудящихся ЧССР в борьбе за дальнейшее социалистическое развитие и завершается настоящая книга М. Марко.

Приводимый в книге фактический материал, касающийся развития событий как в чешских, так и в словацких областях, дополняется ссылками автора на анализы кризисного развития, проведенные в последние годы. Речь идет не только о названных выше партийных документах, но и о материалах чехословацкого профсоюзного движения, Социалистического союза молодежи, Союза журналистов и других творческих союзов,— материалах, которые в полном объеме не публиковались на русском языке.

Книга «Черным по белому» не является ни историческим исследованием, ни хроникой событий. Это многоплановые публицистические очерки, в которых в острой и живой форме освещены основные события рассматриваемого периода, разоблачены истинные цели тех, кто прикрывал свою подрывную антисоциалистическую «деятельность» абстрактными лозунгами о «демократии», «гуманизме» и «свободе». Разумеется, «очерковый» характер книги, который в какой-то мере объясняет, с одной стороны, некоторые повторения, а с другой — известную фрагментарность, не позволил автору с одинаковой полнотой осветить все рассматри-

ваемые им стороны событий и показать их действующих лиц. Но и из того, что показано, отчетливо проступает существо развернувшейся тогда борьбы между силами социализма и силами контрреволюции.

После 1968 года на Западе появилось немало книг, брошюр, статей, организовано множество радио- и телепередач, в которых события в Чехословакии конца 60-х годов всячески искажаются, фальсифицируются. Тенденциозно освещается и положение в сегодняшней Чехословакии. Наряду с признанием провала «чехословацкого эксперимента» предпринимаются попытки оживить его лозунги, выработать новые формы и методы антикоммунистической деятельности. В этих условиях книга М. Марко «Черным по белому», срывающая маску с деятелей «пражской весны» и их империалистических покровителей, приобретает особую актуальность.

Автор справедливо отмечает, что провал планов внутренней и международной реакции в Чехословакии явился важным фактором, содействовавшим переменам к лучшему на Европейском континенте. Правящие круги западных держав вынуждены считаться с укреплением позиций социализма на международной арене, с реальным соотношением сил в мире. Последовательное осуществление Программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС, координация внешнеполитических акций и единство действий стран социалистического содружества явились решающими факторами наступившей международной разрядки. В этих условиях позиция ЧССР, ее престиж и авторитет на международной арене не только не ослабевают, а, наоборот, усиливаются.

Разумеется, и в обстановке международной разрядки империалистические круги Запада не отказываются от подрывной деятельности и клеветнических кампаний, направленных против социалистических стран, в том числе и Чехословакии. Механизм этой деятельности убедительно показан в книге М. Марко. Дальнейшее укрепление сплоченности социалистических стран, постоянная бдительность и готовность к решительному отпору проискам врагов мира и социализма — таков вывод, логически вытекающий из материалов книги.

Получившая высокую оценку в партийной печати ЧССР содержательная книга Милоша Марко представит несомненный интерес для историков, журналистов, широких кругов советских читателей.

И. П. Ильинский

© «Прогресс», 1974.

От автора

Чехословацкие события 1968—1969 годов привлекли внимание широкой общественности не только в ЧССР, но и далеко за ее пределами. Они причинили немало вреда как самой Чехословакии, так и всей социалистической системе, всему международному коммунистическому и рабочему движению и являются серьезным поучительным уроком.

Принципиальная оценка этих событий уже дана в партийных документах. Анализ и освещение известных, равно как и некоторых не известных широкой общественности, фактов дают возможность конкретизировать эту оценку, глубже понять и уяснить прошлое развитие страны и пути преодоления отрицательных последствий кризисного периода.

Настоящая работа содержит документы о деятельности правых и антисоциалистических сил, использовании ими средств массовой информации и пропаганды, которые были призваны способствовать осуществлению коварных стратегических замыслов империализма. В ней изложены факты, свидетельствующие об опасном антисоциалистическом развитии в Чехословакии, которое к августу 1968 года грозило перерасти в кровавую фазу контрреволюции. При этом автор не только и не просто освещает факты и события, но и предпринимает попытку разобраться в их причинах, в сущности тех ошибок, недостатков и негативных тенденций, которые создали условия для контрреволюции; вместе с тем он рассматривает исходные позиции и аргументы, которые помогали или могут помочь при преодолении остатков ошибок и фальшивых теорий в сознании людей.

Автор, в частности, ставит своей целью проанализировать деятельность антисоциалистических групп в органах массовой информации и пропаганды, имея в виду, что такой анализ является составной частью общего анализа кризисного развития чехословацкого общества, иллюстрацией ревизионистских и антисоциалистических действий и выступлений в ЧССР конца 60-х годов.

В документе КПЧ «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ» говорится, что «эти выступления, являвшиеся нарушением принципов демокра-

тического централизма, послужили одновременно толчком для организации кампании в средствах массовой информации. В средствах массовой информации правые силы и до января занимали важные позиции, которые они еще больше укрепили, превратив их в главное орудие наступления против партии и социалистического государства. Это стало возможно также и потому, что партийное и государственное руководство, по существу, отказалось от руководства и контроля над средствами массовой информации.

Овладев решающими средствами массовой информации, правые силы добились фактически монопольного положения в толковании смысла и целей январского пленума в своем духе» [1].

Книга «Черным по белому» была написана в 1970 году, в период, когда Коммунистическая партия и все социалистическое общество Чехословакии еще только начинали успешное преодоление кризиса, вызванного контрреволюцией 1968—1969 годов. С тех пор прошло уже довольно много времени, было вскрыто немало новых фактов, появился новый материал, дополнивший наш анализ. Как внутренняя, так и международная жизнь наполнилась новыми событиями и явлениями. Поэтому вполне естественно, что, хотя почти все основные положения братиславского издания данной книги (1971 г.) остаются в силе, при подготовке настоящего ее издания возникла необходимость внести в него значительные дополнения и изменения с учетом именно этих новых фактов и материалов. Некоторые параграфы написаны автором заново, другие подверглись существенной доработке, дополнению или, наоборот, сокращению.

Название книги «Черным по белому» может породить мысль, будто дело здесь только в том, что журналистика оперирует документами, напечатанными на белом типографской краской, которую нельзя смыть. Но даже и эта символика «черного и белого» в свое время была извращена, о чем говорит пример с так называемой «Черной книгой» — публикацией «Семи пражских дней», в которой фальсифицируются события августа 1968 года. Ее обложка имеет как бы вид негатива — белое на черном. Автор не намерен возводить эту символику в некий принцип, но она послужила в данном случае в качестве импульса для сравнения с действиями контрреволюционных сил.

Вместе с тем при анализе печати, как и других средств воздействия на массы рассматриваемого периода, нельзя выделять

---

[1] «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», М., Политиздат, 1971, стр. 17.

только *черное на белом* — факты и документы о правооппортунистической и ревизионистской, антисоциалистической и антисоветской деятельности этих средств; необходимо видеть и правильно освещать также большую позитивную деятельность многих честных работников печати, радио и телевидения — всех интернационалистов, активно выступавших против контрреволюционных действий правых и антисоциалистических сил. Следует иметь в виду и то, что многие люди не были тогда в состоянии правильно оценить происходившие события и, естественно, легко вводились в заблуждение, поскольку значительная часть печати и других средств воздействия на массы постоянно и «авторитетно» утверждала такого рода релятивизм понятий, в котором марксистская идеология оказывалась вывернутой наизнанку. Однако, как бы то ни было, правым оппортунистам и антисоциалистическим идеологическим диверсантам все же так и не удалось в решающей степени привлечь на свою сторону основную массу рабочего класса и трудового крестьянства страны, хотя они и предпринимали для этого отчаянные попытки.

Вступление на территорию Чехословакии войск союзных стран социалистического содружества, как известно, помогло вовремя предотвратить последнюю, кровавую ступень контрреволюции, сорвать авантюру правых оппортунистов и реакционные цели внутренних антисоциалистических сил и зарубежных антикоммунистических центров, отстоять интересы социалистической системы и мирового революционного движения. Консолидация в партии и обществе, развернувшаяся после апрельского (1969 г.) пленума ЦК КПЧ, позволила не только устранить вредные последствия кризисного развития, но и приступить к выполнению задач дальнейшего социалистического строительства в соответствии с решениями XIV съезда КПЧ.

При подготовке настоящей книги некоторые факты автор почерпнул из документов, интервью и других материалов, опубликованных в периодической прессе, из радиопередач и иных источников, указанных в тексте или примечаниях. Значительная часть этих публикаций, безусловно, представляет большой познавательный интерес и способствует лучшему уяснению рассматриваемых проблем, особенно разоблачению методов и целей правооппортунистических сил и прямой контрреволюции в Чехословакии периода 1968—1969 годов. Однако с целью более глубокого освещения ситуации, в которой возникли и развились многие столь разрушительные процессы в нашем социалистическом обществе, автором использованы в этом обновленном издании на русском

языке многие новые партийные документы, а также новые факты и материалы, например о враждебной деятельности так называемой «чехословацкой эмиграции», переживающей ныне — в результате консолидации и дальнейшего успешного развития социалистической Чехословакии — глубокий кризис. Естественно, что автор стремился учесть также и факты, свидетельствующие о дальнейшей консолидации и укреплении Коммунистической партии, о созидательном труде народа Чехословакии в деле ликвидации тяжелых кризисных последствий «чехословацкого эксперимента», об успешном развитии политической, экономической и культурной жизни сегодняшней ЧССР. Автор учитывал, далее, выразительные изменения в области международных отношений, прежде всего дальнейшее укрепление и развитие международных связей стран социалистического содружества, дальнейший рост международного авторитета Советского Союза, успешное претворение в жизнь принятой XXIV съездом КПСС Программы мира, а также упрочение авторитета внешней политики социалистической Чехословакии.

Автор выражает сердечную благодарность издательству «Прогресс» и всем товарищам, принявшим активное участие в подготовке издания данной книги на русском языке, особенно доктору юридических наук И. П. Ильинскому, доктору философских наук А. П. Сердовой и кандидату философских наук Г. Д. Карпову.

Корни ошибок и антисоциалистических тенденций (до января 1968 г.)

Известно, что строительство социализма в Чехословакии привело к большим историческим преобразованиям в социальной и экономической структуре нашего общества, к выдающимся успехам в политической, экономической и культурной жизни страны. Наш народ под руководством Коммунистической партии стал хозяином, сознательным творцом своей судьбы.

Но на пути строительства нового общества были допущены и ошибки.

В этом как раз и заключена причина одного из противоречий нашего прошлого, корни которого уходят далеко ко временам, предшествовавшим 1968 году, в атмосферу, где наряду с формализмом в партийной жизни проявлялся либералистский подход к неправильным тенденциям в политике, экономике, культуре и идеологии.

Самоуспокоенность вместо принципиальности и непримиримости

Неправильная и поверхностная характеристика этапа развития социализма в Чехословакии («завершение строительства социализма» — 1961 год, «всенародное государство» — 1966 год), вытекающая из тенденции перескакивания через этапы, из игнорирования реальной ситуации, характеристика по своей сущности «левацкая» имела своим следствием правооппортунистические результаты: прокламирование высокого жизненного уровня сопровождалось требованиями уменьшения доли национального продукта, используемого для накопления, широко распространялась «аргументация», направленная на ослабление руководящей роли рабочего класса («нет классовых антагонизмов»), а также роли государства («государство вскоре отомрет»). Провозглашение социализма без решительной победы над буржуазией побуждало различного рода правооппортунистические силы к отказу от классовой природы власти, к созданию «общенародного» общества, что, само собой разумеется, вело к укреплению позиций антисоциалистических сил.

При исследовании корней нездоровых тенденций, вылившихся в антисоциалистические проявления и в конце концов в контрре-

волюционную истерию (отнюдь не с «человеческим лицом»!), необходимо учитывать длительный процесс развития. Ведь именно при руководстве А. Новотного появилась, с одной стороны, самоуспокоенность, вытекающая из тезиса, что социализм мы уже построили и уже наше поколение будет жить при коммунизме (в этом как раз и состоят корни неклассовых взглядов на социальную структуру общества в Чехословакии, равно как и неправильное представление о роли партии и государства), а с другой — возникало движение тех сил, которые отрицательно относились как к Коммунистической партии, так и к социализму. Возникали ошибочная система взглядов и соответствующая практика, выливавшиеся затем в антисоциалистические течения.

В Отчетном докладе XIV съезду КПЧ Генеральный секретарь ЦК КПЧ товарищ Гусак говорил: «Руководство партии во главе с Антонином Новотным неправильно оценивало достигнутую степень развития общества и идеализировало уровень его морально-политического единства. Желаемое часто выдавалось за действительность...» [1].

Руководство партии тогда неправильно осуществляло ленинскую идею о соотношении между политикой и экономикой, недооценивало роль политики при социализме, ее функции ослаблялись различного рода субъективистскими взглядами и действиями.

Ошибки, недостатки и антисоциалистические тенденции проявлялись также и в других важных областях жизни страны. Например, в Словакии в начале 60-х годов были заметно ограничены права словацких национальных органов. Тезис А. Новотного о «сближении наших наций» вылился в недооценку роли этих органов, в субъективистское положение о «сращивании законодательных и исполнительных органов», в неправильное понимание роли языка, культурной жизни нации.

Экстенсивное развитие экономики вело к ее стагнации, отставание в развитии порождало выдвижение некоторых нереальных целей и непоследовательное осуществление реальных задач, что нередко дискредитировало наше общегосударственное планирование.

Мы хорошо знаем, что в планах антикоммунистических центров особое значение придается использованию наших ошибок, а в прошлые периоды не только возникали грубые ошибки в области

---

[1] «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии», М, Политиздат, 1971, стр. 21.

политики, экономики и идеологии, но и исправление их затруднялось субъективными интересами отдельных личностей, которые допустили эти ошибки.

Такая обстановка, безусловно, сдерживала движение за исправление недостатков после января 1968 года. К этому движению, вызванному принципиальными, преданными марксизму-ленинизму членами КПЧ, примкнули люди с явно выраженными враждебными целями и намерениями придать ему иной характер. В деятельности прессы, радио и телевидения после января 1968 года отражается, с одной стороны, искреннее стремление устранить недостатки и деформации прошлого и, с другой — намерения использовать эти деформации и недостатки для дискредитации КПЧ и всего прошлого развития ЧССР в целом. Во всех средствах массовой информации и пропаганды стали постепенно проявляться наивно амбициозные представления различных групп, провозглашавших внеклассовую «свободу» и «демократию» и выступавших в качестве фракционных групп в партии и вне ее.

При определении тактики в политике, равно как и в идейно-воспитательной работе, тогдашнее руководство КПЧ не принимало во внимание, что в Чехословакии еще имелись выходцы из эксплуататорских классов, многочисленные слои с укоренившейся мелкобуржуазной моралью, что на общественное сознание многих людей негативно воздействуют идеологические диверсии империализма.

У нас, в Чехословакии, в то время не было проведено в достаточной мере различие между антипартийными и оппортунистическими нападками, ревизионистскими неклассовыми взглядами, с одной стороны, и справедливой критикой и обоснованным беспокойством в связи с недостатками в жизни нашего общества — с другой. Люди судили о политике по ее практическому проявлению и не всегда могли точно постигнуть причины расхождений между теорией и практикой.

Постепенно деформировались ленинские принципы ведущей роли КПЧ, ослабевали классовые аспекты идеологической борьбы и воспитательной работы. Прежнее руководство КПЧ не извлекло должных выводов из венгерской контрреволюции 1956 года, хотя было известно, что первоначальная ориентация империалистических диверсионных центров, разработанная в 1954 году, была направлена именно на Чехословакию и подготовленная операция «Вето» была лишь в дальнейшем отодвинута на второе место после операции «Фокус» (кодовые названия для обозначения подготовки чехословацкой и венгерской контрреволюций).

Анализируя развертывание контрреволюции в Чехословакии в 1968 году, необходимо сопоставить ее с контрреволюцией в Венгрии 1956 года. Если в Чехословакии благодаря своевременному вступлению войск братских социалистических стран антисоциалистическим силам не удалось подняться на последнюю ступень контрреволюции, то в Венгрии, как известно, она вылилась в кровавый мятеж.

В подготовке венгерской контрреволюции 1956 года легко обнаруживаются многие методы, использованные и «улучшенные» затем в Чехословакии в 1968 году. Как известно, реакция в Венгрии использовала недостатки и ошибки прошлого партийного руководства, и вскоре «исправителями» этих ошибок оказались контрреволюционные силы.

Сравнивая венгерскую контрреволюцию 1956 года с контрреволюцией в Чехословакии 1968—1969 годов, мы видим также известное совершенствование «опыта». В Чехословакии антикоммунизм оделся в более «приличное» одеяние «демократического социализма»; «Свободная Европа» не обещала здесь зарубежной помощи, как в Венгрии, поскольку эта ловушка осталась у многих в памяти. В 1968 году она широко использует коммунистическую терминологию. В Венгрии «реформисты», как известно, быстро позволили уговорить себя крайне реакционным элементам. Но империалистические центры допустили ошибку, когда положились на кардинала Миндсенти, который в речи от 3 ноября провозгласил буржуазный строй и частную собственность.

Молодежь, будучи вначале обманутой демагогическими националистическими лозунгами, довольно быстро поняла, что ее доверием нагло злоупотребляли. Ее место заняли террористические банды и группы, а как только советские военные части ушли из Будапешта, эти банды незамедлительно начали физическое истребление коммунистов, работников органов безопасности и начали борьбу против рабочих, вставших на защиту социализма.

«Борцы за свободу» — венгерские контрреволюционеры — сразу же после ослабления государственной власти начали избивать, грабить, вешать, зверски убивать, линчевать и использовать многие другие методы белого террора. «Террор,— пишет Я. Молнар в своей работе, посвященной событиям в Венгрии 1956 года,— стал основным средством для запугивания масс и приобретал особо суровые, фашистские формы» [1].

---

[1] J. Molnár, Kontrarevolúcia v Mad'arsku roku 1956, «Pravda» (братиславская), 1972, str. 281.

Контрреволюция в Венгрии наглядно показала, как десяток лет спустя после установления народной власти регенерируются силы остатков буржуазии. Под лозунгом «демократического народного единства» наряду с «реформистами» здесь незамедлительно выступили крайне правые силы и фашисты, а также хортистские легионы. Содержанием лозунга «народного единства» был национализм, антисоветизм и ликвидация социалистического строя.

Венгерская контрреволюция на первом этапе провозгласила нейтралитет, однако «нейтралитет» ее в данном случае означал не что иное, как переход из одной общественной системы в другую. Чехословацкие ревизионисты старательно использовали накопленный «опыт», «обогатив» его и придав ему «национальное убранство». Первоначальными лозунгами были не просто демократия, а «социалистическая», «лучший», «лишенный ошибок», «настоящий социализм», «социализм с человеческим лицом».

Уже венгерская контрреволюция показала, что «социалистическая демократия», оторванная от диктатуры пролетариата, не может вести ни к чему иному, как к буржуазному строю. Молнар так пишет в своей работе: «История, пожалуй, еще нигде не доказала на таком простом примере, что без единой, монолитной Коммунистической партии, способной вести за собой массы и проводящей правильно политику, рабочий класс неизбежно дезорганизуется и ослабляется. Ревизионисты парализовали партию, и после 28 октября 1956 года опасное и быстрое развитие событий уже нельзя было остановить собственными силами» [1].

После поражения контрреволюции в Венгрии антикоммунизм в Чехословакии пользуется новыми методами. Чехословацкие диверсионные центры в большинстве своем ориентировались на «интеллектуальную элиту» и использовали мелкобуржуазное влияние в обществе и либералистскую тенденцию в партии.

Павел Тигрид [2] издал в 1960 году в Нью-Йорке книгу под названием «Маркс на Градчанах», в которой излагается рекомендация создания организованного ревизионизма в социалистических странах и проводится классификация условий для успеха так называемого «современного ревизионизма». «Современный ревизионизм,— пишет он в этой книге,— в своем ядре является движением коммунистов внутри партии, движением, которое может получить поддержку широких народных слоев и симпатий в некомму-

---

[1] J. Molnár, Kontrarevolúcia v Mad'arsku roku 1956, str. 320.

[2] С 1948 года в эмиграции — агент империалистических разведок, редактор эмигрантского журнала «Сведецтви». — *Прим. авт.*

нистическом мире и, поскольку речь идет об источнике современной динамики и влиянии, неразрывно связано с жизнью или закатом коммунистической идеи... Целью ревизионизма является не уничтожение коммунизма, а его преобразование...»

В течение многих лет в Чехословакии не велось развернутой принципиальной борьбы с оппортунистическими и ревизионистскими взглядами. В отношении нездоровых тенденций в области общественных наук, культуры, искусства и публицистики проявлялось или безразличие, или эти проблемы решались административным путем, без идейного воспитания и мобилизации всей партии.

Для нашего развития еще задолго до января 1968 года типичной была недооценка непосредственных буржуазных влияний на общественное сознание, и особенно на такую его важную сферу, как общественное мнение. В наших условиях противники социализма попытались использовать «группы давления», а также влиятельных лиц для формирования «общественного мнения».

Корни антисоциалистического развития мы находим, например, в теории о «безбрежности» литературы, скажем, в трудах словацких литературных критиков, в которых одновременно с реабилитацией некоторых произведений словацких писателей были «реабилитированы» и людацкие политики[1]. Эти корни обнаруживаются также в научных публикациях. Так, в журнале «Философия» (1967, № 3) можно найти статью И. Свитака «Оценка науки», в которой используется понятие «европейский гуманизм» и объективистски ставятся на одну доску марксизм, теизм и экзистенциализм. Речь в данном случае идет не столько об И. Свитаке, сколько о позиции журнала в целом.

Серьезным свидетельством формирования правых и антисоциалистических сил явился IV съезд чехословацких писателей в 1967 году. Во время его подготовки важную роль играла элитаристская группа, сформировавшаяся в «Литерарних новинах». Тогдашнее состояние культурной политики чехословацкого общества характеризовалось на съезде как всеобщий и ничем не сдерживаемый «распад всех сфер культуры».

Речь идет не только о неправильном выступлении членов партии (в том числе и бывшего кандидата в члены ЦК КПЧ Яна Про-

---

[1] Имеются в виду словацкие националистические политики, входившие в клерикально-фашистскую «людацкую партию», которая была основана священником А. Глинкой после первой мировой войны. В годы фашистского господства она была единственной легальной партией в Словакии.— *Прим. авт.*

хазки) на этом съезде, но и о том, что партия вообще не была тогда в состоянии дать принципиальный отпор вредным позициям. Как отмечал журнал «Сведецтви» (№ 31 за 1967 год), «...дифференциация словацкой и чешской культурной жизни до того была углублена и приобрела столько различного рода течений и направлений, что ее идеологическое регулирование было уже невозможно». Этим языком говорил и писатель Л. Вацулик.

Наряду с ослаблением идейно-воспитательной работы в партии сказывались старые влияния, как, например, индивидуализм и частнособственнические пережитки, национализм, религиозность и т. д. На них опирались потерпевшие поражение классы и эмигрантские противники нового строя.

Империалистическая пропаганда сеяла иллюзии о неких возможностях буржуазного общества, и особенно о возможностях так называемого «потребительского общества». При этом указывалось, как правило, на рост благосостояния «верхних слоев» Англии, Франции, США и скрывалась нищета миллионов в колониальных и полуколониальных странах.

В печати высказывались различные фальшивые взгляды, отрицавшие непримиримость в идеологической борьбе, ее классовую сущность; раздавались призывы к терпимости по отношению к разным идеологическим тенденциям, к проведению беспринципных диалогов с идейными противниками марксизма.

Как подчеркнул на XIV съезде КПЧ товарищ Густав Гусак, «в период, когда Чехословакия стала объектом сосредоточенного нажима политических и идеологических диверсий антикоммунистических центров на Западе, направлявших свою деятельность на дискредитацию социалистических принципов и ценностей и разжигавших националистические и антисоветские настроения и мелкобуржуазные предрассудки, руководство партии своей беспринципной политикой способствовало тому, что ключевые позиции в культуре, в общественных науках, средствах массовой информации, а также в общественных организациях, государственных и партийных органах заняли люди нестойкие и даже такие, которые не стояли на позициях социализма. При этом руководство партии своими неправильными методами отталкивало многих стойких и честных коммунистов от активной борьбы на этом участке» [1].

[1] «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии», стр. 23.

Многие из неправильных и вредных концепций и их конкретные проявления в Чехословакии сначала не были изложены «черным по белому» в документах, ставших известными общественности, а оставались где-то в архивах Управления по надзору за печатью. Однако общая концепция этого учреждения основывалась на фальшивых посылках, согласно которым уничтожался лишь бурьян, а не сами корни. Возникало абсурдное положение, когда коммунист, сотрудник Управления по надзору за печатью, запрещал публикацию антисоциалистических статей, а главный редактор, редактор-коммунист, подготовивший ее к печати, не нес за это никакой ответственности.

Тогда в Чехословакии почти повсюду проявлялись фальшивые концепции. В то же время была отброшена классовая оценка идеологических деструкций и враждебных теорий. Это относилось, например, к так называемой «информационной функции» журналистики. Однако роль журналистики состоит не только в том, чтобы информировать читателей, но и в том, чтобы расширять их кругозор, активно влиять на формирование их общественного сознания и социальной активности, содействовать тому, чтобы политические постулаты воплощались в действиях масс.

В журналистике в гораздо большей степени, чем в других институтах надстройки, проявляется непосредственное и оперативное влияние на читателей (слушателей, зрителей).

Таким образом, рассматривать информирование населения и освещение событий как единственную специфическую функцию журналистики было бы большим упрощенчеством. Журналистика не только и не просто лишь сумма статей, заметок, сообщений — она предполагает определенную организацию их, являясь действенным средством влияния на общественное мнение.

В период с 1956 по 1968 год в Чехословакии были сначала вульгаризированы, а потом и отброшены основные высказывания классиков марксизма-ленинизма по вопросам печати, такие, например, как «газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор» [1]. Было забыто, в частности, такое высказывание К. Готвальда о назначении печати: «Информировать, организовывать, осведомлять, воспитывать и вести народ» [2]. Забывалось также и о функциях, вы-

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 165.
[2] K. Cottwald, I. sjezd čs. novinářu, Praha, 1948, str. 4.

текающих из этих постулатов,— познавательной, политической и идеологической, научной и воспитательной, популяризаторской и контрольной.

Информационная роль печати является, конечно, одной из важных, но это не самоцель. Вместе с тем стоит напомнить известную мысль М. И. Калинина о том, что печать должна агитировать *фактами*, с тем чтобы посредством их активно воздействовать на объект агитации. Социалистическая журналистика исходит из известного тезиса о роли философии не только объяснять явления, но и изменять действительность. Это делает журналистику инструментом познания и инструментом преобразования действительности.

При анализе функций журналистики необходимо глубоко изучать и исследовать не только общественное мнение, но и сферу непосредственного воздействия на массы. Именно в 1968 году мы в Чехословакии убедились, что средства массовой информации и пропаганды представляют собой важную общественную силу.

Поэтому было бы неправильно судить о журналистике только с точки зрения информационно-коммуникативной службы; ее следует рассматривать как один из ключевых институтов идеологической настройки, идеологического воздействия, отражения общественного мнения и его формирования.

Корни фальшивых и вредных идеологических концепций оказались в Чехословакии более глубокими, чем это может показаться на первый взгляд. В культуре, например, они пронизаны либералистским влиянием, которое в концептуальной форме проявилось во время Либлицкой конференции (май 1963 г.), посвященной творчеству Ф. Кафки [1].

Можно привести, далее, типичный пример осуществления теории «интегрированной критики», автор которой Ю. Стринка вместе с другими своими коллегами по «чехословацкому эксперименту» добивался полной ее «самореализации». В статье «К двум понятиям диалектики социализма», опубликованной в журнале «Философия» № 1 за 1966 год, он, в частности, утверждал, что-де ключевой проблемой момента являлась качественная перемена существующей структуры социализма, а одной из наиболее назревших

---

[1] Франц Кафка (1883—1924) родился в торгашеской еврейской семье в Праге. В своем творчестве выразил идеологию страха, упадочничества чиновничества и мелкобуржуазной среды Австро-Венгерской империи. Философия Ф. Кафки была поднята в Чехословакии на щит всеми антисоциалистическими силами. Более подробно об этом см. несколько ниже, стр. 30.— *Прим. авт.*

задач современного марксизма — разработка такой «критически-революционной теории современного социализма», которая смогла бы «активно» подойти к максимальному освобождению его скрытых потенций. Ключ к решению проблемы он усматривает в «уравновешивании интегрированной власти интегрированной критикой».

Публикация «К двум понятиям диалектики социализма» приобрела тогда «актуальный» политический смысл. Сокращенный ее вариант автор опубликовал в еженедельнике «Културни живот» (№ 20 за 1966 г.) как предсъездовский материал [1] и расшифровал в ней некоторые затуманенные философские термины. Тем самым статья Ю. Стрники вышла за рамки философской дискуссии и переместилась в сферу политики.

Автор утверждал, что исправить положение в экономике «предшествующими методами ретушировки существующих отношений» нельзя. Поставив вопрос о том, отвечает ли существующая структура политической власти проблемам экономического развития, он писал далее: «Великим извращением политической структуры социализма является то, что в нем интегрированной власти, интегрированному управлению противостоит дезинтегрированная, разобщенная критика этой власти и деятельности, поскольку здесь отсутствует объективно функционирующее, обеспеченное определенными институциональными гарантиями корректирование возможных ошибок этой власти». Уже в этом содержится зародыш концепции «интеллектуального» марксизма, противопоставленного «институциональному».

С помощью постулата «уравновесить интегрированную власть интегрированной критикой» была сделана попытка замаскировать понятия, вместо того чтобы раскрыть их и истолковать. Многозначным, неопределенным понятием является уже сама формулировка «интегрированная власть» (объединенная, соединенная, целостная, неделимая?). Это понятие никак не применимо к общественному управлению социалистических стран. Если раньше и возникали деформации, то марксистско-ленинские партии были в состоянии покончить с ними, скажем преодолеть культ личности, разработать меры по обеспечению социалистической законности. Конечно, задача дальнейшего развития социалистической демократии остается и на будущее; в этом — главное направление развития политической системы социализма.

«Интегрированная критика» не соответствует марксистскому понятию критики, согласно которому она является методом, а не

[1] Речь идет о материалах к XIII съезду КПЧ.— *Прим. ред.*

целью. Следует говорить не о критике вообще, а об анализе и вытекающей из него объективной и обоснованной критике. И наоборот: если ошибается так называемая «интегрированная власть», то каковы гарантии, что не будет ошибаться и «интегрированная критика»? Марксистско-ленинское понятие критики несовместимо с простым отрицанием. Диалектическое отрицание предполагает также и сохранение здорового ядра, его использование на высшей ступени. Методология марксизма включает критическую оценку действительности, но не нигилистический скепсис. Марксистская партия связана с ответственной критикой и отметает пустое критиканство, подчеркивая метод позитивного решения. Марксистско-ленинское понимание критики диаметрально противоположно ее буржуазному пониманию. Понятия демократизации и критики нельзя подменять понятием либерализации, а социалистическую демократию низводить до уровня ее буржуазного понимания.

Критика и самокритика, отметающая консервативное застревание на достигнутом уровне, принадлежит к сущности марксизма. Творческое развитие теории, которая бы соответствовала изменившейся действительности, относится к принципиальным основам марксистско-ленинских партий. В книге «Что делать?» В. И. Ленин призывает не к критике вообще, а к критике с принципиальных позиций. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» он наглядно показывает, что материалистическая диалектика включает в себя и момент релятивизма, но не ограничивается им. Принципы единства марксистско-ленинской партии включают в себя критику, связанную с ответственностью и организационным обеспечением исправления недостатков.

Протаскивание так называемой «интегрированной критики» вне марксистско-ленинской партии означает создание какого-то оппозиционного идейно-политического направления. Это противоречит принципам руководящей роли одной партии в политической системе социализма. Будучи руководящей силой нового общества, партия развертывает критику внутри своих рядов и в общественных организациях, создает условия для развития общественных наук и их использования в разработке линии партии и ее реализации.

От деидеологизации к идеологической диверсии

В начале 60-х годов антикоммунистические центры империализма и их пособники в ЧССР заметно усилили свои попытки ис-

пользовать обстановку мирного сосуществования для идеологической диверсии и подрыва социалистической системы. При этом они опирались на правооппортунистические силы внутри страны.

В документе ЦК КПЧ «О роли и состоянии культурных журналов» (1964 г.) были осуждены попытки некоторых чехословацких журналов присвоить себе роль автономных толкователей политики партии и использовать борьбу против догматизма для нападок на строительство социализма. На страницах отдельных журналов, таких, как «Литерарни новины», «Культурни живот», «Пламен», «Гост до дому» и др., появилось много статей, подрывавших доверие к партии под видом критики культа личности, догматизма и идейного консерватизма. Во многих из них имелись не только идейные неясности и ошибки, но и открыто либералистские и ревизионистские тенденции, выливавшиеся в стремление к подрыву марксизма-ленинизма. Марксистско-ленинская теория постепенно отрывалась оппортунистами от политики, от Коммунистической партии и задач социалистического строительства и превращалась в дело «интеллектуалов», ученых и литераторов. Вновь начали прокламировать «противоположность» между наукой и идеологией, теорией и политикой, между художником и политиком.

К отдельным идеологическим участкам в Чехословакии рассматриваемого периода в полной мере относятся следующие основные выводы из «Уроков кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ»: «Еще с февраля 1948 года Чехословакия была объектом широко задуманной политической и идеологической диверсии со стороны империализма, которая, однако, не давала ощутимого результата в условиях, когда партия прочно овладела положением. После того как правооппортунистические и антисоциалистические силы в нашей стране повели открытую атаку на главные принципы партии и социализма, а их разлагающая деятельность перестала встречать активное сопротивление, империализм, действовавший извне, также мог перейти в решительное наступление. В этом, в частности, заключалась сущность острой классовой борьбы, которая отнюдь не определялась только историческими особенностями нашего общества, но являлась прежде всего выражением постоянного интереса и интенсивных усилий мировой реакции, направленных на то, чтобы завладеть Чехословакией» [1].

[1] «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 20.

Уже с начала 60-х годов было ясно, что, например, в искусство и литературу социалистической Чехословакии проникло влияние, опирающееся на сильные и живучие традиции мелкой буржуазии. Влияние это постепенно подтачивало те принципы, на которые опирались наша литературная теория и литературная практика (классовость, народность, партийность, интернационализм), а на «расчищенном» поле создавались «новая система» и «новая структура» литературы и ее ценностей, строилась система, непосредственно отражавшая интересы международной буржуазии и приспособленная к потребностям внутренней мелкобуржуазности. Суженное понимание социалистического реализма использовалось его деформаторами с целью дальнейшего его искажения, а затем и отрицания. Многие деятели литературы постепенно все дальше отходили от революционных традиций чешской и словацкой литературы, представленной такими именами, как Нойманн, Неедлы, Волкер, Фучик, Вацлавек, Конрад, Уркс, Новомеский, Йилемницкий, Ф. Крал, Поничан. Вместе с тем возносились на почетный пьедестал традиции и критерии буржуазной литературы, усиливались нападки на поколение авторов — основоположников социалистического реализма в Чехословакии.

Недостаточное усвоение теории и методологии марксизма-ленинизма становилось причиной абстрактной умозрительности, связанной часто с догматизмом, с одной стороны, и распространением плоского эмпиризма и эклектицизма, связанного в основном с ревизионизмом,— с другой. Об этом свидетельствует, например, общегосударственное совещание чешских и словацких марксистских философов в Йиловице под Прагой (8—10 февраля 1966 г.). Вместо того чтобы возможности марксистско-ленинской философии использовать для изучения новых явлений, предпринимались неоднократные попытки «развить» и «дополнить» ее структуру элементами буржуазной антропологии, этики, социологии и т. д. Наряду с понятием «саморефлексия» возникали концепции «диалога», «марксизма как *открытой системы*» и «научного обоснования», то есть деидеологизации философии; эти концепции служили основными «методами», с помощью которых революционная сущность марксистско-ленинской философии постепенно была пересмотрена и разбавлена немарксистскими элементами.

Здесь следует обратить внимание на связь чехословацкого ревизионизма с международным. Теперь уже очевидно, что на многих чехословацких «интеллектуалов» оказывалось влияние

таких зарубежных «марксистов» и экзистенциалистов, как Э. Фишер, Р. Гароди и Ж.-П. Сартр. Это как раз и проявилось, например, в дискуссии о мирном сосуществовании и борьбе идей, опубликованной в первом номере журнала «Пламен» за 1964 год. «Комплименты» марксизму-ленинизму, вроде того, что он имеет, мол, «хороший желудок» и поэтому может переваривать самые противоречивые концепции, расчищали поле для эклектицизма и отказа от классовой позиции.

Эрнст Фишер требовал «обогащения» марксизма путем открытой, свободной дискуссии, путем включения в него некоторых элементов психоанализа. Речь идет о том самом Фишере, который полностью порвал с коммунистическим движением и с марксизмом-ленинизмом.

Небезынтересно напомнить также о том «вкладе», который внесла в борьбу против марксизма-ленинизма конференция «конгресса свободной культуры», проходившая в сентябре 1955 года в Милане. В «теоретическом» разделе дискуссии на тему «Будущее свободы» главное слово принадлежало известным идеологам современного антикоммунизма. Французский социолог Р. Арон выступил, например, с утверждением, что-де между «левыми» и правыми силами на Западе существует больше согласия, чем различий, а в доказательство этого утверждения сослался на то, что, мол, английские лейбористы сумели в своей политической линии примирить элементы как буржуазной, так и социалистической политики. Один из вдохновителей «конгресса» Э. Шиллз в журнале «Инкаунтер», официальном органе этого «конгресса», выразил дух милайской конференции так: «Конец идеологии?»

На ту же тему в 1960 году вышли две книги: Д. Бэлла «Конец идеологии» и С. М. Липсета «Политический человек». В обеих книгах тезис «гибели идеологии» был весьма широко развернут и последовательно разъяснен.

Заметим, что в те годы люди, подобные Р. Гароди, все меньше стали понимать и рассматривать марксистско-ленинскую философию как классовую идеологию, как идеологию рабочего класса и начали подменять ее антропологической, гуманистической, общечеловеческой и т. п. концепциями. В своей книге «Марксизм XX века» (1966 г.) Р. Гароди, например, писал: «Марксизм... может интегрировать очень богатый завет в виде открытий, сделанных — хотя бы и в мистифицированном, чуждом подобии — другими идейными течениями независимо от того, идет ли речь о философском или религиозном учении, о научных теориях

или методах исследования, христианском мышлении или размышлениях о существовании, психоанализе или структурализме».

От такого неклассового понимания «диалога», примиряющего противоречивые идеологии, Р. Гароди закономерно перешел к теории идеологического плюрализма и проповеди множественности «моделей социализма». Такие понятия, как «диалог», «интеграция», «плюрализм», служили Гароди так же, как и чехословацким ревизионистам, для разработки программы примирения марксистско-ленинской идеологии с буржуазной, что вытекает из иллюзии «возможной» конвергенции двух противоречивых общественных систем — капитализма и социализма. Многие философы Чехословакии все больше отказывались от идеологической классовой борьбы в пользу беспринципного идеологического сосуществования.

«Неклассовые» взгляды вносились и в проблему свободы, которую чехословацкие ревизионисты преподносили не как познанную необходимость, а как «специфический модус человеческого бытия», «действительного бытия» или даже как «трагическое отчуждение». Такая «неклассовая» философия в качестве объекта своей «критики» избрала прежде всего социалистическое общество, о чем недвусмысленно заявили, например, М. Пруха и И. Свитак в докладе о симпозиуме в Дубровнике, опубликованном на страницах «Философского журнала» в июне 1963 года. Противников «философской антропологии» они изображали здесь как «неисправимых догматиков» и отстаивали различные «модели социализма». Роль философии эти авторы усматривали прежде всего в ее критицизме, при этом они бездоказательно ссылались на Маркса, обвиняя его в установлении некоего «абстрактного гуманизма». Понятие «отчуждение» они относили к центральной категории философии.

Речь шла, по существу, о полном отречении от марксизма-ленинизма. Но отступничество это выдавалось за марксизм. Заметим в связи с этим, что классовая сущность и цели ревизионизма не изменились и ныне; изменились лишь его методы и формы одежды, на что указывал еще В. И. Ленин, когда писал, что «теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами» [1].

Одним из самых «передовых мыслителей» чехословацкие ревизионисты назвали Ф. Кафку. Произошло это на так называемой «кафковской конфе-

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 3.

ренции», состоявшейся 27—28 мая 1963 года; на ней уже тогда встретились представители международного ревизионизма во главе с Э. Гольдштюккером, Р. Гароди, Э. Фишером и И. Свитаком.

Не случайно, что тогда было использовано именно творчество Ф. Кафки. Как пишет И. Скала, «Кафка был одним из основоположников так называемого «литературного модернизма», литературы империалистического периода капитализма, которая обостряет противоречия буржуазного общества, смотрит глазами мелкобуржуазного пессимистического скептика, выражает чувства мелкого буржуа, еще более уменьшенного капиталистическим крупным производством и тщетно жаждущего иметь долю в крупных прибылях, которые может загребать лишь избранное меньшинство, и считающего эту свою долю вечной данью человечества»[1].

Современные ревизионисты выбрали Кафку прежде всего для того, чтобы, используя его труды, опровергать принципы социалистического реализма, а одновременно и для того, чтобы «вообще человечную и прогрессивную» логику и терминологию Кафки, по словам И. Свитака, «выражающую какие-то антропологические основы человеческого существования», сделать критической мерой социалистического строительства, орудием эрозии социализма. Классовый пессимизм в творчестве Кафки дополнен и усилен пессимизмом личных комплексов, что подчеркивает его деятельность как какого-то «трагического крика о человеке для человека» (как выразился на конференции И. Свитак) и прикрывает классовое положение Кафки как мелкобуржуазного интеллектуала.

Больше всего оперировали на «кафковской конференции» понятием «отчуждение». «На некоторых этапах люди чувствуют отчуждение еще острее, чем во время капитализма»,— утверждал, например, на этой конференции Э. Гольдштюккер. «Не возвращайте труды Кафки из вынужденной ссылки! — взывал тот же Э. Фишер.— Дайте ему постоянную, не ограниченную временем визу!.. Отчуждение человека, которое изобразил Кафка с максимальной интенсивностью... ничуть не преодолено даже в мире социалистическом...» А. И. Свитак на этой же конференции так высказался о Франце Кафке: «Кафка не является документом прошлого; это трагический документ положения человека нашего времени и в своих самых глубоких слоях является философско-литературным отражением положения человека вообще, антропологических законов существования». В подобном же духе деятельность Ф. Кафки изображали Р. Гароди и многие другие ревизионисты.

Напомним в связи с этим, что В. И. Ленин не раз глубоко и всесторонне вскрывал противоречивость политической позиции мелкобуржуазной демократии, которая проявляется в колебаниях, половинчатости, паникерстве в период неуспехов и переходов от «ультрареволюционности» к контрреволюции. Кроме всего прочего, это вытекает из того, указывал В. И. Ленин, что «мелкий буржуа, по своему экономическому положению, по всем услови-

[1] J. Skála, S Franzom Kafkom proti socializmu, «Tribuna», č. 9/1973, 30.V.1973, str. 9.

ям своей жизни... дальше стоит от острой классовой борьбы, от биржи, от «настоящей» политики» [1].

Чехословацкие ревизионисты, так же как и международные, по-своему использовали результаты XX съезда КПСС, извратили его решения и под лозунгом борьбы со «сталинизмом» выступили против марксизма-ленинизма. Их лозунг «очистить теорию от пропаганды» в действительности означает не что иное, как возвращение к старым ревизионистским взглядам и концепциям Бернштейна.

Марксистско-ленинская идеология была названа ревизионистами «лжесознанием», а К. Косик в своей статье «Гегель и наше время» в 48-м номере «Литарних новин» за 1956 год к этому добавлял, что-де «закончилось господство идеологии в марксизме, с тем чтобы уступить место «научной теории»». В тот же период значительно усилилось деление марксизма на так называемый «институциональный» и «творческий»; Маркса пытались использовать для критики «псевдоконкретной повседневности». Между теорией, «чистой» наукой и пропагандой была еще больше увеличена пропасть.

Ревизионизм полностью заимствовал буржуазную реформистскую фальсификацию ранних работ К. Маркса, особенно «Экономическо-философских рукописей 1844 года». В духе этой фальсификации и под предлогом борьбы против бюрократизма, «этатизма», «манипуляции» и т. д. правые оппортунисты в ЧССР всячески нападали на руководящую роль партии и на социалистическое государство.

К сожалению, тогдашнее руководство КПЧ не сумело встать во главе наступательной политики принципиальных членов партии, направленной на борьбу с ревизионизмом, на ликвидацию общественных деформаций, на последовательное марксистско-ленинское развитие социализма в Чехословакии. Получилось так, что прагматизм, оппортунизм, бесперспективность, неспособность решить назревшие проблемы, с одной стороны, и недооценка идеологической работы, омертвление классового подхода к проблемам, волюнтаризм, субъективизм, приукрашивание действительности — с другой, все дальше вели к созданию оппозиционного течения в среде интеллигенции.

Документ ЦК КПЧ «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ» особенно ярко и точно показывает, к каким последствиям привела недо-

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 192.

оценка идеологической работы в те годы: «Недооценивалась опасность проникновения правого оппортунизма и ревизионизма, в идеологической работе проявлялась недопустимая пассивность и терпимое отношение к ним. На словах часто говорилось об опасности идеологической диверсии, но конкретных шагов не предпринималось. Было ослаблено воспитание членов партии и остальных трудящихся в духе марксизма-ленинизма. Партия постепенно идейно разоружалась. На протяжении многих лет теоретическая работа в партии была запущена и страдала поверхностным, формальным подходом к вопросу идейного воздействия на членов партии» [1].

* * *

Все упомянутые теории и концепции ревизионизма, равно как и участие их авторов в процессе «возрождения», свидетельствуют о том, что симптомы «горячего лета» 1968 года имели свои корни уже задолго до января этого года.

Сложившаяся к концу 1967 — началу 1968 года ситуация в Компартии и стране в целом была так определена в Резолюции XIV съезда КПЧ: «В соответствии с объективными интересами социалистического общества XIII съезд правильно определил главные направления по преодолению трудностей и решению назревших проблем. Однако в процессе практического выполнения решений съезда бывшее руководство партии не проявило марксистско-ленинской принципиальности, последовательности и способности мобилизовать марксистско-ленинские силы партии. Это вело к нарастанию кризисных явлений в партии и в обществе.

Январский пленум 1968 года был вызван необходимостью ликвидировать кризисную ситуацию и преодолеть в деятельности партии, особенно в ее руководстве, все то, что мешало последовательному осуществлению ленинских принципов и дальнейшему развитию социалистического общества. Однако серьезный недостаток пленума заключался в том, что он не наметил четко классовое содержание и рамки дальнейшего развития общества и не ориентировал партию на борьбу с нарастающим правым оппортунизмом и антисоциалистическими тенденциями.

Новое руководство КПЧ, которому недоставало принципиального единства на основе марксизма-ленинизма, не обеспечило

[1] «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 10—11.

реализацию положительных итогов январского пленума и своими нерешительными, непринципиальными действиями подготовило почву для наступления ревизионистского и оппортунистического течения в партии. Сформировался политический блок правых ревизионистских и антисоциалистических сил, который при широкой поддержке предпринял контрреволюционную попытку изменить общественный строй в ЧССР» [1].

[1] «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии», стр. 226—227.

Эрозия социалистической идеологии

Исторический опыт подтверждает, что процесс развития социалистической революции имеет объективные закономерности и важнейшие критерии. Они выражаются прежде всего в руководящей роли рабочего класса и его авангарда — коммунистических и рабочих партий; в укреплении социалистического государства как орудия построения социализма и коммунизма и защиты от империалистических агрессоров; в повышении роли марксистско-ленинской идеологии и усилении ее воздействия на массы с помощью всех средств информации и пропаганды; в упрочении социалистической общественной собственности на средства производства и принципов планового руководства народным хозяйством; в утверждении принципов пролетарского интернационализма и их последовательном осуществлении во внешней политике, особенно в отношениях с Советским Союзом.

Однако все эти закономерности, важнейшие условия и критерии строительства социализма в Чехословакии были, к сожалению, бесцеремонно нарушены и в конечном счете отвергнуты правооппортунистическими, антисоциалистическими и контрреволюционными силами в ходе подготовки и развития известных событий в стране 1968—1969 годов.

Характеризуя период так называемой «пражской весны» и всех сопутствовавших ей благоприятных условий, уместно вспомнить слова К. Маркса из письма к Ф. Зорге от 19 октября 1877 года: «В Германии в нашей партии не столько среди масс, сколько среди вождей (выходцев из высших классов и «рабочих») пахнет гнилью. Компромисс с лассальянцами привел к компромиссу и с другими половинчатыми элементами... и, кроме того, с целой бандой незрелых студентов и преумнейших докторов, поставивших себе задачей дать социализму «более высокое, идеальное» направление, то есть заменить его материалистическую базу (требующую, раньше чем ею оперировать, серьезного объективного изучения) — современной мифологией с ее богинями справедливости, свободы, равенства и братства» [1].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 34, стр. 234.

В ходе наступления правых и антисоциалистических сил в стране значительно активизировалась ревизионистская деятельность во всех областях — в философии, истории и искусстве, в экономике, партийной и общественной жизни, в международных отношениях. Действия, с которыми мы столкнулись в этих и других областях, выходили далеко за рамки не только «демократии», но и элементарных «гуманистических» и «моральных» принципов.

Правые развернули утонченную *психологическую войну* прежде всего против определенной категории партийных работников, стоявших на принципиальных позициях, а также против партии в целом и против социализма вообще. «Это был,— пишет О. Швестка в своей работе «О чем шла речь в 1968 году в Чехословакии»,— белый моральный террор, который имел в своей сущности контрреволюционный характер и контрреволюционные цели, нередко замаскированные под социалистические фразы» [1].

Выше уже было сказано, какую роль в нарастании кризиса в партии и обществе сыграли ошибки старого руководства КПЧ. К ним, однако, вскоре присоединились *ошибки нового руководства* во главе с А. Дубчеком, приумноженные в ходе исправления, а точнее, усугубления прежних ошибок. Носители ревизионизма — правые оппортунисты — овладели позициями в партии не в январе 1968 года, а значительно раньше. После же января они стали еще более интенсивно укреплять свои позиции.

Ревизионистские концепции в философии, политэкономии и других областях знания возникли тоже значительно раньше. Ревизия марксизма-ленинизма, идеологическая диверсия и атаки на социалистический строй, чему мы были свидетелями в 1968 году, явились, таким образом, результатом длительной подготовки. Носители ревизионистских тенденций ожидали лишь благоприятной обстановки, и она наступила именно в 1968 году. Об этом свидетельствует, например, выступление Й. Смрковского на январском пленуме ЦК КПЧ в 1968 году, когда он всячески старался преуменьшить степень обострения классовой борьбы и тем самым притупить революционную бдительность в стране. «С победой социализма был устранен классовый антагонизм, а вместе с ним, в сущности, и классовая борьба внутри нашего общества», — заявлял Смрковский.

[1] «Tribuna», 1970, č. 36 a 37.

Правые оппортунисты использовали понятие «Январь» как заклинание, как фразу без содержания, без программы и от имени «Января» укрепляли позиции, которые находились в остром противоречии с действительным смыслом и решениями январского пленума ЦК КПЧ. Речь шла о преднамеренной подготовке общественного мнения, психологической обработке, создании благоприятной атмосферы для того, чтобы при удобном случае можно было приступить к соответствующим действиям.

Чтобы праворевизионистские группы, различного рода авантюристы и карьеристы могли развить свою деятельность, необходимо было расшатать идеологические основы социалистической системы, дискредитировать в глазах общественности Коммунистическую партию, извратить историю социалистического государства в Чехословакии, изобразив ее как период политического, экономического и морального кризиса. Именно с этой целью была развернута, например, кампания, связанная с обстоятельствами смерти Яна Масарика, в ходе которой «ученый» И. Свитак использовал в качестве «доказательства» антисоветскую статью авантюриста Б. Вайгла (выступавшего под псевдонимом Мики Ранд) без всякого критического подхода к источнику. Его задачей и стремлением было породить атмосферу подозрения и различного рода догадок на основе распространения вымыслов.

К руководству средствами массовой информации и пропаганды были выдвинуты люди, которые путем использования опыта психологической войны, перекрашивания черного в белое пытались отравить сознание читателей и слушателей и перенести центр тяжести воздействия на них в эмоциональную сферу. Характерно, что некоторые из этих деятелей занимали прежде крайне догматические позиции и без какой-либо самокритики в новых условиях оказались в первых рядах «возрождения» (И. Пеликан, Э. Фриш, В. Кашпар и др.); иные под давлением или по другим причинам проделали известную метаморфозу; например, секретарь Союза журналистов А. Градецкий сделал робкую попытку искупить свою «вину» за критику, высказанную съездом чехословацких журналистов в адрес исключенных писателей [1].

Дискуссии об ошибках прошлого проводились не с целью их устранения, а для того, чтобы всячески бередить раны, вызывать недоверие к социализму, распространять пессимизм и скепсис.

[1] Речь идет об исключенных Центральным Комитетом КПЧ из партии писателях Л. Вацулике, А. Лиме и др. за их антисоциалистические выступления на IV съезде чехословацких писателей в июле 1967 года.— *Прим. ред.*

Антисоциалистические группы исходили из догм антикоммунизма: *подорвать партию изнутри.* Успехи, которых достигли Советский Союз и другие социалистические страны, огромный авторитет коммунистических и рабочих партий вынуждали правых оппортунистов, антисоциалистов и антикоммунистов усилить свои попытки по овладению партией с помощью извращений марксистско-ленинской идеологии, с помощью чудовищной фальсификации учения великого Ленина путем тенденциозно подобранных из его произведений цитат. Были сделаны попытки посеять сомнения в верности идей К. Маркса с помощью, например, извращения «молодого Маркса» особой подборкой цитат.

В. И. Ленин более чем 50 лет назад разоблачил такого рода «метод», серьезно упрекнув автора венского журнала «Коммунизм» за то, что он «...критикует на основании цитат из Маркса, относящихся к непохожей на данную ситуации... Обходит то, в чем самая суть, в чем живая душа марксизма: конкретный анализ конкретной ситуации» [1].

При оценке «умеренных отклонений» реформистов никогда нельзя забывать неоднократно подтвержденную закономерность истории: оппортунисты, расходящиеся с революционным марксизмом, независимо от того, каковы были их замыслы, рано или поздно непременно окажутся по другую сторону баррикад.

«Второй центр» в КПЧ, на который обращали внимание братские коммунистические и рабочие партии уже в начале мая 1968 года, все более напористо развертывал свою деятельность при вызывающей удивление терпимости тогдашнего Первого секретаря ЦК партии А. Дубчека.

Подготовляя государственный переворот, правые силы и резиденты антикоммунистических центров в средствах массовой информации и пропаганды пользовались самыми утонченными методами.

Когда мы сравниваем методы антикоммунизма, концепции диверсионных антикоммунистических центров, применявшиеся до событий в Чехословакии 1968 года (например, методы, использованные в Венгрии в 1956 г.), с практикой так называемого «чехословацкого эксперимента», то находим их «обогащенными» новыми и притом *значительными элементами психологической войны.* Сюда входят и изощренное использование «патриотических» призывов с целью раздувания антисоветизма по рецептам З. Бжезинского, и ориентация на переворот внутри партии, и ис-

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 136.

пользование социал-демократизма. Ясно проявилась усиленная *ориентация на средства массовой информации и пропаганды,* что в Чехословакии имело особенно большое значение, поскольку эта область была слабым местом с точки зрения кадрового состава и партийного влияния. *Концепция антикоммунизма* вытекает из теории Г. Лоссуэлла: «Пропаганда наряду с дипломатией, экономическими мероприятиями и вооруженными силами является важным инструментом политики. Политическая пропаганда представляет собой использование громадных средств информации в интересах власти...» [1].

В настоящее время хорошо известна основа ориентации современного антикоммунизма, который вынужден отказаться от провалившихся методов «холодной войны» и уже «по-научному» разрабатывает приемлемые ему формы *идеологической диверсии* и психологической войны. Современные антикоммунистические центры, вынужденные учитывать тот факт, что социалистические идеи глубоко укоренились в сознании людей, рекомендуют теперь своим резидентам использовать «марксистскую» терминологию, заботясь прежде всего о том, чтобы придавать этим терминам и понятиям выгодный для себя смысл. Поэтому к понятию «социализм», например, прибавлялись такие прилагательные, как «демократический», «возрожденный», «гуманистический», «просвещенный» и т. д.

Манипуляторы жонглировали основными моральными категориями, категориями абстрактного гуманизма, абстрактными политическими категориями (например, политическое «соревнование», абстрактно понятая «оппозиция» и т. д.). Ревизионистски настроенные журналисты пропагандировали концепции различного рода «моделей» социализма, «политического плюрализма» и т. д., которые составляли основу программы правых радикалов. Некоторые «социологи» фальсифицировали основные ценности и цели нашего общества и подменяли своими выводами политику, партийные и политические решения. Для субъективистски понятой социологии становится типичным то, что она занимает позицию некоего арбитра общественной действительности. Теории буржуазной социологии, как, например, теория властвующих элит в некоторых статьях М. Йодла, будучи перенесенными из капиталистической системы, выдавались за универсально действующие и неадекватно прилагались к социалистическому обществу.

---

[1] H. Lasswell, Propaganda in War and Crisis, ed. by Lerner, New York, 1951.

Для усилий «возрожденцев» типичными были поиски путей вспять, замаскированные под социалистическую терминологию, подобно тому, как это принято у современных реформистов, которые знают, что социализм стал мечтой широких народных масс. Поэтому на первом этапе они направляли эти стремления в сторону социал-демократизма, реформ социализма и т. д. Поскольку социалистическая демократия была для них «деформированной», они склонялись к демократии, украшенной громким прилагательным «классическая», и к «классической» парламентарной системе. И хотя речь шла всего лишь о звучных прилагательных, этот метод, отвечающий в принципе упрощенчеству, особенно большое влияние оказывал на молодых людей, которые не испытали данной «демократии» на себе.

Стремлениям правых способствовала сектантская поспешность, в частности провозглашение «завершения строительства социализма» уже в начале 60-х годов при недооценке факторов классовой борьбы внутри страны и особенно в международном масштабе. Со всей определенностью проявилось вместе с тем стремление правых низвергнуть наше социалистическое общество с более высокого уровня, на котором мы находились и находимся, где уже нет антагонистических классов, на низшую ступень — к «плюрализму», буржуазной демократии, разумеется, под гегемонией самозванных «элит» и под защитой империализма.

Одни устоявшиеся понятия модернизировались или подменялись другими. Вспомним повальное увлечение созданием всевозможных «клубов» вместо организаций, использованием понятия «правила игры» вместо «организационные принципы». Постулаты социалистической классовой морали подменялись абстрактными категориями «человеческих прав», «всеобщего гуманизма», «почтенного человека». Особенно широко употреблялись такие высокие слова, как «возрождение» и «прогрессивный», в сочетании их с самыми несуразными понятиями. Выполнение решений называлось, например, «конформизмом», принципиальные марксисты — «консерваторами», либералы — «прогрессистами», контрреволюция — «революцией», оппортунизм — «ренессансом» и т. д.

Нередко в ревизионистских терминологических упражнениях речь шла лишь о незначительных семантических (смысловых) переменах, которые легко усваивались в разговорной речи и наполнялись манипуляторами необходимым им содержанием. Так было, например, с выражением «арабско-израильский конфликт» вместо точного определения «израильская агрессия».

Путаница понятий была более вредной и опасной, чем казалось на первый взгляд, особенно тех понятий, которые были с давних времен предметом демагогии и извращений, как, например, *свобода, нейтралитет, патриотизм* и т. д. Кому же это выгодно?

Возьмем понятие, которое мы часто употребляем в разговорной речи: «Восток — Запад». Оно правильно применяется, если его понимать в классовом смысле, даже тогда, когда классовая категория «социализм — капитализм» заменена географической. Однако необходимо помнить, что классовое деление проходит внутри стран. Известно, что в соответствии с таким делением (на «Восток» и «Запад») некоторые идеологи типа Ф. Штрауса создают свои теории и «модели» о принадлежности отдельных социалистических стран к западноевропейской цивилизации в противоположность «восточной азиатчине». Заметим, что такие теории мало приложимы по отношению к Москве или казахскому Байконуру, дирижировавшему передвижением советского «Лунохода», равно как и по отношению к Токио, где культура автострад находится на такой же высокой ступени, как и в Гамбурге.

Имеют место попытки заменить деление «Восток — Запад» делением «Север — Юг» с целью обосновать отсталость Южной Америки по сравнению с США, а также нищету бывших колониальных африканских стран в сравнении с колонизаторскими метрополиями в Европе. Нередко прибегают к поискам особых климатических и других факторов, с тем чтобы обосновать как прежний колониализм, так и новейший неоколониализм.

Все эти вопросы нуждаются в более глубоком анализе, так как каждый из них содержит в себе целый ряд проблем. Здесь речь идет об иллюстрации того факта, что правооппортунистическим группам в печати в согласии с антисоциалистическими силами и их антикоммунистическими концепциями удалось в ЧССР извратить марксистско-ленинские принципы, внести идеологическую путаницу и с помощью деструкции понятий извратить ведущую роль партии и рабочего класса в социалистическом государстве.

Необходимо поэтому очищать некоторые исходные постулаты от их ревизионистской интерпретации, разоблачать фальшь и демагогию, утверждать классовую точку зрения при оценке общественной ситуации. Ленинский тезис о классовости идеологии действителен и сегодня: «Вопрос стоит *только так:* буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в

обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии). Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной»[1].

Антикоммунизм ловко приспосабливается к обстановке своими принципами (а точнее, беспринципностью!) и методами. Идеологическая диверсия представляет собой давнее явление, и ориентация на психологическую войну является длительной и устойчивой. Эта диверсия в настоящее время еще действует по множеству каналов. Она укоренилась не только в представлениях деятелей «чехословацкого эксперимента», которые не отказались от своих целей, но также и в фальшивых понятиях, зафиксированных в сознании людей. Отсюда вытекает острая необходимость вести против нее последовательную, систематическую борьбу.

Чтобы настроить людей, и в том числе даже коммунистов, против партии и социализма и тем самым расчистить контрреволюции путь к власти, правые силы должны были прежде всего отвергнуть (и отвергли) все то положительное, что было добыто после 1945 или же 1948 года в стране; правые стремились всячески дискредитировать тех ведущих деятелей партии, которые с ними не соглашались. При этом они особенно большие усилия прилагали для воспевания западных буржуазных государств.

От реформизма к прямой измене

Наступление правых сил в Чехословакии было направлено прежде всего на ослабление важнейших принципов революционной партии. Политические деятели типа Й. Смрковского и Й. Шпачека развивали «теории», которые вначале казались неким «возрождением», «одомашниванием», «улучшением» марксизма, а на самом деле представляли собой реакционную реформу революционных принципов рабочего класса. Так, на областной партийной конференции в Брно Й. Шпачек одной из главных задач момента назвал поиски новой формы социализма. Более конкретно свою платформу он определил в статье «Решительно подготавливать чрезвычайный съезд», опубликованной в журнале «Нова мысль», № 6 за 1968 год. «Одним из условий новой модели политической системы социализма,— утверждал Шпа-

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 39—40.

чек,— является активная и инициативная политика партии в ответ на вопросы о ее месте, назначении и роли. Тем более необходимо стремиться к идеологическому перевооружению в партии... на основе новой политики». В документе, представленном 2 июня 1968 года президиуму Южно-Моравского обкома КПЧ под названием «Некоторые заметки о развитии политической ситуации в области», он предлагал даже установить и определить, «останется ли марксистско-ленинское учение ведущей идеологией...».

В проекте «программы действий» Южно-Моравского областного комитета КПЧ, где Й. Шпачек выполнял функции первого секретаря, говорится: «Будучи в принципе на стороне политического эксперимента плюралистического понятия политической системы социалистического общества, мы выражаем свое согласие с развитием движения молодежи в направлении к его дифференциации». Й. Смрковский, руководитель делегации ЦК КПЧ на чрезвычайной конференции пражской городской партийной организации в июне 1968 года, прямо заявил, что, мол, отношения в Чехословакии между партией и обществом глубоко нарушались в течение всего истекшего двадцатилетия. «Именно это,— утверждал он,— отразилось в сознании значительного числа кадров наших функционеров, породив нежелание... выработать новую политическую систему, нежелание к политическому партнерству».

К такого рода псевдореволюционным переменам стремились и всевозможные кригли, шики, гольдштюккеры, лебли, подготавливая идеологическую деструкцию к так называемому «кадровому съезду», как они именовали готовившийся тогда съезд партии, призванный, по их расчетам, закрепить общественный переворот.

Растущая опасность контрреволюционного переворота в ходе событий 1968—1969 годов проявилась также и в Словакии. Февральский и июльский пленумы ЦК Компартии Словакии (1970 г.) подчеркнули, что *правооппортунистические силы в Словакии* имели те же самые цели, как и в чешских областях. Следует, однако, отметить, что в результате политики Коммунистической партии Словакии и определенных специфических особенностей политического развития интенсивность и размах проявления правооппортунистических действий были здесь несколько более ограниченными.

То обстоятельство, например, что Компартия Словакии при решении национального вопроса взяла последовательный курс на исправление деформаций и подготовку федеративного государственного устройства, безусловно, способствовало тому, что широкие массы населения республики в меньшей степени поддались

демагогическим выступлениям некоторых правых элементов и шовинистической кампании, развернувшейся на страницах таких изданий, как «Культурни живот», «Смена», «Праце», «Люд», а также в передачах по радио, телевидению и т. д. Подчеркивая эту специфичность развития событий в Словакии, никак нельзя, однако, переоценивать и абсолютизировать ее, ибо это могло бы заслонить собой главное и помешать принципиальному решению рассматриваемых проблем. «Конечные цели правых и антисоциалистических сил в Словакии были такими же, как намерения правых сил в чешских областях. Но в руководстве ЦК КПС, в областных и районных комитетах Коммунистической партии Словакии и среди интеллигенции сформировались силы, самоотверженно боровшиеся против деятельности правого и антисоциалистического блока. Правым силам в Словакии не удалось до августа 1968 года полностью сформировать свои ряды на организованной и законченной платформе. В этом сыграло свою роль здоровое ядро в руководстве партии во главе с товарищем Василем Биляком, который, занимая пост Первого секретаря ЦК КПС, решительно выступал с позиций марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, открыто разоблачал цели правых и антисоциалистических сил, защищал позиции партии и наши союзнические отношения с Советским Союзом» [1].

Кроме тенденций оппортунистических, Компартия Словакии столкнулась также с тенденциями националистическими, которые, с одной стороны, произрастали на застаревшей людацко-клерикальной почве, а с другой — оживлялись из-за неправильной практики А. Новотного в решении национальных проблем. В этой связи хочется еще раз обратить внимание на большое значение активных усилий Компартии Словакии по подготовке решений федеративного государственного устройства. Важную роль здесь сыграл Густав Гусак, который совместно с широким активом всесторонне и глубоко разрабатывал эти проблемы. В активизации борьбы против правых большое значение имела также позиция Ладислава Новомеского, Мирослава Валека и других партийных и общественных деятелей, публицистов и работников культурного фронта, которые решительно порвали с редакцией «Культурни живот».

Однако все эти и другие здоровые факторы развития Словакии также заглушались растущим потоком антисоциалистических

---

[1] «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 23.

выпадов со стороны правых публицистов в средствах массовой информации и пропаганды. Особенно возросло давление этих сил в августе 1968 года, что нашло свое отражение в редакционной статье еженедельника «Культурни живот», опубликованной под заголовком «Правда с нами» накануне встречи на высшем уровне политических представителей в Чиерне-над-Тисой. Статья была пропикнута явно оппортунистическим духом. В словацкой публицистике, так же как и в чешской, на первый план все более активно выдвигались ревизионистские представители, провозглашавшие плюрализм, «демократический социализм», теории «элиты», сеявшие антисоветские настроения.

Антисоциалистическая программа была изложена, например, в статье Ю. Стринки «Размышления о демократическом социализме», опубликованной в еженедельнике «Культурни живот», № 32 за 1968 год. «Конституирование демократического социализма в стране бюрократически-этатического социализма представляло бы собой своего рода революционный акт,— вещал Ю. Стринка.— Всякие попытки преодолеть углубляющуюся дивергенцию между политической системой и живым обществом людей или же какими-либо коррективами и заменой отдельных представителей власти «даже целых гарнитур» не могут быть успешными... К существенным переменам можно дойти лишь путем качественного переворота политической системы, такой ее перестройкой, которая в результате будет иметь практически новую политическую систему, а это невозможно осуществить иначе, как только революционным движением». Мысль автора сводится к тому, что «подлинный» социализм должен явно отличаться от нынешнего социализма; заметим, что речь он ведет здесь не об «улучшении» и «совершенствовании» нынешней «модели социализма», а о совершенно новой системе.

К «теоретикам» «возрожденного социализма» принадлежит также д-р Э. Фриш, взгляды которого, кроме еженедельника «Культурни живот», популяризировались также и братиславской «Правдой». В статье «Будущность социализма» (братиславская «Правда» от 31 июля 1968 г.) Варшавский документ[1] он называет «попыткой теоретически ревизовать идеи возрождения» и «возвратом к методам Информбюро» во взаимоотношениях между коммунистическими партиями. Фриш пытался подкрепить свою «теорию» утверждением, что, мол, с точки зрения географической, Чехословакия находится на границе «демократии» и «этим отличается от других народно-демократических стран».

В передовой статье братиславской «Правды» от 24 июля 1968 года под названием «Сосуществование социализма» Э. Фриш

[1] Речь идет о Письме коммунистических партий пяти социалистических стран Центральному Комитету КПЧ. — *Прим. ред.*

требует создания собственной «модели социализма» в Чехословакии. В послеянварском развитии он не видит, а точнее, не желает видеть ничего негативного, никаких атак против ведущей роли партии, против принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Через несколько дней (27 июля 1968 г.) в другой передовой статье той же «Правды» Э. Фриш пишет: «Мы убеждены, что создание собственной демократической модели социализма в Чехословакии является вкладом, который обогащает и укрепляет социализм как мировую систему. Отвага, размах и вытекающее из них моральное превосходство являются нашим девизом». В заключении серии передовых статей братиславской «Правды» Фриш выразился еще более откровенно: «Поскольку мы обвиняемся в нарастании контрреволюции, то имеем право и обязанность заявить, что в настоящее время мы представляем «культивизированное сообщество чехов и словаков», как об этом прекрасно сказал Ота Шик». Это, мол, не контрреволюция, а сила и надежда революционного авангарда в Европе! Подобного рода взгляд, но в более осторожной форме выражал Э. Фриш и в еженедельнике «Культурни живот» от 31 мая 1968 года.

В этой связи вспоминаются яркие и весьма актуальные для нашего времени слова В. И. Ленина, прозорливо сказанные им более шестидесяти лет назад: «То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу,— то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве,— это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу.

Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX века есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата, идущего вперед к полной победе своего дела вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства»[1].

Обратимся теперь к небезызвестным попыткам бывшего секретаря ЦК КПЧ Ч. Цисаржа «одомашнить» К. Маркса, которые,

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 25—26.

по существу, являются не чем иным, как попытками *обосновать реформистские устремления,* уже тогда получившие свое официальное выражение. В своем публичном выступлении, посвященном 150-летию со дня рождения К. Маркса, этот партийный руководитель претенциозно утверждал, например, что-де «ленинизм со временем был превращен в монопольную интерпретацию марксизма».

Для «возрождаемого социализма» чехословацкие реформаторы использовали, как известно, название «демократический социализм», который включает основные принципы, почерпнутые из буржуазных учебников психологической войны. «Современные условия, как они сложились в Чехословакии,— утверждал Ч. Цисарж,— отвергают догматические понятия идеологии и политики... На повестку дня встали неизбежные проблемы демократизации и гуманизации социалистического строя, проблемы поисков нового варианта марксизма...» А этот «новый вариант» необходим потому, что «первоначальные освободительные цели марксизма» были, мол, «деформированы». «Ответственность» же за их «деформацию» он возлагает на... опыт социалистического строительства в Советском Союзе!

Если так утверждал секретарь ЦК КПЧ, то вряд ли стоит удивляться взглядам целой плеяды других знатоков «марксизма», членов КПЧ и беспартийных, которые так или иначе, прямо или завуалированно выступали против марксизма-ленинизма, против научного социализма, против СССР.

М. Дзвоник, например, в статье «Мы в пространстве и во времени», опубликованной в еженедельнике «Культурни живот» № 28 за 12 июля 1968 года, искаженно изображая развитие советского социалистического общества, пытался «доказать», что-де «марксистский социализм России» якобы не в состоянии осуществляться ни в какой иной стране, кроме Советского Союза. Он клеветнически заявлял, далее, будто построенный в СССР социализм «имеет с Марксовым социализмом лишь общую фразеологию и некоторые всеобщие принципы». В этой же статье Дзвоник утверждал, что принципы пролетарского интернационализма и национальные интересы развития каждой социалистической страны якобы противоречат друг другу и совершенно непримиримы между собой.

Подобного рода статьи и выступления явных ревизионистов и полузамаскированных контрреволюционеров изо дня в день публиковались в печати, передавались по радио и телевидению. Их авторы считали одной из своих основных задач любой ценой противопоставить «европейский марксизм» и «азиатский ленинизм» «советскому марксизму», которому придается всеобщее значение. Все они стремились внушить чехам и словакам мысль о

том, что-де применение опыта социалистического строительства СССР в условиях Чехословакии было ошибочным.

Так, некий Б. Пик в статье к проекту «программы действия» чехословацкой народной партии, опубликованной в газете «Лидова демократие» от 30 июля 1968 года, предлагал заменить «устаревшее» марксистское определение социализма «новым» понятием — «плюралистическим социализмом». Редактор журнала «Репортер» в № 29 от 24 июля 1968 года в статье «О ревизионизме» выражал свое политическое кредо буквально следующими словами: «Именовать кого-либо троцкистами сегодня уже дело устарелое, поскольку троцкизм перестал быть опасным...» и т. д. и т. п.

Во всех этих и других выступлениях современных антикоммунистических ревизионистов легко можно видеть как раз те методы, на которые указывал еще В. И. Ленин в своей статье «Исторические судьбы учения Карла Маркса». «Диалектика истории такова,— писал он,— что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами. Внутренне сгнивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического *оппортунизма*»[1].

Ревизия основных принципов марксизма-ленинизма представляла собой прямую подготовку контрреволюции. «Демократический социализм» стал громким лозунгом прежде всего западногерманской социал-демократической партии и западногерманских политологов. Социал-демократизация социалистических стран должна была стать приемлемой формой «трансформации» этих стран от «тоталитарной» формы власти к «демократической». Речь шла при этом «только» о так называемом возврате к «исходным» идеям Маркса, к «очищению» социалистического общественного строя от деформаций, «проделанных» якобы Лениным и Сталиным, на деле — о разрушении принципов демократического централизма и ведущей роли коммунистических партий в социалистических странах. Речь шла «об устранении бюрократически-этатической системы» и марксистско-ленинского учения как учения «догматического», о его замене «наукой» и «обобщенными практическими мероприятиями» и т. д.

Модель «демократического социализма» возникала постепенно. Старые социал-демократические аргументы со времен К. Каутского и Э. Бернштейна дополнялись взглядами Троцкого и других ренегатов и ревизионистов, а возникший таким образом конгломерат буржуазные «советологи» соединили с некоторыми требованиями научно-технической революции. Такого рода кон-

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 3.

цепции чехословацких реформистов целиком и полностью совпадали, например, с концепциями австрийских ренегатов рабочего класса.

В Чехословакии антикоммунистические силы опирались на оживление социал-демократических традиций: социал-демократизация Коммунистической партии Чехословакии должна была стать одним из орудий реставрации буржуазно-демократических отношений в стране. Социал-демократизм был особенно желательным здесь в борьбе против марксизма-ленинизма и против ленинской политики коммунистических и рабочих партий.

Перед августом 1968 года в Чехословакии существовали, как известно, десятки концепций и моделей «специфического пути». Под прикрытием «творческого марксизма» публицисты ревизионистского типа разрабатывали самые разнообразные варианты реформистского и оппортунистического толка, направленные на ликвидацию марксистско-ленинской партии и отказ от социалистического пути. Так, по известным формулировкам И. Свитака и А. Лима, партия должна переродиться в некую просветительскую организацию и уступить свое место группам «чистых рук». Открытый, ничем не сдерживаемый выход получили все нелегальные течения, поддержанные обанкротившимися политиками в стране и в эмиграции, начиная от правооппортунистической социал-демократии и кончая людацким политическим католицизмом. Буйствовали различного рода экстремисты, совершавшие открытые атаки на партию и государство. Особенно ожесточенные атаки на марксистско-ленинские принципы партии и на социализм совершались в этот период со страниц таких изданий, как «Культурни живот» и «Смена».

Апрельский пленум ЦК КПС (1968 г.) подверг «Смену» острой критике. Первый секретарь ЦК КПС Васил Биляк указывал на то, что под руководством правых журналистов на страницах этого издания была развернута открытая атака против единства молодежи, против Советского Союза, что в нем реабилитировались буржуазные антинародные политики, осуждались партизанские командиры и все поколение, участвовавшее в Словацком антифашистском восстании 1944 года.

Здесь просто невозможно более или менее полно воспроизвести все те теоретические выверты и практические методы и приемы, к которым праворевизионистские и антисоциалистические силы постоянно и агрессивно прибегали в борьбе против марксистско-ленинской идеологии, в своей диверсионной деятельности, направленной на разрушение подлинно социалистической системы.

Помимо периодической прессы и других средств массовой информации и пропаганды, они усиленно использовали для этого все, что помогало им разлагать людей, создавать и вносить антисоциалистический климат в творческие союзы, в организации, учреждения и т. д.

Об этой деятельности средств массовой информации Генеральный секретарь ЦК КПЧ товарищ Густав Гусак так говорил на XIV съезде КПЧ: «Под покровительством и при непосредственном участии некоторых членов ЦК КПЧ правой ориентации правые силы использовали свои сильные позиции в средствах массовой информации для дезориентации партии и трудящихся, которые видели в решениях январского пленума предпосылку для нового подъема творческой инициативы и активности. Таким образом, используя все каналы государственных средств информации и другие формы, они распространяли мелкобуржуазные представления о социализме, злоупотребляли самокритикой партии для очернения всей ее истории и всего периода строительства социализма. Распространялись иллюзии о капиталистическом Западе и о домюнхенской буржуазной республике. Особенно разжигались национализм и антисоветизм, что отвечало долговременным антикоммунистическим планам империалистических сил, стремившихся к свержению социалистического строя в Чехословакии» [1].

Кризис в общественных науках

В 1968 году в Чехословакии происходило отступление от принципов марксизма-ленинизма в различных областях: в области политической — подрыв Компартии изнутри и ослабление социалистического государства, в области экономической — отказ от планирования и преклонение перед рыночной стихией, в области идеологической — распространение оппортунистических концепций.

Под видом «творческого марксизма» правые поддерживали всевозможные ревизионистские тенденции и создавали особую, нужную им терминологию — «подлинного марксизма», «неомарксизма», «десталинизации», «плюрализма», «моделей социализма», «безбрежности» и т. д. Создавались многочисленные «марксизмы» и «социализмы», и в то же время пугалами считали такие понятия, как «идеологическая диверсия» и «эрозия», а взаимный об-

[1] «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии», стр. 25.

мен достижениями науки социалистических стран назывался «сталинизмом». Правые, конечно, оставляли название «социализм», но вкладывали в него чуждые идеи. Они использовали благозвучные слова типа «процесс возрождения», «пражская весна», «гуманный социализм». Для многих людей эти словосочетания послужили своего рода приманкой, возможностью удовлетворить их поверхностные стереотипные представления. Проявлялось стремление лишить социализм его классовой сущности, освободить устоявшиеся понятия от их подлинного содержания, а потом заменить их новыми. Критика превращалась в пустое отрицание, «революционность» — в разрушение социалистических ценностей, творчество — в анархизм.

Антикоммунизм делал ставку на недовольные по разным причинам слои населения — на членов семей бывших эксплуататорских классов, на мелкобуржуазные слои, на отстраненных от руководящей работы служащих, людей, исключенных из партии, и т. д.

Кризисное развитие в партии и обществе после XIII съезда КПЧ, которое в 1968 году вылилось в контрреволюционную ситуацию, сопровождалось отходом от марксизма-ленинизма в области общественных наук, где и до этого сохранялись старые методологические позиции эмпиризма, позитивизма и структурализма. Их общим знаменателем была недооценка классового понимания общества, гегемонии рабочего класса. Весьма отрицательную роль сыграли традиционно излагаемая буржуазная теория нации, усиление антикоммунистической пропаганды и деятельности внутренних враждебных сил, проповедь нежизнеспособности социалистического строя в промышленно развитой стране. Некоторые «научные» работники довольствовались поверхностным усвоением диалектического метода, являвшегося для них лишь «априорной схемой», «абстрактной рамкой», в которую втискивался материал, обработанный описательно, вульгарно-материалистически или позитивистски. Так возник странный «симбиоз» эмпиризма, умозрительности и «диалектического» схематизма.

В научных исследованиях начался отход от марксизма-ленинизма, от его классовой точки зрения. В печати стали пропагандироваться взгляды о том, что наука, мол, несовместима с идеологией. «Отрицание вообще» перерастало в отрицание всего, что было создано при социализме, и, наконец, в отрицание самого социализма.

Мелкобуржуазная идеология, остатки клерикально-фашистской и националистской идеологии, социал-демократизм имели в

стране реальных носителей в лице мещанских элементов, которые проникали и в партию, и в средства массовой информации и пропаганды, и в учреждения или институты общественных наук. На этот путь становились, как правило, беспринципные люди, потерявшие веру в революционную перспективу. Так сформировались правые и ревизионистские силы, которые были тесно связаны с идейными центрами антикоммунизма за рубежом. Некоторые «научные» работники перекочевали в сферу публицистики и оттуда пытались «научно» обосновать цели так называемого «процесса возрождения».

Философы-публицисты увлеклись «теорией» плюрализма, исходившей из того, что-де «партию необходимо устранить, а государство сделать беспартийным». Они ратовали за «очищение марксистской философии», пытались протащить концепцию плюрализма в рамках марксистского мышления. Идейно-политическая основа концепции плюрализма в философии нашла свое специфическое выражение в предложениях о необходимости интеграции марксизма с «некоторыми» немарксистскими взглядами и концепциями. При этом утверждалось, что теория Маркса XIX века якобы не может адекватно решать проблемы второй половины XX века. Ревизионисты предлагали «обогатить» марксизм проблематикой, которую принесли философские течения XX века,— феноменологией, экзистенциализмом, структурализмом, антропологизмом, теорией отчуждения. При этом заимствовалась не только их проблематика, но и способы решения проблем. Марксизм предлагалось рассматривать как «открытую систему», понимаемую как симбиоз с буржуазной философией.

Среди философов проявлялось стремление «обеспечить самоуправление», «имманентное развитие» философии, «демократизацию» ее функций; при этом право марксистской философии быть государственной идеологией социалистического общества всячески отрицалось. (Об этом говорилось, например, в статье тогдашнего председателя Словацкого философского общества Ю. Коцки «Состояние и перспективы нашей философии», опубликованной в братиславском журнале «Философия», № 3 за 1968 год.)

Философы-ревизионисты пытались заменить марксистскую концепцию человека так называемой «антропологическо-практицистской», идя на уступки влияниям немарксистских философских течений, главным образом так называемой Франкфуртской школы. Усиливались контакты с ревизионистски настроенными югославскими философами, группировавшимися вокруг журнала «Праксис».

Выдаваемый за новаторство ревизионистский эклектизм, «возрожденчество» и т. д. представляют собой не что иное, как старый-престарый ревизионистский хлам. К. Каутский, как известно, тоже провозглашал «ревизию» взглядов К. Маркса и отрицал ленинизм. В его книге «Материалистическое понимание истории» можно найти как раз ту сформулированную им в общих чертах теорию «демократического социализма», которую усиленно пропагандировали в 1968—1969 годах в Чехословакии современные ревизионисты. В «Материалистическом понимании истории» Каутского есть «аргументы», которые в 1968—1969 годах пропагандировались как «творческое развитие марксизма». Каутский, например, отвергал диктатуру пролетариата и подменял ее теориями «чистой демократии» для всех, распространяя иллюзорные представления о капиталистической свободе, об освобождении труда при капитализме.

В развитии социологической теории в Чехословакии рассматриваемого периода проявились явно отрицательные тенденции, которые вытекали из отрыва социологии от исторического материализма и научного коммунизма. Конкретные эмпирические исследования были в значительной мере отмечены позитивизмом, объективизмом и структуральным функционализмом. Подверженность структуральному функционализму легко обнаруживается, например, в материалах, опубликованных в книге П. Махонина и других «Чехословацкое общество» (Братислава, 1969). В ней полностью отвергается классовый подход к исследованию современной социальной структуры Чехословакии и гипертрофируется значение стратификационного аспекта.

В социологии повсеместно совершался общеметодологический отход от основных идеологических позиций; в частности, наблюдалось преклонение перед буржуазной методологией, мало внимания уделялось последовательной критике идеалистических и реакционных взглядов и т. д.

Масарикизм вместо марксизма

Во всех органах массовой информации и пропаганды в Чехословакии 1968 — начала 1969 года в целях распространения коварных правооппортунистических и антисоциалистических ревизионистских иллюзий весьма широко и охотно ссылались на «добрые старые времена» и на буржуазные традиции. Особенно наглядно это проявилось, например, в отношении к тем «историческим» личностям, которые стояли у колыбели Чехословацкой

Республики, представляли интересы чехословацкой буржуазии (крупной, средней и мелкой) и, следовательно, всячески сдерживали революционную волну, которая под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России побуждала пролетариат Чехословакии выдвигать требования строительства нового социалистического государства.

Укажем в этой связи на такой прискорбный факт. Известно, что в ходе создания «чехословацкой модели социализма» особенно важную роль для *оживления социал-демократизма и национализма* сыграли концепции Т. Масарика, Э. Бенеша и М. Штефаника, а также А. Глинки и других людацко-клерикальных политиков, которых современные чехословацкие ревизионисты всячески пытались и пытаются популяризировать и превозносить. Особенно широко использовались в антисоциалистической и антикоммунистической пропаганде сочинения Т. Масарика, считавшегося большим «знатоком» марксизма. В действительности же Масарик под прикрытием «философии» и «социологии» занимался прямой и косвенной критикой и извращением марксистской теории. Он подходил к ней с априорной, негативистской позиции, а марксистские взгляды освещал упрощенно, односторонне и фальшиво.

Произвольное изображение и псевдологическая интерпретация марксизма «облегчили» ему возможность давать этому великому революционному учению явно отрицательную, тенденциозную оценку.

Так, в своем послании к годовщине освобождения Чехословакии 28 октября 1919 года Т. Масарик клеветнически утверждал, будто сначала К. Маркс, а затем и Ф. Энгельс «полностью отказались от своей революционности», а В. И. Ленин и его сторонники представляют-де «экономический и культурный примитивизм русского неграмотного мужика». «Большевизм у нас был бы чуждым явлением,— поучал Т. Масарик.— Было бы неправильным переносить на нашу почву русскую программу и методы, возникшие при специфических и в целом не нормальных условиях, ибо наши рабочие имеют высокое образование, обладают другим опытом и задачами по сравнению с рабочими России и потому не могут принимать русский образец. Поэтому я в принципе считаю большевистский коммунизм невозможным».

И вот такого рода фальсификацию и клевету на марксизм-ленинизм, на «большевистский коммунизм», такую «высоконаучную аргументацию» Масарика как раз и использовали современные чехословацкие ревизионисты, все «теоретики» и «практики» «чехословацкой модели 1969 года», когда они утверждали, что СССР-де не может служить нам примером, что ленинизм отвечает якобы лишь специфически русским условиям и не имеет

всеобщей значимости, что чехословацкий рабочий класс является другим, более зрелым, что наши нации имеют огромные демократические традиции и поэтому необходимо, чтобы социализм в Чехословакии строился по своему собственному образцу и т. д. и т. п.

Можно, конечно, согласиться, что некоторые ученые, желавшие вести борьбу против буржуазной идеологии, первоначально стремились лучше познать ее и потому тщательно изучали произведения различных буржуазных философов и экономистов. Однако на практике вместо борьбы происходило не что иное, как восприятие различного рода теорий «марксологов», а затем и их открытая пропаганда: молодой Маркс противопоставлялся зрелому; «Экономическо-философские рукописи» считались фундаментальным произведением Маркса, в то время как к «Капиталу» и другим известным его произведениям проявлялось пренебрежительное отношение. И здесь нельзя не учитывать влияния масарикизма. Свой антимарксизм и вытекающий из него антикоммунизм Масарик «основывает» на сознательной фальсификации проблем революции и диктатуры пролетариата. Точно так же антимарксистскими и антикоммунистическими являются все его социально-политические концепции, равно как и философия. В частности, его концепция «гуманизма» и «гуманной демократии» составляла ядро антикоммунистической политики чехословацкого буржуазного государства, равно как и основу антикоммунистической политики всех буржуазных, мелкобуржуазных и реформистских партий в Чехословакии. Именно к этой «основе» «чехословацкого социализма» как антикоммунистической политической программе прибегли правые силы и реакция в 1945—1948 годах; к ней же вновь возвратились контрреволюционные, антисоциалистические и правооппортунистические силы Чехословакии в последующие годы, и особенно в 1968—1969 годах.

В 1968—1969 годах мы были свидетелями попытки так называемого «возрождения» марксизма-ленинизма с помощью масарикизма по рецептам «квалифицированных» специалистов антикоммунистической пропаганды за рубежом. Так, в одном из американских журналов, который издается Институтом международных проблем при Колумбийском университете, еще в 1966 году проф. Гордон Скилинг, преподававший политическую науку и являвшийся директором Центра по изучению России и Восточной Европы в Университете в Торонто, опубликовал свою книгу под названием «Коммунизм и чехословацкая традиция». В этой книге

он уже тогда призывал сочетать масариковские политические традиции с современными условиями и применить их к формированию концепции «национального коммунизма». При этом он рассчитывал на «несомненный успех», поскольку в последние годы все чаще начали проявляться стремления использовать «традиции» прошлого. А это автор считал первыми шагами в устранении преград, которые «стоят на пути полной или частичной реабилитации Масарика и Бенеша, так как они... представляют антитезис коммунистических идеалов и идеологии». По утверждениям Г. Скилинга, в Чехословакии в период перед второй мировой войной «преобладала немарксистская традиция и под влиянием и руководством Масарика было построено новое социалистическое государство, неприемлемое, однако, для коммунистов» [1].

В чехословацкой печати рассматриваемого периода мы находим не только отдельные высказывания, но и целые концепции, в которых выражено стремление внести антимарксистские тезисы Масарика в программу «возрожденного социализма». Газета «Смена», например, вместо марксистско-ленинских принципов пропагандировала масариковские представления и «принципы благопристойного человека». Что это за «принципы», видно из того, насколько издевательски звучали они и звучат в условиях социальных несправедливостей буржуазной республики, арестов бедняков за сбор сухих листьев для подстилки скоту и расстрелов демонстрантов за их лозунги «Да здравствует СССР!». Точно так же и философское кредо Масарика при управлении буржуазной республикой отвечало именно кайзеровской концепции: раздавать милостыню, временами посещать бедняков и в то же время развязывать свободу различного рода «меттернихам», которые как раз и вершили все черные дела.

Правыми и националистическими элементами тенденциозно и бездоказательно была преувеличена также роль генерала М. Штефаника в истории Словакии; они использовали для этого, в частности, националистические эмоции и другие недостойные приемы. В журнале «Смена», например, была развернута целая кампания за реабилитацию этого идеолога чехословакизма, воинствующего антиреволюционера и антисоветского легионера.

---

[1] См.: J. Obzina, Engelsov závet a korene československého antikomunizmu, в: «Život strany», 1970, č. 21.

Ревизионистские спекуляции молодежных журналов

В историографии кризисного периода Чехословакии 1968—1969 годов имеется целый ряд документов о *деформации ленинских принципов в области культуры;* для этого широко использовалась так называемая «автономия» сферы искусства. Творческие клубы, Союз кино- и телевизионных работников (ФИТЕС), различного рода координационные союзы, подпавшие под тлетворное влияние правых и антисоциалистических сил, отойдя от эстетически-критического направления в своей деятельности, занялись грубым политиканством и превратились в «группы давления», стали инструментом терроризирования тех, кто не подчинялся их монополии. Когда после апреля 1969 года КПЧ решительно отвергла угрозы и интриги правых, они попытались усилить клевету на партию, изображая ее действия как «давление» на область культуры.

Неотделимой составной частью враждебной деятельности праворевизионистских и антисоциалистических сил было систематическое спекулятивное обращение к «мнению» молодежи и рафинированная игра на ее политической неопытности.

На страницах молодежной печати реакция выдвигала такие, например, провокационные призывы: «Не верьте идеологии, не доверяйте планам и авторитетам, вы, молодые люди, верьте только самим себе». В журнале «Студент», № 14 за 1968 год А. Крамер ставил такого рода вопросы: «В какой демократии мы нуждаемся? В действительной? Да, но какой? В буржуазной? Социалистической?» И без тени смущения отвечал на них так: «Ни в той, ни в другой, а просто в демократии в подлинном смысле этого слова, в чистой демократии».

Подобно многим другим изданиям, таким, как «Культурни живот», постепенно превратившийся скорее в политический, чем в культурный еженедельник (с его страниц полностью исчезла собственно культурная проблематика), журнал для студентов высших учебных заведений «Эхо» также утратил свой чисто студенческий характер. Напомним в связи с этим, что после январского пленума ЦК КПЧ 1968 года в результате проведения на практике ревизионистского тезиса: «Студенчество — самостоятельная политическая сила» сложилась такая ситуация, когда влияние партийных органов на деятельность молодежных организаций и их печати практически прекратилось. Более того, пре-

зидиум Братиславского студенческого комитета КПС[1] на основе требований молодежного митинга философского факультета Университета имени Коменского создал специальную комиссию, которая должна была расследовать «вмешательство» Секретариата ЦК КПС в издание журнала «Эхо», а Президиум ЦК КПС, поддавшись этому давлению, принял оппортунистическое решение, отказавшись от какого бы то ни было контроля за изданием этого журнала и даже положительно оценив работу его редакторов.

На основе концепции «партнерства» в журнале «Эхо» утверждалось, что Союз студентов должен обрести позицию независимости от какой бы то ни было политической партии в Национальном фронте. Такого рода тенденции и взгляды доминировали в целом ряде статей этого журнала, ставшего одним из орудий ослабления руководящей роли Компартии как ведущей силы всего общества. На его страницах все меньше публиковалось статей, посвященных проблематике студенческого движения, и, наоборот, открывался широкий простор для реформистских и оппортунистических взглядов.

В последующих публикациях журнала «Эхо» отрицательное отношение к КПЧ проявлялось еще более выразительно и агрессивно: от выражения сомнений в ее роли в обществе до прямых атак на нее; от призывов к ликвидации «монопольного положения партии» до беспринципного и наглого отождествления представителей Коммунистической партии с представителями фашистского режима (!). Вскоре этот журнал включился в единый фронт, направленный против Компартии, блокируясь с наиболее экстремистскими изданиями, такими, как «Литерарни листы», «Репортер», «Студент», и т. д. Он охотно предоставил свои страницы всевозможным ревизионистам для разного рода интервью и «откровений» перед молодежью, всячески способствовал распространению подрывных идей и теорий, пропагандирующих плюралистическую систему и направленных против ведущей, руководящей роли КПЧ, а в конце концов и против существующего в Чехословакии социалистического строя.

Последний номер «Эхо» вышел в августе 1968 года на ротапринте под заголовком «Эхо» — журнал оккупированных студентов». Его «преемником» был «Рефлекс» (орган Союза студентов Словакии), но он в еще большей степени не удовлетворялся ролью студенческого журнала, а претендовал на общеполитиче-

[1] В 1968 году в Чехословакии функционировали городские студенческие партийные организации.— *Прим. перев.*

скую роль, требуя предоставления «простора» всем и каждому, кто не останавливался перед «радикальным» анализом любой области жизни! «Рефлекс» придерживался позиции наиболее экстремистских журналов в чешских областях, и потому в нем публиковались диалоги и интервью таких маститых ревизионистов, как Л. Вацулик, П. Когоут, И. Клима и О. Шик.

«Экономический романтизм» или шарлатанство

В документе ЦК КПЧ «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ» глубоко и обстоятельно анализируется вопрос о том, как в Чехословакии антисоциалистическими силами в теории и на практике подготавливалась и по этапам осуществлялась замена социалистической экономики системой, которая должна была лишить рабочий класс и всех трудящихся страны их революционных завоеваний. «В борьбе за свои цели,— говорится в этом документе,— правые и антисоциалистические силы делали особый упор на ликвидацию руководящей роли партии в экономике, на отказ от принципов централизованного планового управления народным хозяйством и протаскивали ревизионистскую трактовку экономической реформы. Чехословацкая экономика должна была быть постепенно оторвана от социалистического содружества и как можно теснее привязана к экономике капиталистического Запада» [1].

В целях осуществления своих замыслов правые ревизионисты всеми способами пытались дискредитировать и подорвать социалистическую экономику Чехословакии. Для этого они изощренно использовали имевшиеся в прошлом экономические трудности и недостатки в стране, которые возникли и постепенно нарастали еще в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов. Причем они не просто использовали, а всячески усугубляли и извращали эти трудности, добиваясь тем самым дальнейшего ухудшения экономического положения трудящихся ЧССР. *«Правые рассчитывали, что постепенное ухудшение экономического положения вызовет стихийное недовольство чехословацких трудящихся, которое они используют затем в борьбе против социалистической власти»* [2].

---

[1] «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 40.

[2] Там же, стр. 41.

Для видимости ревизионисты, конечно, предлагали различные рецепты и способы выхода из создавшихся трудностей, но «выход» этот всегда оказывался у них не на социалистическом, а на антисоциалистическом пути. При этом они особенно ратовали за рыночную экономику, основывающуюся на частной собственности на средства производства.

В стране не без влияния и не без «помощи» ревизионистов постепенно рождались и ширились различные «модные» течения: марксистская теория воспроизводства заменялась теорией «экономического роста», теория стоимости и прибавочной стоимости — «теорией» производственных факторов, перенимались концепции Кейпса и т. п. Вместо марксистских экономических категорий, таких, как производство, распределение и потребление, использовалась терминология, заимствованная из буржуазной политической экономии, отражавшая только внешние формы разделения сфер экономической деятельности с целью создания необходимой почвы для введения «рыночной экономики»; рыночные категории абсолютизировались, а принцип планового руководства хозяйством всячески оттеснялся на задний план; капиталистические производственные отношения понимались неклассово, немарксистски. И вообще в Чехословакии проявлялась тогда какая-то непростительная терпимость к буржуазным экономическим теориям. В то же время здесь был заметно ограничен перевод ценных теоретических работ экономистов социалистических стран, недооценивался опыт экономических реформ в этих странах и т. д. Разумеется, правооппортунистические ревизионисты не только не стояли в стороне от такой ситуации, но и всячески подогревали ее и широко использовали в своих коварных целях. Более того, они встали на путь прямого извращения марксистской экономической теории.

Немалый «вклад» в это черное дело по ревизии марксизма-ленинизма, по отравлению сознания трудолюбивого народа Чехословакии, по разрушению единства Компартии и народа страны, социалистической системы в целом и замене ее «новой» «чехословацкой моделью 1968 года» принадлежит таким небезызвестным ревизионистам, как О. Шик и Э. Лебл.

При анализе концепций О. Шика и Э. Лебла недостаточно учитывать лишь их *мелкобуржуазную сущность;* необходимо также указывать на их шарлатанство, намеренное использование психоза, вызванного преклонением перед «потребительским обществом», расчетами на западные кредиты и всякого рода «манну небесную».

О. Шик настаивал на создании «советов трудящихся» как противовеса партийным организациям, стремился к разрушению экономической структуры, нарушению системы центрального управления и планирования национальной экономикой, распространял ревизионистское понятие экономической реформы и требовал ликвидации всенародной собственности.

Свои концепции О. Шик увез в Швейцарию, компилируя там новую «модель» на основе поверхностного изучения буржуазной экономики и романтического волюнтаризма. В беседе с комментаторами швейцарского телевидения 24 сентября 1968 года он явно разоткровенничался и раскрыл свои цели, за которые, будучи в роли заместителя председателя правительства, с такой настойчивостью боролся. На вопрос редактора: «Какое положение должны были бы иметь самостоятельные мелкие предприятия в системе национального хозяйства?» О. Шик отвечал: «Мы не хотели сохранять старую форму государственных предприятий, которые управляются сверху из центра или каким-либо министерством; мы намеревались осуществить полное отделение предприятий от государства».

«Реформа» цен в соответствии с «теорией» О. Шика неизбежно должна была вести и вела к установлению новых оптовых цен и росту инфляции. Цены должны были повыситься примерно на 18%. Под давлением предприятий они повышались даже на 30%, что должно было обеспечить чрезвычайный рост доходов предприятий примерно на 16—20 млрд. крон. Происходило внезапное обогащение предприятий, очевидно, за счет инфляции. Ограничение роста оптовых цен фактически ничего не давало. В 1969 году уровень оптовых цен все более возрастал. Чехословацкая экономика из-за внедрения в нее примитивной модели Шика понесла немалый ущерб.

«Модель» Шика совершенно неприемлема как с экономической, так и с политической и идеологической точек зрения.

Экономически она неприемлема потому, что ликвидирует общенародную собственность на средства производства и плановое управление экономикой, вводит раздробленную собственность предприятий и кооперативов, что в конечном итоге ведет к росту инфляции, разгулу стихийности, к анархии в экономике.

Политически эта модель неприемлема потому, что экономические основы раздробленной собственности вызывают тенденции, глубоко враждебные принципам пролетарского интернационализма, и заменяют их принципами конечной выгоды. Все это по-

рождало тенденции отрыва от мировой социалистической системы и к переходу на позиции «нейтрализма».

Идеологически она неприемлема потому, что составляет основу ревизионистских тенденций, подменяет принципы социалистического демократизма принципом мелкобуржуазного, анархического демократизма [1].

Несостоятельность «модели» Шика заключена в самом ее существе: автор явно переоценивает возможности экономических рычагов регулирования процесса расширенного воспроизводства. Очевидно, эти рычаги соответствовали уровню развития производительных сил конца XIX— начала XX века, однако глубокие изменения в производительных силах, вызываемые научно-технической революцией, все больше ограничивают сферу механизма рыночного регулирования и требуют качественно новых средств, методов и форм управления экономикой [2].

О. Шик и в настоящее время, будучи политическим беглецом, стремится к тому, чтобы удержать славу апостола «возрожденного социализма», создателя и теоретика экономической реформы, которая хотя и вызывает улыбки у буржуазных экономистов, однако получает широкую рекламу, так как включена в арсенал экспортируемого идеологического товара для Востока.

К Шику целиком подходит характеристика: политик среди экономистов и экономист среди грязных политиков. Его выступления за рубежом рассчитаны на политический эффект и весьма далеки от теории. В конце концов даже буржуазные журналисты, пропагандировавшие «модель» Шика вынуждены были заявить, что «эта модель развития никогда не в состоянии родить чудо и устранить какие-либо конфликты» («Франкфуртер альгемайне» от 8 июня 1970 г.).

Понятно, что как более ранние взгляды Шика, так и его сегодняшние метаморфозы были разоблачены и раскритикованы теоретическими и практическими работниками Чехословакии.

Это в равной мере относится и к австрийскому фабриканту-сионисту, эмигранту, карьеристу и политическому авантюристу Э. Леблу, выступавшему в Чехословакии в качестве экономического романтика и теоретика-импровизатора. Этот беспардонный демагог в критические месяцы 1968 года буквально мани-

---

[1] См.: J. Vejvoda, O teoretických základech Sikovho ekonomického modelu, в: «Tribuna», 1969, č. 48.

[2] См.: «Экономика Чехословакии: достижения, проблемы, перспективы», в: «Проблемы мира и социализма», 1973, № 8, стр. 51.

пулировал средствами информации и пропаганды. Он безудержно выступал с публичными беседами и упорно рекламировал «новую модель» социалистической, а точнее, мелкобуржуазной экономики, развивая «теорию», призванную повернуть колесо исторического развития Чехословакии вспять, к групповой собственности и к некой квазисоциалистической форме капиталистической свободной конкуренции XIX столетия, ведущей к реставрации капиталистической экономики и общественной системы.

Э. Лебл начинал свои атаки против социалистического строя в несколько абстрактной форме. Уже его первая книга «Замечания об умственной работе и богатстве нации», изданная в Словацкой Академии наук в 1967 году тиражом в 3000 экземпляров, представляет собой утонченный ревизионистский труд, который вскоре широко популяризируется средствами информации и пропаганды, особенно в еженедельнике «Культурни живот» и на телевидении. Его вторая книга — «Свидетельство о процессе над руководством антигосударственного центра во главе с Р. Сланским» — была издана как политический «бестселлер» в критические месяцы 1968 года еще более высоким тиражом. Книга переведена на немецкий язык и издана также в Вене. Третью книгу — «Интеллектуальная революция» — Лебл издал уже в эмиграции.

В своей концепции Лебл спекулирует на научно-технической революции и апеллирует прежде всего к интеллигенции. «Национальное хозяйство как функция человеческого интеллекта» — так озаглавлен один из ключевых разделов его книги «Замечания об умственной работе и богатстве нации». Вместо того чтобы исходить из степени развития производительных сил, которые определяют человеческие действия и мышление, Лебл исходит из абстрактного «идеала людей всех времен». Марксизм в этой книге изображается как субъективно-идеологическая концепция абсолютной идеи, как метафизика с ее внеисторическим взглядом и «общечеловеческими» идеалами.

Э. Лебл отрицает действие экономических и вообще общественных законов в условиях социализма, выступающее как результат целеустремленного действия людей. Свой субъективно-идеалистический тезис «о первенстве и безупречности человеческого интеллекта» он обосновывает ведущей ролью интеллигенции в обществе, объясняя эту роль прежде всего с точки зрения развивающейся научно-технической революции.

В «Замечаниях об умственной работе и богатстве нации» Лебл утверждает, будто главными силами истории являются

сильные, крупные исторические личности, которые суть творцы истории. «Революция в обществе, — пишет он в этой книге, — создала возможность для революции в мышлении интеллектуальной элиты. Естественно, что эта интеллектуальная элита, интеллигенция, благодаря которой человечество вырвалось из примитивизма, призвана властвовать над человечеством, вести его».

В соответствии с теорией Лебла различие и противоречие между «интеллектуальной элитой» и «инертной массой» рабочих будут якобы постоянно увеличиваться до тех пор, пока в ходе научно-технической революции «интеллектуальная элита» не отбросит рабочую массу как ненужную.

На основе своей субъективно-идеалистической философии, согласно которой история человечества и национальная экономика представляют собой лишь функции человеческого интеллекта, Лебл конструирует также и «новую» теорию политической экономии. Так, например, стоимость каждого товара содержит у него труд настолько большого количества работников — от ученого и учителя до рабочих,— что она, эта стоимость, становится непознаваемой категорией в экономической теории. Цены из денежной формы стоимости превращаются, по Леблу, в инструмент социальной политики государства, а деньги — в знаки для регулирования потребления.

Э. Лебл и сам называет свою модель моделью такой экономики, которая рассчитана на использование людей как «потребителей». В этой модели речь идет о романтически-утопических представлениях, о таком мелкобуржуазном социализме, который бы открывал свободу групповым собственникам-производителям. Даже буржуазные рецензенты его теории указывали на то, что Лебл перенес экономические условия капитализма свободной конкуренции, капитализма XIX столетия в «социалистические». Подобно Шику, он делал это, невзирая на различия в степени развития производительных сил, на иную историческую эпоху и иную сущность политической власти.

Государство, по его концепции, призвано обеспечивать только самые общие условия функционирования экономической системы. Отдельным предприятиям оно должно предписывать лишь один показатель — процент повышения зарплаты. Все остальное, согласно Леблу, необходимо предоставить предприятиям в их свободном соревновании за удовлетворение интересов потребителей. Лебл доказывал, что только свободное соревнование предприятий как групповых собственников способно обеспечить удовлетворение нужд потребителей и тем самым общественного состояния, с

одной стороны, и полный расцвет инициативы людей (их интеллектуальных способностей) — с другой.

Ко всему сказанному о враждебной деятельности О. Шика и Э. Лебла необходимо добавить, что эти мелкобуржуазные резиденты империалистических центров немало вреда причинили не только экономической теории, но и практике; разрушая плановое управление национальным хозяйством и социалистическую собственность на средства производства, они причинили ущерб социалистическому обществу в целом. (Об этом более подробно будет сказано в следующей главе.)

Подрыв ими, так же как и другими ревизионистами, основных принципов социализма ярко проявился и в расшатывании, ослаблении и ликвидации *ведущей роли рабочего класса, его революционной, марксистско-ленинской партии, его социалистического государства, в отказе от пролетарского интернационализма.* Речь идет не только о ревизионистских концепциях, но и конкретной практике.

Подрыв руководящей роли революционной партии — предпосылка контрреволюции

В начале настоящей главы мы используем отрывки из сборника «К событиям в Чехословакии (факты, документы, свидетельства прессы и очевидцев)», составленного группой советских журналистов в августе 1968 года и известного у нас, в Чехословакии, под названием «Белая книга». Составители этого сборника пользовались многочисленными доказательствами — документальными, убедительными и неоспоримыми.

Во введении к сборнику о наступлении антисоциалистических сил в 1968 году говорится следующее:

«Ознакомившийся с материалом этого сборника читатель, даже не посвященный в детали событий, увидит, что внешне разрозненные и часто не связанные на первый взгляд факты представляют собой звенья одной и той же цепи...

То, что для коммунистов Чехословакии, ее рабочего класса и всех трудящихся было горечью ошибок прошлого, ошибок, которые надо исправить и, исправив, идти вперед, то для антисоциалистических элементов, использовавших печать, радио и телевидение, было поводом приписать эти ошибки существу социализма и на этой основе попытаться сокрушить сами социальные завоевания народа.

То, что для коммунистов Чехословакии, ее рабочего класса и всех трудящихся было незыблемо, как жизнь, и дороже всех ценностей — их дружба с народами Советского Союза и всех социалистических стран,— то для вылезших из щелей бывших хозяйчиков и радетелей старых буржуазных порядков было преградой к осуществлению их вожделений. Преградой, которую они собирались взорвать и разнести в клочья...

Критикой, естественной и закономерной для жизни партии и социалистического общества, воспользовались враги социализма — остатки разбитых эксплуататорских классов, праворевизионистские и контрреволюционные элементы, опиравшиеся на поддержку империалистической реакции. Используя временное ослабление партийного руководства государственной и общественной жизнью страны, спекулируя на требованиях «расширения» демократии, они развернули наступление на КПЧ, на социали-

стический строй и попытались повернуть Чехословакию на путь реставрации капитализма» [1].

В первой главе сборника подчеркивается:

«Линия контрреволюции состояла в том, чтобы ликвидировать руководящую роль КПЧ, вырвать власть из рук рабочих и крестьян, разрушить созданные народом государственные и общественные организации. Реакция рассматривала подрыв руководящей роли КПЧ как важнейшее условие, без которого невозможно было повернуть Чехословакию на путь реставрации капитализма» [2].

К тем примерам, которые приведены в сборнике, последующие комплексные и частичные анализы чехословацких событий принесли новые сотни фактов и доказательств и полностью подтвердили содержащиеся в нем выводы и оценки.

Нападки на Коммунистическую партию изнутри и извне

Ориентация на ликвидацию партии, лишение ее революционного, марксистско-ленинского характера является основным девизом антикоммунистических диверсионных центров. К сожалению, и это величайшая трагедия «чехословацкого эксперимента», антисоциалистическим силам в Чехословакии 1968— начала 1969 года многое удалось сделать в этом направлении.

В течение 1968 года ЦК КПЧ и его исполнительные органы постепенно перестали выполнять роль руководящего штаба в развитии социалистического общества и в защите его революционных завоеваний. В «Уроках кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ» говорится: «А. Дубчек и его сторонники, монополизировавшие принятие решений в руководстве партии, парализовали деятельность Президиума и всего Центрального Комитета КПЧ. Они препятствовали осуществлению действенных мер в период, когда эти меры еще были возможны, и в результате их действий враждебным и реакционным силам сдавалась одна позиция за другой. В результате этого росла и усиливалась наглость и агрессивность контрреволюции, в то время как постепенно ослабевала, пока практи-

---

[1] «К событиям в Чехословакии», М., 1968, стр. 7—8.
[2] Там же, стр. 13.

чески не исчезла, возможность подавить ее с помощью внутренних политических средств и средств власти»[1].

В свое время назревшие проблемы в ЧССР настойчиво требовали принципиальных решений, и в частности устранения различного рода деформаций и недостатков в стране. Правооппортунистические и антисоциалистические силы ловко использовали тогда критику этих недостатков для нападок на Коммунистическую партию. Руководство же партии не сумело, а часть его и не хотела провести черту между обоснованной, здоровой и нужной критикой недостатков, с одной стороны, и клеветой, отрицанием партии, деструктивной критикой, мелкобуржуазной демагогией — с другой. Правые «прогрессисты» в руководстве, как они сами себя называли, разработали и стали применять метод попятного движения к буржуазным системам.

Активизировавшаяся подрывная деятельность правых сил в Компартии нашла свое отражение в «Программе действий», принятой апрельским (1968 г.) пленумом ЦК КПЧ. «В ней содержатся немарксистские формулировки о роли партии и государства, а также о социалистическом обществе, о так называемом партнерском понимании Национального фронта, о руководстве экономикой и культурой и другие тезисы, носившие оппортунистический и ревизионистский характер. «Программа действий» представляет собой документ, который в теоретической, политической и организационной областях является большим шагом назад по сравнению с подобными партийными документами программного характера, принятыми партией ранее. *Поэтому Центральный Комитет КПЧ считает «Программу действий» неправильным и недействительным документом, из которого нельзя исходить ни в теоретической, ни в практической политике партии»*[2].

В борьбе за власть правые использовали в нарушение Устава партии фракционные методы борьбы. Они применяли полулегальные и нелегальные формы манипулирования общественным сознанием, главным образом с помощью средств массовой информации и пропаганды. Причем для камуфлирования своих целей они использовали хаос понятий, методы лжи и демагогии.

Иван Клима, например, на страницах газеты «Литерарни листы» (№ 9, 1968) рекомендовал перейти к «свободному движению политических сил», к полному проявлению свободной, неограниченной и неорга-

[1] «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 33.

[2] Там же, стр. 21.

низованной инициативе индивидуальностей. А. Лим в той же газете (№ 16, за 13 июля 1968 г.), говоря о праве КПЧ на руководящую роль в обществе, провозгласил, что «в данный момент в нашей стране нет более спорного дела, нет более сомнительного морального и политического права, чем это право». В газете «Праце» от 19 мая 1968 года в статье «Смысл возрождения» И. Свитак, опираясь на Т. Масарика, предпринял попытку «опровергнуть» учение В. И. Ленина о руководящей роли Коммунистической партии. «Руководящая роль Коммунистической партии,— писал он,— в том виде, как она формировалась за последние двадцать лет в восточноевропейских странах... не имеет ничего общего с первоначальными представлениями Карла Маркса о рабочем классе и социалистическом обществе. Политическая практика, основанная на монополии силы, была исторической необходимостью в царской России, где рабочий класс представлял собой лишь несколько процентов... Ленинское понятие Коммунистической партии и ее функции в ходе революции было необходимым, в то время как сегодня в условиях развитых стран оно является шатким».

«Вершиной» достижений «полной свободы» можно считать высказывание некоего Томичека на собрании «Клуба молодых» в Семилах 15 мая 1968 года, которое опубликовал писатель Л. Вацулик в газете «Литерарни листы» от 27 июня 1968 года. «Коммунистическую партию Чехословакии надо считать преступной организацией, которой она и в самом деле была,— вещал распоясавшийся антикоммунист,— а также исключить ее из общественной деятельности, какими бы хорошими ни прикидывались ее современные представители. Нам наверняка придется привлечь к ответственности коммунистов...»

Трудно себе даже представить, чтобы на руководящую в стране партию предпринимались столь откровенные и наглые нападки и в таких масштабах, как это имело место в Чехословакии весной 1968 года.

Раздавались у нас и многочисленные голоса протеста против таких нападок, однако о них ничего не публиковалось в то время. Так, например, 6 мая 1968 года участники актива коммунистов ЧСД авторемонтного цеха во Врутках направили в ЦК КПЧ и ЦК КПС резолюцию, в которой говорилось: «Мы за свободу печати, но протестуем против легкомысленных начинаний некоторых ее работников. Конкретно 3 мая сего года на первой странице газеты «Ролницки новины» была опубликована фотография А. Глинки (организатора фашистской партии в буржуазной Словакии) с надписью: «Словакия не забывает». Провокатор — автор статьи, подписанной шифром «скл», нагло сравнивал от имени «нас, коммунистов», цели КПЧ и глинковцев. Заявляем, что, поскольку наша Коммунистическая партия не имеет ничего общего с ГПНС и с ее идеологом Глинкой, как не имеет ничего общего и с автором этой статьи, мы требуем энергичного вмешательства по отношению к главному редактору и редакторам, которые ответственны за опубликование данной провокации. Мы высказываем также и недовольство настоящим курсом редакции

«Смены», публикующей в своей газете антипартийные статьи. Мы имеем в виду статью «Сколько у нас видов интеллигенции» и неуместные карикатуры, унижающие наших передовых политиков.

Мы ценим интерес нашей интеллигенции, проявляемый ею к нашей современной жизни. Интерес той интеллигенции, намерения которой честны и искренни, свободны от извращения, осуждения марксистско-ленинской идеологии, как, например, Ладислава Новомеского, с которым мы полностью согласны. Но мы не согласны с той частью интеллигенции, которая использует для своих целей современный демократический процесс, внося в него антипартийные, антисоциалистические и антисоветские тенденции... В заключение высказываем свою верность Коммунистической партии, социализму и союзничеству с Советским Союзом. Постоянно будем укреплять наше братство с чешским народом и общее сотрудничество в одной республике».

От деформации марксистско-ленинских принципов партии к ликвидаторству

Известно, что «чехословацкая модель» обошлась диверсионным империалистическим центрам не так уж дорого. В 1968 году они могли позволить себе даже уменьшить количество вещательных часов «Свободной Европы», поскольку ту же самую работу за них проводили некоторые чешские и словацкие журналисты в печати, на радио и телевидении. К тому же не было и необходимости тратить большие финансовые средства, предназначенные на подрыв партии изнутри, поскольку эту задачу приняли на себя политики типа Ф. Кригеля и Ч. Цисаржа. Партия под руководством А. Дубчека шла по пути самоликвидации.

Отступничество от марксистско-ленинских принципов партии, их деформация, всякого рода оппортунизм и ревизионизм закономерно перерастали в своем развитии в прямое ликвидаторство. А ликвидаторство, как говорил в свое время В. И. Ленин, — это *«такой* оппортунизм, который доходит до *отречения* от партии. Само собою понятно, что партия не может существовать, *включая* тех, кто не признает существования ее»[1].

В Чехословакии 1968 — начала 1969 года эта ленинская характеристика ликвидаторства получила еще одно наглядное подтверждение ее верности и глубины, а также иллюстрацию ее

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 69—70.

точности и актуальности для наших дней. Оппортунизм, ликвидаторские тенденции и действия находили проявление и поддержку как в руководящих партийных органах, так и в средствах идеологического воздействия на массы — в печати, на радио и телевидении. Примером могут служить такие факты. В журнале «Нове слово», № 7 за 1968 год в статье М. Гиско «Политические партии и социализм» предлагалось оставить в партии группы меньшинства независимо от того, прогрессивны они или консервативны. Автор требовал отступить от принципа демократического централизма в Коммунистической партии и установить право на организацию фракций; он считал вполне естественным, что между членами Коммунистической партии в социалистическом обществе может быть, скажем, такая же разница, как между членами разных буржуазных партий в капиталистических странах. В заключение статьи Гиско заявлял, что органы печати политических партий должны находиться в распоряжении не только руководящих органов издательских организаций, но и всех членов этой организации, всех граждан.

Уже сама подготовка к так называемому «чрезвычайному съезду» КПЧ свидетельствовала о том, что правый ее центр намеревался ликвидировать революционную, марксистско-ленинскую партию в стране и вместо нее создать мелкобуржуазную партию социал-демократического типа. Доказательством этого служит беседа тогдашних руководителей КПЧ с представителями чехословацких публицистов-коммунистов в Грзанском дворце в субботу 17 августа 1968 года. Беседа носила доверительный характер, и печать упомянула о ней лишь заметкой ЧТК, в которой говорилось, что она проходила в виде «открытой дискуссии» и что в ней выражена необходимость оказать большую поддержку подготовке «внеочередного съезда» КПЧ. Судя по заметке, участники «дискуссии» высказали уверенность, что этот съезд нацелит партию и в дальнейшем продолжать политику, главные черты которой отражены в «Программе действий».

Тогдашний Президиум ЦК КПЧ мотивировал эту беседу попыткой обеспечить со стороны средств массовой информации поддержку своему предложению в Чиерне-над-Тисой о взаимном прекращении «полемики через границы». Однако беседа, состоявшаяся на семнадцатый день после переговоров в Чиерне-над-Тисой, проходила в совершенно ином духе.

Ф. Кригель, член Президиума ЦК КПЧ, говорил о подготовке «необыкновенного съезда», придавая ему очень большое значение со стратегической точки зрения: целью была такая пере-

группировка сил внутри партии, которая позволила бы постепенно осуществить ее перерождение.

В. Пршикрыл, защищавший позицию пражского правого центра, на заседании РК КПЧ в Готвальдове (конец августа 1968 г.) так говорил о целях правых сил: «Когда перед самым совещанием в Чиерне-над-Тисой я был в канцелярии И. Смрковского, то поставил вопрос Ф. Кригелю: как будем действовать дальше, если условия в Чиерне-над-Тисой будут для нас неподходящими и отодвинут наш путь к цели? Кригель ответил, что мы едем в Чиерну-над Тисой с решимостью принять любые условия, но их реализацию будем откладывать до XIV съезда. На съезде наведем порядок, укрепим свои позиции в Центральном Комитете и государственных органах, пересмотрим все существующие до сих пор договоры и обязательства, прежде всего по отношению к социалистическим странам, и укрепим наш суверенитет».

Правые в партии, особенно так называемый «второй центр» в руководстве КПЧ, искали подходящие пути для установления «нового курса» — ослабления марксистско-ленинского характера партии. Попытки эти дали себя знать и во время подготовки съезда «Чешской коммунистической партии»; первое сообщение о подготовке к созданию этой партии появилось в начале мая 1968 года [1].

В проекте «Программного заявления учредительного съезда Чешской коммунистической партии» провозглашалось решительное стремление «превратиться в партию нового типа», в которой-де должно было быть «достаточно места для всех патриотов и социалистов, до сих пор стоявших вне ее рядов». В проекте заявления говорилось далее: «Создание Чешской коммунистической партии является внутренним выражением того, что коммунисты из чешских областей являются сторонниками прогрессивной программы возрождения социализма... В этот важный для чешского народа момент коммунисты из чешских областей особенно чувствуют свою ответственность за национальную политику и судьбу всей нации в новых условиях, чувствуют необходимость составить новую национальную программу на принципах демократического социализма... Чешская коммунистическая партия поэтому создается как революционное отрицание прежнего режима. В качестве исходного пункта своей программы она принимает его критику».

Подобные же тезисы, которые высказывали реформисты в период подготовки к созданию «Чешской коммунистической партии» и к внеочередному XIV съезду КПЧ, высказал и их активный участник, а ныне не менее активный распространитель «новой модели» экономики в буржуазных университетах О. Шик в

[1] См.: Z. Hořeni, 2000 slov pre «Ceskú komunisticku stranu», в: «Tribuna», 1969, č. 46.

беседе с редакторами швейцарского телевидения 24 ноября 1968 года.

На вопрос, не связано ли применение «новой экономической модели социализма» с определенной организацией, такой, как партия, О. Шик ответил: «Мы планировали существенные изменения во всех областях и в самой партии... Мы представляли себе, что партия, собственно, должна была бы выполнять свою руководящую роль лишь как интеллектуальный авангард, а это значит, лишь с помощью новых прогрессивных идей... Необходимо иметь что-то, что можно было бы назвать политической организацией или как-то по-другому, однако должна здесь существовать организация людей, задачей которых было бы каким-то образом помогать обществу наметить будущие перспективные цели и пытаться с помощью демократических средств привлекать общество для выполнения этих целей. Удастся это нам или нет, это уже другое дело».

К такого рода действиям как раз и применима характеристика В. И. Ленина: «В политике добровольная уступка «влияния» доказывает такое бессилие уступающего, такую дряблость, такую бесхарактерность, такую тряпичность, что «выводить» отсюда, вообще говоря, можно лишь одно: кто добровольно уступит влияние, тот «достоин», чтобы у него отняли не только влияние, но и право на существование. Или, другими словами, факт добровольной уступки влияния, сам по себе, «доказывает» лишь неизбежность того, что получивший это добровольно уступленное влияние отнимает у уступившего даже его права». И далее: «Если «революционная демократия» добровольно уступила влияние, значит, это была не революционная, а мещански-подлая, трусливая, не избавившаяся от холопства демократия, которую (именно после этой уступки) смогут разгонять ее враги или просто свести ее на нет, предоставить ей умереть так же «по собственному желанию», как «по собственному желанию» она уступила влияние» [1].

Курс правых на захват власти и ликвидацию партии

Руководящий слой правой оппозиции в КПЧ в послеянварском развитии формировался из всевозможных правых группировок:

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 125—126.

— из тех членов руководства партии и членов ЦК, которые уже издавна были носителями и главными представителями ревизионизма и правого оппортунизма, а также из тех, кто постепенно переходил на их платформу;

— из главных представителей Пражского горкома КПЧ, избранного на конференции в апреле 1968 года, которые сделали из этого органа особый центр, узурпировавший права ЦК КПЧ и готовивший с согласия правых в руководстве партии так называемый «высочанский съезд»;

— из представителей так называемого «культурного актива» ЦК КПЧ под руководством Э. Гольдштюккера, который также узурпировал некоторые права ЦК КПЧ во время подготовки «внеочередного XIV съезда»;

— из представителей правых в Братиславском городском комитете КПС и некоторых других партийных функционеров в Словакии, которые по образцу Пражского городского комитета тоже узурпировали права ЦК КПС и созвали съезд КПС.

В проведении политики этих группировок участвовали также представители правых в Брно и других городах.

В руках правых сил находились, как теперь достоверно известно, посты Первого секретаря ЦК КПЧ, секретаря по идеологической работе, председателя и заместителя председателя правительства, председателя Национального собрания, председателя Государственной плановой комиссии, председателя Центрального комитета Национального фронта, министра внутренних дел — то есть посты, связанные с важнейшими партийными и государственными функциями. В исключительно напряженной обстановке, в атмосфере антисоветской и антипартийной истерии, вызванной средствами массовой информации и пропаганды, тогдашнее руководство партии во главе с А. Дубчеком постепенно все больше отступало от позиций марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

Антипартийная идейная платформа проявилась, в частности, в отношении тогдашнего ЦК КПЧ к письму братских партий социалистических стран и в особом постановлении Президиума ЦК КПЧ от 21 августа 1968 года.

Все попытки вражеских антикоммунистических центров, а также правых сил в партии были направлены против принципов марксистско-ленинской Коммунистической партии, а с точки зрения международной — прежде всего против дружбы и союзничества с Советским Союзом. Для тех, кто отступил от этих принципов, были характерны и другие отрицательные черты

личного плана: легкомыслие, самолюбие, двуличность, карьеризм и т. д.

Гнетущая атмосфера националистических и антисоциалистических страстей, вызванная целой серией антипартийных кампаний, все больше сгущалась во время обсуждения письма братских партий социалистических стран в июле 1968 года и не ослабевала после переговоров представителей КПЧ и КПСС в Чиерне-над-Тисой и Совещания делегаций братских коммунистических и рабочих партий шести социалистических стран, включая делегацию КПЧ, в Братиславе. Наоборот, эта нездоровая атмосфера получала тогда даже поддержку со стороны Первого секретаря ЦК КПЧ А. Дубчека, когда он накануне переговоров в Чиерне-над-Тисой демонстративно принял сверток резолюций, в которых якобы «все граждане» республики давали нашей делегации мандат на защиту «социализма с человеческим лицом» и «суверенитета». Эта инсценировка транслировалась по телевидению миллионам зрителей! Й. Смрковский провозгласил старый лозунг буржуазного политика Крамаржа, подхваченный антисоциалистическими группами: «Мы с вами, будьте с нами!»

30 июля 1968 года во время переговоров в Чиерне-над-Тисой Ч. Цисарж в здании ЦК КПЧ на собрании деятелей искусства и культуры информирует о ходе этих переговоров. При этом собрание приняло письмо Президиуму ЦК КПЧ с «проявлением солидарности», что было, конечно, предназначено для дальнейшей дезориентации общественности; средства массовой информации и пропаганды, находившиеся под контролем правых сил, незамедлительно воспользовались этим случаем, бросив лозунг: «Думаем о вас, думайте о нас».

Правое руководство Пражского горкома КПЧ во главе с Б. Шимоном, избранное на городской партконференции в апреле 1968 года, практиковало тактику нажима на ЦК КПЧ. Об этом также свидетельствует выступление В. Шилгана на пленуме горкома 16 мая 1968 года, то есть три недели спустя после городской конференции. Это заседание обсудило отношение городского комитета партии к современной политике (речь шла в основном о подготовке к майскому пленуму ЦК КПЧ, на котором в качестве главной опасности впервые было указано на действия правых антисоциалистических сил). В. Шилган предлагал тогда отстаивать на майском пленуме платформу Пражского горкома, добиваясь принятия резолюции, соответствовавшей стремлениям правых сил.

Правая группировка, формировавшаяся на апрельской пражской конференции, доминировала и на июньской конференции. Она добилась провозглашения конференции «постоянно действующей» с тем, чтобы ее заседания могли продолжаться от съезда к съезду. Этот беспрецедентный акт был направлен против ЦК КПЧ и, таким образом, выражал недоверие как ЦК, так и его Президиуму, так как делал возможным в любой момент собраться и отвергнуть те постановления Президиума ЦК КПЧ, которые не отвечали намерениям правого центра.

На июньской конференции были предложены списки из 70 членов ЦК и центральной контрольно-ревизионной комиссии, которых правые хотели заменить своими представителями и таким образом окончательно захватить в свои руки руководство партией и государством. Списки эти были разосланы областным комитетам партии по всей республике. Правооппортунистское большинство в Президиуме ЦК КПЧ не приняло против этой явно фракционной и раскольнической деятельности никаких мер.

Расследование деятельности инициаторов и организаторов так называемого «высочанского съезда» дало возможность глубже проникнуть в механизм, с помощью которого правые разлагали партию. Целью правых было помешать созыву пленума ЦК КПЧ и в удобный момент дать толчок к внезапному открытию «съезда». Например, Б. Шимон от имени Пражского городского комитета партии вручил А. Дубчеку письмо, которое также разослал всем секретарям ЦК КПЧ и ЦК КПС. В письме подтверждалось антипартийное решение городской конференции о том, что в случае, если «консервативные» деятели потребуют созыва пленума ЦК КПЧ, его необходимо отклонить. «Созыв Центрального Комитета,— пишет он,— был бы шагом незаконным. В случае возникновения ненормальной ситуации, что крайне, по нашему мнению, запутало бы ее, нам бы не оставалось ничего другого, как сразу же созвать внеочередной съезд, невзирая на уже установленную ранее его дату. Потом главной задачей этого съезда были бы выборы нового ЦК...»

Правые силы в Братиславском городском комитете КПС, следуя примеру правого руководства пражской городской организации КПЧ, стали инициаторами кампании за ускоренный созыв съезда КПС, за дискредитацию честных партийных работников, за изменение марксистско-ленинского характера партии. В письме июньской городской конференции КПС делегатам «внеочередного съезда» КПЧ, помимо всего прочего, говорилось:

«Мы должны пытаться создать качественно новую систему институциональной социалистической демократии, где бы каждый гражданин был законным носителем политического субъективизма, а каждый союз — объединяющей те или иные интересы общественной организацией, политической партией. Поэтому необходимо использовать все положительные аспекты концепции общества как целого, внутренне поляризованного, в котором бы столкновение различных точек зрения было положительным фактором при поисках и создании новых политических решений и при контроле власти!»[1]

Как и в чешских областях, в Словакии создалась правая группировка, носившая характер «второго центра». Руководящие представители Братиславского горкома КПС во главе с Й. Зраком уже в марте 1968 года на городской конференции прокламировали свои претензии на особое положение их комитета. Внеочередная конференция в июне 1968 года констатировала «отставание» «демократического процесса в Словакии» и потребовала ускоренного созыва съезда Коммунистической партии Словакии, с тем чтобы избрать новый ЦК КПС, который-де «будет иметь поддержку и доверие всех словацких коммунистов и всего словацкого народа». Иными словами, это означало выражение сомнения в доверии существовавшему тогда руководству ЦК КПС. В других вопросах Братиславский горком партии также применил ревизионистскую платформу правых сил. Деятельность правых представителей — Й. Зрака, М. Стргана, К. Минарика и М. Федора — в городской партийной организации проводилась в соответствии с политическими целями правых сил в ЦК КПС и в областях Словакии. В руководстве ЦК КПС речь шла о В. Павленде, С. Фалтяне, Б. Граце и других; в областях к представителям правых относились А. Тяжкий, Я. Косцеланский, Ю. Турчек.

Эти и другие факты свидетельствуют о том, что правые силы в Братиславском горкоме партии стояли, в сущности, на одной идейной и политической платформе с правыми представителями в Пражском горкоме и в ЦК КПЧ.

К активной антипартийной деятельности подключились правые силы из культурного фронта, который задолго до января 1968 года был заражен антисоциалистической идеологией. Обстановка здесь, возникшая после IV съезда писателей Чехословакии, в послеянварский период обострилась и вылилась в

[1] См.: «Pravda», 2.II.1971.

прямое отрицание социалистического развития нашей республики.

В июне 1968 года группа из 22 культурных работников под руководством Э. Гольдштюккера подготовила и провела так называемый «культурный актив», на котором с докладом об итогах майского пленума ЦК КПЧ выступил секретарь ЦК партии Ч. Цисарж. В заключение «актива» была принята резолюция коммунистов — работников искусства и культуры; она была не чем иным, как выражением оппозиционной антипартийной платформы. В ней формулировались конкретные тактические директивы деятельности правых сил, направленные на полное овладение партией. В противоречии с выводами майского пленума, подчеркнувшего опасность наступления антисоциалистических сил и необходимость концентрированной борьбы против них, в резолюции говорилось, что участники «актива» будут «разоблачать» цели так называемых «консервативных сил» (так «прогрессисты» именовали верных марксизму-ленинизму членов партии) и делать все возможное для того, чтобы при подготовке «внеочередного XIV съезда» партии на конференциях не избирались те коммунисты, которые «скомпрометировали себя» и, таким образом, не способны осуществлять «демократический социализм». Резолюция требовала «свободы» течений, которые «могут быть далеки от представлений социализма», что означало свободу для всех контрреволюционных сил.

В ответ на усилившиеся требования о наведении порядка в средствах массовой информации и пропаганды организаторы «актива» приняли резолюцию, в которой высказывалась даже прямая угроза в адрес ЦК КПЧ. В ней говорилось: «Актив предупреждает руководство партии, что если бы оно захотело удовлетворить эти требования и уволить с работы Й. Пеликана или провести другое важное кадровое изменение подобного типа, то это привело бы к разрыву между руководством партии и культурной интеллигенцией, к последствиям, худшим, чем после съезда писателей и страговских событий» [1]. Инициативной группе в составе Э. Гольдштюккера, А. Гоффмайстера, Ф. Павличека, Л. Пацовского, Я. Копецкого, Ф. Водички, М. Галушки и Л. Хелге резолюция поручала руководить «культурным активом» вплоть до «внеочередного съезда» партии.

---

[1] «Страговские события» — провокационная демонстрация группы пражских студентов в октябре 1967 года, сопровождавшаяся беспорядками и антисоциалистическими выпадами.— *Прим. авт.*

4 августа 1968 года после возвращения делегации ЦК КПЧ с переговоров в Братиславе состоялась встреча некоторых представителей правых, в том числе Ч. Цисаржа, Э. Гольдштюккера, П. Когоута, Ф. Кригеля, Б. Раттингера, Й. Смрковского, Ф. Бера, Р. Горака, З. Млынаржа, О. Черника, З. Гейзлара, Й. Ганзелки. Принятая в этой встрече фракционная тактика полностью реализовалась затем в едином блоке представителей правой оппозиции. Президиум ЦК КПЧ был информирован о содержании заседания данной группы, но не принял никаких мер; А. Дубчек даже не обратил внимания на эту информацию.

Во всех переговорах руководства «культурного актива» участвовал К. Костроун как заведующий отделом ЦК КПЧ. Члены этого «актива» были направлены в качестве делегатов на повсеместно проходившие тогда собрания, митинги, заседания, где они выступали с антипартийной платформой.

Антипартийная группировка «культурного актива» облегчала тесный контакт правых сил в органах и аппарате ЦК КПЧ, в научных и культурных организациях, в средствах массовой информации, в Пражском городском комитете КПЧ, а также поддержание тесных связей с правыми силами в областных, районных и городских органах партии. Этот самозваный «культурный актив» ЦК КПЧ стал, таким образом, еще одной группировкой «второго центра», узурпируя некоторые права ЦК КПЧ при подготовке «внеочередного XIV съезда» партии. «Актив» составил список лиц, которые не должны были быть избранными в новый Центральный Комитет, включив в него 48 товарищей из состава ЦК КПЧ, якобы «потерявших доверие».

В «Уроках кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ» эта антипартийная фракционная деятельность правых сил того периода характеризуется следующим образом:

«В период чрезвычайных областных партийных конференций уже полностью выявился переход правых сил к открытой фракционной деятельности. Второй центр в партии стремился изолировать левые силы в Центральном Комитете и путем посылки инструкций в области предопределить итоги выборов делегатов на съезд и состав нового Центрального Комитета. Ему удалось добиться того, что среди делегатов на XIV чрезвычайный съезд было много правых оппортунистов, националистов и колеблющихся членов партии. Только 17,4 процента делегатов было из рядов рабочих — факт, беспрецедентный в истории КПЧ. Таким образом, правые силы создали условия для

захвата на съезде власти и легализации своих целей и планов»[1].

В заключение следует подчеркнуть, что вся эта разлагающая правооппортунистическая, ликвидаторская и самоликвидаторская обстановка внутри КПЧ кризисного периода, и особенно в ее тогдашнем руководстве, обстановка деформации и отступления от основных марксистско-ленинских принципов партии, от ее революционного характера, помимо всего прочего, служила, конечно, и той «основой», на которой разрастались и развивались деформация и разложение также государственного строя и всего социалистического общества Чехословакии в 1968 — 1969 годах.

---

[1] «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 26.

Разрушение основ политической системы социализма

Черное дело реакции и контрреволюции в Чехословакии 1968 — начала 1969 года отнюдь не сводилось лишь к «теоретическим» — печатным и устным — выступлениям вдохновителей и организаторов правых сил. Империалистические центры и внутренние контрреволюционные силы предпринимали также и активные *практические* действия антипартийного и антисоциалистического характера, а через свои многочисленные публикации и выступления в печати или в радио- и телевизионных передачах они усиливали свое воздействие на организованный ими процесс разрушения политической системы социализма.

Ключевой задачей правых и антисоциалистических сил было, как уже говорилось, изменение марксистско-ленинского характера КПЧ и захват в свои руки ее руководства. Параллельно с этим преследовались и другие цели:

— ослабление государственного аппарата;

— создание новых политических группировок («К-231», «КАН», «Движение соборного обновления» и т. д.);

— формирование террористических групп внутри государства;

— активизация деятельности империалистических разведок и диверсионных групп;

— ослабление союза с социалистическими странами.

Подрыв социалистической государственной власти

В документе декабрьского пленума ЦК КПЧ 1970 года «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ» дан глубокий анализ «деятельности» правооппортунистических и антисоциалистических сил, приведшей в 1968 году к значительному разложению социалистической власти. Они весьма активно пробирались ко всем ключевым должностям в органах социалистического государства, в органах безопасности, юстиции, армии и постепенно настолько подорвали и парализовали их, что эти органы перестали отвечать

своему назначению, поскольку уже не могли или не желали оказывать сопротивление как внутренней контрреволюции, так и диверсиям внешних врагов.

Правые деятели в значительной мере определяли тогда действия правительства ЧССР, председателем которого был О. Черник. Они всячески стремились изолировать тех заместителей председателя правительства и министров, которые были обеспокоены создавшимся положением в стране и настаивали на решительных мерах против нараставшей правой опасности.

В высшем законодательном органе — Национальном собрании — группа правых депутатов во главе с Й. Смрковским захватила решающие позиции. Будучи председателем Национального собрания, Й. Смрковский добивался принятия некоторых неверных в своей основе законоположений, игравших на руку правым, и в то же время вместе с Ф. Кригелем препятствовал принятию законодательных актов, направленных против реакции и контрреволюции. Правые глушили голоса тех депутатов, которые требовали решительных действий против враждебных социализму сил. Они превращали в свой оплот и в важный инструмент для политического переворота Чешский национальный совет, который был создан в июле 1968 года и в который особенно интенсивно проникали многие правые элементы.

Как отмечается в «Уроках кризисного развития», правые всеми способами, тайно и явно, стремились парализовать роль и деятельность органов власти. «Они хотели достигнуть того, чтобы в случае необходимости эти органы не были способны решительно выступить против контрреволюции и защитить власть рабочего класса, а, напротив, чтобы в нужный момент их могли использовать в своих целях правые круги, стремившиеся к политическому перевороту»[1].

Стоявший тогда во главе контрразведки министр внутренних дел Чехословакии Й. Павел был тесно связан с правыми и антисоциалистическими силами и нисколько не скрывал своего намерения ликвидировать органы государственной безопасности, о чем он сам публично заявлял и что осуществлял на практике. Он открыто заявлял о своем согласии с программой ревизионистских и антисоциалистических сил.

---

[1] «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 34.

Подобно этому и органы чехословацкой армии оказались тогда в плену нездоровых антисоциалистических тенденций, о чем свидетельствуют, в частности, распространявшиеся в то время в чехословацкой армии концепции, разработанные в Военно-политической академии (ВПА), и небезызвестные высказывания генерала В. Прхлика, ставшего в те дни активным проводником оппортунистического курса в отношении армии, органов безопасности, суда и прокуратуры.

Весной 1968 года в Военно-политической академии были опубликованы два документа — материал к «Программе действий Чехословацкой народной армии», который был направлен на «одобрение» ее командованию, и официальный «Меморандум», содержавший обобщенные тезисы «Программы действий». Этот «Меморандум» с подзаголовком «Формулировать и учреждать чехословацкие государственные интересы в военной области» был разработан по инициативе научных сотрудников ВПА в мае 1968 года и разослан начальником ВПА полковником В. Менцелем без согласия или информирования вышестоящих служебных органов всем руководящим партийным и государственным деятелям, а также опубликован в журнале «Лидова армада» (№ 3, 2.VII.1968 г.). «Меморандум» требовал ни больше ни меньше как пересмотра принципов военной политики партии и государства, утвержденных XIII съездом КПЧ, и изменения чехословацкой военной доктрины на основе пересмотра отношения ЧССР к Варшавскому Договору.

Генерал В. Прхлик на одной из пресс-конференций с журналистами подробно останавливался на вопросах защиты и безопасности, то есть на вопросах, которые составляют государственную тайну. По его мнению, в «новой модели организации партии» было якобы необходимо отказаться от прямого управления органами обороны и безопасности и предоставить это дело Национальному собранию.

Обстановка в Чехословакии все более осложнялась, «тихая» контрреволюция постепенно набирала силу. По всей стране, особенно в печати и в других средствах информации, поднялась страшная волна антисоциалистической и антисоветской истерии. Такие люди, как А. Лим, выступали, например, в газете «Литерарни листы» в каждом номере, а иногда и дважды — под собственным именем и под псевдонимом Далимил. В этом и других органах печати лились грязные потоки клеветы на коммунистов, стоящих на марксистско-ленинских позициях, и всех честных патриотов и друзей Советского Союза. Государственные деятели

социалистических стран характеризовались лишь в карикатурном свете. Стало типичным, например, запугивание и терроризирование трудящихся ЧССР, особенно усилившиеся после опубликования *письма группы рабочих и служащих завода «Авто-Прага»* от 18 июля 1968 года в газете «Правда» под выразительным заголовком: «Нашу дружбу мы храним как зеницу ока». В письме, в частности, говорилось:

«Дорогие товарищи — наши советские друзья!

В серьезной обстановке, которую мы переживаем в период настоящего процесса возрождения в нашей стране и партии, наши взгляды обращены к вам. Мы каждый день следим за сообщениями вашей печати и радио. Мы знаем ваше беспокойство, в этом — мы едины...

Дорогие товарищи, наша дружба, наше союзничество освящены совместно пролитой кровью у Соколова, на Дукле и на других полях сражений. Наши враги не меняются, это все те же империалисты и их разведки, только сегодня они являются более опытными и в силу этого более опасными; мы знаем, каковы их цели и кто им помогает. И именно потому, что мы осознаем опасность, которая угрожает нам со стороны империализма, мы отмежевываемся не только от резолюций, которые призывают к уходу союзнических войск, но отмежевываемся и от авторов и инициаторов этих резолюций. Ведь для каждого честного, порядочного гражданина нашей родины, выступающего за строительство социализма, за процесс возрождения, за искреннюю, настоящую дружбу с СССР, не может быть препятствием в его повседневной работе на благо общества присутствие ваших войск и войск Варшавского Договора. Даже, наоборот, он должен чувствовать себя в своей работе в большей безопасности... Только людям нечестным, политическим двурушникам, людям фальшивым, с нечистой совестью эта обстановка может быть не по душе. И такие пусть боятся.

Мы, как матери и отцы, чьи сыновья часто бывают на военных учениях в необъятной России, благодарим вас в связи с этим за братский их прием, за вашу любовь к нашим детям.

Дорогие товарищи!

Мы стоим на страже, мы знаем, где находится враг и что от него мы можем ожидать. Мы никогда не допустим, чтобы возвратились довоенные или дофевральские времена... Мы знаем, кто наши друзья, мы знаем, кто является нашим союзником, мы знаем, кто нас не предаст... Все честные люди, все мы всегда рады вас сердечно приветствовать в нашей стране. Честь труду!»

Подобных писем, полных опасений за социалистическое будущее Чехословакии, было немало. К ним относятся и резолюция актива Народной милиции в Праге, и сотни писем, которые не были опубликованы. Многие авторы посылали их в Советский Союз, что было использовано реакционными и контрреволюционными силами в качестве одного из поводов для развертывания белого террора, как это имело место в связи с письмом рабочих завода «Авто-Прага».

Сразу же после опубликования этого письма начались чудовищные гонения на всех 99 подписавших его работников завода, которые хотели выразить и выразили недовольство методами деятельности прессы, радио и телевидения и заверили советский народ в своей искренней дружбе.

Тех, кто подписал письмо, снимали с должностей в партийных и других организациях; многих заставили уйти с работы «по собственному желанию». У одного из шлифовщиков, подписавшего письмо, неизвестно кем был разобран станок; в станок другого кто-то бросил стеклянные осколки. Начался организованный террор, посыпались угрозы по телефону и в письмах, составленных в стиле и манере политических преступников.

Президиум ЦК КПЧ 13 августа 1968 года осудил «недемократические методы» кампании против авторов письма. Однако, несмотря на это, газеты «Праце» и «Свободне слово» все еще продолжали свои нападки.

Пражский корреспондент английской газеты «Дейли экспресс» Дэнис Блаунт решил проверить сообщения об этих гонениях. «Я посетил завод, — писал он, — чтобы убедиться, какова там обстановка на самом деле. Один из подписавших письмо, 45-летний Йржи Дубен, член КПЧ, сказал мне: «Начальник заводского отряда Народной милиции и его заместитель, которые подписали письмо, были сняты с работы. Остальным четырем — среди них и я — было предложено подать заявление об уходе с работы по собственному желанию».

При развертывании кампании травли 99 особенно постыдную роль сыграла газета «Свободне слово» (орган Чехословацкой социалистической партии), которая так много распиналась о гуманизме и демократии. Она опубликовала 9 августа 1968 года статью социолога д-ра М. Йодла под названием «Право вонзить нож в спину», в которой говорилось буквально следующее: «...Девяносто девять, которые подписали предательскую резолюцию, аргументируют тем, что имели право высказать свое мнение... Закон, естественно, не рассчитывал на такого типа преда-

тельство, но моральный закон ясно говорит, что предатели сами отлучили себя от нашего общества и им следовало бы переселиться туда, где они ищут поддержку и где находят отклик».

Естественно, что «массовость» протестов против письма честных работников завода «Авто-Прага» была инсценирована, а голоса в их защиту подавлялись. Ян Смишек в письме в газету «Руде право» писал, что д-р Йодл в статье пользуется языком антисемитов и фашистов. На статью Йодла ответил в «Руде право» и д-р Коларж, в то время заведующий отделом ЦК КПЧ: «Я совершенно точно знаю, что в Центральном Комитете, а также в газете «Руде право» имеются письма, хотя их и немного, в которых высказывается такая же точка зрения, как и группы из «Авто-Праги». Но они не публикуются. Не знаю почему».

Между тем террор продолжался и даже усиливался. О необычайной наглости реакционных элементов и общем отчаянном положении в стране свидетельствует небольшая заметка в «Руде право» от 17 августа 1968 года. В ней говорилось о бесчинствах 8 августа того же года перед зданием ЦК КПЧ. «Около девяти часов вечера подошла группа, приблизительно человек триста, которые шли со Староместской площади, где дискуссия не клеилась и никто уже не хотел больше выступать. Выкрикивали такие, например, лозунги: «Нас хотят обмануть!», «Смрковский, на выход!» и т. д. «Делегация» из шести человек потребовала, чтобы на Староместскую площадь послали представителей КПЧ, а один из членов группы крикнул: «Достаточно слова этой массе, и вас всех здесь перебьют!» Собравшиеся, однако, не разошлись, и приблизительно в 22 часа послышались выкрики: «Вылезайте вон!», «Струсили!»... Группа нажимала на двери, стучала кулаками, бросала камни. С подобными же возгласами она отправилась на Староместскую площадь, где собрание продолжалось».

Факты говорят о том, что опасность тогда была не столько в «концепциях» и «теориях», сколько в практической деятельности правых и антисоциалистических сил. Эти силы не только выдвигали реакционные требования, но и начинали реализовать лозунг «возрождения без коммунистов». В печати публиковались, например, многочисленные призывы восстановить в Чехословакии социал-демократическую партию, под одним из которых подписались: проф. В. Черный, связанный с контрреволюционной чехословацкой эмиграцией, писатель Я. Прохазка, проф. И. Свитак и другие.

Наиболее ярким проявлением открытого и строго координированного наступления реакционных сил явилось опубликование

«2000 слов», представлявших собой контрреволюционную платформу, которая служила прямым руководством и призывом к насильственным действиям и разрушению социалистического строя. Особенно далеко зашло это контрреволюционное воззвание в разжигании ненависти к СССР, к советским людям, угрожая им, так же как и другим народам социалистического содружества, всем братским союзникам ЧССР даже вооруженным конфликтом.

«Деэтатизация» экономики и отказ от планового хозяйства

Подрывая дееспособность органов социалистического государства в сфере политической, правые стремились к ослаблению его роли и в области экономической. Извращая смысл начатой в ЧССР экономической реформы, они усиленно протаскивали модель «рыночного хозяйства».

Как известно, на пленуме ЦК КПЧ в 1965 году и на XIII съезде партии в 1966 году были одобрены в сущности правильные положения разработанной тогда экономической реформы. В ней отражены основные принципы планового руководства социалистической экономикой, из которых можно и нужно исходить и сегодня. Но затем эти принципы начали извращаться, от них стали все больше отступать.

Немалый «вклад» в это дело внесли праворевизионистские экономисты Чехословакии. Подбрасывая массам свою интерпретацию «усовершенствования» системы руководства, они всячески переоценивали функцию рынка и рыночного механизма в социалистической экономике и стремились разложить центральное руководство экономикой, извращая ленинское понимание соотношения политики и экономики. Область народного хозяйства страны они разделили на две самостоятельные сферы — центральную и сферу предприятий, а хозяйственно-организаторские функции социалистического государства свели до минимума. Центр тяжести социалистической общественной собственности на средства производства был перенесен на уровень предприятий, а система «самоуправления» предприятий должна была, по их замыслам, парализовать руководящую роль Компартии.

Так совершался отход от первоначальных принципов экономической реформы, а ее содержание ревизионистски деформировалось. Борьба за реформу начала быстро перемещаться из области экономики в область политики, из области экономической теории в область экономической и политической практики.

Особенно большое влияние как на политику, так и на практику оказывал тогда своей экономической моделью О. Шик, занимавший в свое время видные посты. Основные его усилия, как и усилия других ревизионистов, были направлены на постепенное разрушение всенародной социалистической собственности и превращение ее в групповую, которая, по замыслам контрреволюционных политических сил, могла бы стать переходной стадией к реставрации капитализма. «Под предлогом необходимости пойти навстречу потребителю правые добивались частного предпринимательства, стремясь к тому, чтобы мелкобуржуазные элементы получили и собственную экономическую базу для разложения социализма»[1].

Известно, что социалистическое обобществление средств производства является главной задачей диктатуры пролетариата. Оно создает экономическую базу для ведущей роли рабочего класса в строительстве социалистического общества, без которой рабочий класс не удержал бы власти и не смог бы выполнить своей исторической миссии — построения социалистического, а затем и коммунистического общества. Именно общественная социалистическая собственность на средства производства устраняет эксплуатацию человека человеком. Общественное владение прибавочным продуктом создает неизбежную предпосылку для заново формирующегося общественного богатства и его целенаправленного использования на социально-экономические цели социалистического общества. Общественное накопление и использование прибавочного продукта является одной из характерных черт социалистической собственности.

Осуществление правооппортунистических требований о передаче собственности на средства производства отдельным предприятиям объективно было направлено на ослабление, а затем и ликвидацию преимуществ социализма перед капитализмом.

Рыночную базу экономики ревизионисты проецировали и в область политической надстройки, добиваясь создания такой политической системы («плюралистический социализм»), которая была бы адекватна «новой» экономической базе («рыночной социалистической экономике»).

В 1968 году проблема собственности на средства производства стала важнейшим объектом борьбы правых сил за превращение Чехословакии в буржуазно-демократическое государство

---

[1] «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 40.

западноевропейского типа, за ее переход из мировой социалистической системы в систему капитализма.

В ходе событий 1968 — начала 1969 года праворевизионистские и антисоциалистические силы Чехословакии развернули широкое наступление против руководящей роли партии в экономике. Именно с этой целью были провозглашены такие лозунги, как «самоуправление производителей», «вся власть советам трудящихся»; выдвигались предложения о ликвидации партийных организаций на предприятиях, о «создании профсоюзов без коммунистов» и т. д. Извращая характер научно-технической революции, правые проповедовали неизбежность власти «элиты». Это отвечало интересам узких групп мнимых «специалистов» и бывших капиталистических собственников.

В отчетном докладе ЦК КПЧ XIV съезду партии говорится: «Руководство партии перестало управлять развитием народного хозяйства и допустило, чтобы инициативу захватили правые авантюристы типа Шика, которые в противоречии с жизненными интересами трудящихся открыли путь мелкобуржуазной стихийности, выступали за превращение общественной собственности в групповую, против планового руководства народным хозяйством, за стихийность рынка и препятствовали таким образом осуществлению влияния партии и государства на руководство народным хозяйством и его развитие. В конечном итоге этот путь привел бы к ликвидации социалистических производственных отношений»[1].

Правооппортунистические ревизионисты клеветнически заявляли, будто главную причину недостатков в развитии чехословацкой экономики следует искать в экономическом содружестве ЧССР с Советским Союзом и другими социалистическими странами, будто жизненный уровень трудящихся ЧССР мог быть намного выше, если бы-де ее экономика ориентировалась на капиталистические страны.

Но действительность говорит как раз об обратном. Ревизионистская деформация экономической реформы в Чехословакии привела уже к концу 1968 года к значительному усилению инфляции и экономической неуравновешенности. В капитальном строительстве все более возрастала напряженность. Искусственно ускорялся рост заработной платы рабочих и служащих без всякой связи ее с ростом производительности труда, с реальной возможностью расширения промышленного производства. Сущест-

[1] «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии», стр. 27.

венно сократился экспорт товаров, начал распадаться внутренний рынок. С возобновлением мелкого частного предпринимательства в широком масштабе начали основываться различные псевдокооперативы, которые в экономической области быстро приобрели явно паразитический характер. В большинстве случаев это были спекулятивные предприятия, которые получали большие денежные средства фактически за счет общества.

Всем этим праворевизионистским и антисоциалистическим тенденциям в развитии экономики Чехословакии был положен конец уже только после апрельского пленума ЦК КПЧ 1969 года, когда было избрано и утверждено новое руководство партии во главе с товарищем Густавом Гусаком. В стране повсюду и решительно началась работа по ликвидации насажденной правыми антисоциалистической системы управления экономикой, основанной на стихийном действии рыночных отношений; вскоре было установлено твердое централизованное руководство народным хозяйством страны, остановлена тенденция к инфляции, возобновлено соблюдение закономерностей зависимости роста зарплаты от роста производительности труда и т. д. В общем и целом были восстановлены марксистско-ленинские принципы руководства социалистической экономикой, в которых решающую роль играет принцип прямого планового руководства и всенародной социалистической собственности на средства производства.

Проникновение правых в профсоюзы и молодежные организации

В данном параграфе мы опираемся прежде всего на документ «Итоги кризисного развития в профсоюзах между VI и VIII съездами профсоюзов», утвержденный XIV пленумом Центрального совета профсоюзов Чехословакии 5 мая 1972 года. В этом документе приводится целый ряд новых фактов об *антисоциалистической деятельности в профсоюзах* ЧССР в 1968 — 1969 годах. В нем содержится глубокий, обстоятельный анализ враждебной деятельности правых элементов в профсоюзах, приводится убедительная аргументация, раскрывается вредность их концепций и практической деятельности, дается ответ на вопросы о причинах и последствиях кризиса и о путях его преодоления.

Как же оцениваются в этом документе ошибки и недостатки в деятельности чехословацких профсоюзов в период кризисного развития страны?

Решения январского пленума ЦК КПЧ (1968 г.) вначале встретили в среде профсоюзов известную поддержку. Рядовые члены профсоюзов видели в них выход из трудностей, возникших на пути дальнейшего развития социализма. Однако вскоре, как известно, под лозунгом борьбы против «консерватизма» и под псевдопрогрессивными лозунгами в профсоюзной работе стали проявляться явно ревизионистские и реформистские тенденции. Правые элементы ориентировались на захват профсоюзного руководства с тем, чтобы постепенно привлечь на свою сторону рабочий класс и использовать его профсоюзные организации в антисоциалистических целях. Этому в значительной мере благоприятствовали неустойчивость и оппортунистическое маневрирование многих руководящих профсоюзных функционеров.

В ряде профсоюзных органов и первичных организаций правые и антикоммунистические группы перешли к полному отрицанию руководящей роли КПЧ. Выдвигались требования, чтобы тезис о руководящей роли Компартии вообще был исключен из профсоюзного устава. Для дискредитации руководящей роли партии в профсоюзах они использовали некоторые прежние ее ошибки и недостатки. На страницах печати развернулась широкая дискуссия о том, должны ли быть профсоюзы «приводными ремнями» Коммунистической партии, пропагандировалась «независимость» профсоюзного движения и т. д.

Под предлогом критики профсоюзных работников, якобы не справлявшихся с порученными им задачами, велась, по существу, борьба против коммунистов и преданных социализму работников в профсоюзах. На них всячески клеветали, изображая их противниками «процесса возрождения», снимали их с занимаемых должностей или принуждали подать в «отставку».

Кампания по замене профсоюзных работников проводилась во многих местах под откровенно контрреволюционными лозунгами, такими, например, как «первичные профсоюзные комитеты без коммунистов». Своей кульминационной точки эта кампания достигла осенью 1968 года при выборах в профсоюзные комитеты.

Внимание членов профсоюзов концентрировалось в области социальных требований, главным образом на вопросах заработной платы. Профсоюзная печать под видом критики «бюрократического централизма Центрального совета профсоюзов» проповедовала анархо-синдикализм. Абсолютная независимость отдельных союзов внутри всего профсоюзного движения, как это было определено в целом ряде материалов и документов, практи-

чески означала, что единое профсоюзное движение становилось неуправляемой коалицией обособленных друг от друга организаций. Дробление единого профсоюзного движения на отдельные профессиональные союзы и создание автономных секций было не чем иным, как тактическим средством правых сил, стремившихся к достижению главной стратегической цели — разложению единства рабочего класса и подрыву его ведущей роли в социалистическом обществе.

Наглядным примером того, как эти намерения правых и антисоциалистических сил в борьбе против единства профсоюзного движения реализовались на практике, являлось основание так называемой «федерации локомотивных бригад». Используя грубые методы нажима, правые создали корпоративную организацию на антисоциалистической базе, вне революционного профсоюзного движения. «Федерация локомотивных бригад» получила поддержку со стороны правых сил в министерствах и вела острую борьбу против профсоюзных организаций железнодорожников.

По мере того как укреплялась «независимость» профсоюзных организаций, под демагогическим лозунгом «борьбы против двойного подчинения» всячески ослаблялась роль межпрофсоюзных органов как носителей единства профсоюзного движения. Были ликвидированы областные профсоюзные советы, а вместо районных профсоюзных советов созданы так называемые «районные советы профсоюзных организаций» — невыборные органы, состоявшие из представителей отдельных организаций. Практически эти органы ничего не решали и создавались лишь для проформы.

Правые встали на националистический путь, добившись создания в стране двух самостоятельных национальных профсоюзных организаций — чешской и словацкой, лишь формально связанных с Центральным советом чехословацкого революционного профсоюзного движения. В итоге профсоюзное движение Чехословакии стало руководствоваться 57 уставами чешских и словацких профсоюзов, Уставом чешского профсоюзного движения, Уставом словацкого профдвижения, Хартией чехословацкого профсоюзного движения в целом и т. д. и т. п. Не приходится уже говорить о том, что эти документы расходились между собой как по целям, так и по содержанию.

Редакция профсоюзной газеты «Праце» заняла позицию «второго центра» в профсоюзах. В ходе событий 1968 — 1969 годов эта газета, так же как и некоторые другие органы печати,

«прославилась» искусством дезинформации. Именно на страницах этой газеты был опубликован погромный документ — «2000 слов».

Как известно, вопросы экономики в планах правых и антисоциалистических сил имели особое значение. Правые пытались осуществить такую модель рыночного хозяйства, которая исключала влияние социалистического государства, партии, профсоюзов, а тем самым и трудящихся на экономическую политику.

Так называемая «новая профсоюзная политика» находилась в противоречии с марксистско-ленинским учением о профсоюзах. Эта «новая профсоюзная политика» определяла такое отношение профсоюзов к социалистическому государству, как будто бы речь шла о буржуазном государстве, а не государстве рабочего класса, как будто бы социалистическое правительство защищало интересы, противоречащие интересам трудящихся.

«Новая профсоюзная политика» в понимании правых оппортунистов отрицала один из существенных признаков социалистической демократии, а именно прямое участие трудящихся в развитии производства и социалистическом строительстве. Она снимала с профсоюзов ответственность за повышение производительности труда и выполнение плана, за развитие рабочей инициативы. Профсоюзное движение устранялось также от стимулирования деятельности рационализаторов и изобретателей. Считая социалистическое соревнование проявлением «деформаций», правые добились отмены производственных собраний и совещаний.

Профсоюзы в этот период настраивались на ведение особой оппортунистической игры в вопросах заработной платы. И они добивались «успеха». В результате ослабления централизованного регулирования зарплаты и стихийного повышения цен отдельным предприятиям удавалось увеличивать свой «доход» независимо от роста производительности труда и повышения эффективности производства. Но профсоюзам не было дела до того, что уже тогда стали выразительно проявляться черты инфляции.

В результате всего этого увеличились диспропорции на товарном рынке. Социальное обеспечение трудящихся, о котором правые столько разглагольствовали, оказалось под серьезной угрозой. Гарантии жизненного уровня трудящихся вследствие ревизионистской деятельности правых все больше подрывались из-за стихийного роста цен.

Наряду с подрывом и разрушением подлинных организаций трудящихся развернулась широкая кампания демагогического заигрывания с массами, воспевания их роли как «творцов» про-

цесса «возрождения». Созданные на предприятиях так называемые «рабочие советы» являлись составной частью тактики правых. На заводах, где возникали эти «советы», снимались с постов преданные делу социализма руководители и другие ответственные хозяйственные работники, а также многие профсоюзные деятели.

«Новая профсоюзная политика» выражала собой не что иное, как *контрреволюционное отрицание изменений, которые произошли* в профсоюзных организациях после победы рабочего класса в феврале 1948 года и построения социалистического общества. Правый оппортунизм расчистил путь старым и новым реформистским течениям в профсоюзах, причем не только идеологически, но и практической политикой.

Этот губительный курс был тем более опасным, что он наметился в то время, когда империализм намеревался использовать события в Чехословакии для того, чтобы нанести удар не только социализму в этой стране, но и жизненным интересам всей социалистической системы.

Не менее сложное положение складывалось и в *молодежных организациях* ЧССР того периода. Анализ развития молодежного движения в ходе событий 1968 — начала 1969 года в Чехословакии дан III пленумом ЦК Социалистического союза молодежи 23 февраля 1971 года.

В период кризисного развития страны в молодежном движении также проявилось правооппортунистическое течение. Правые ставили своей целью подчинение этого движения враждебным марксизму-ленинизму взглядам и разрушение единой организации молодежи. Эта тенденция получила тогда значительную поддержку со стороны некоторых публицистов и писателей, а также средств массовой информации, и прежде всего таких органов печати, как «Литерарни листы», «Млады свет» и «Студент». Широкое распространение среди молодежи получили и некоторые анархистские взгляды; их концепция и тактика вытекали из немарксистских и мелкобуржуазных теорий Г. Маркузе, из платформы «новых левых», откуда были заимствованы некоторые формы и методы борьбы против единой молодежной организации и всей политической системы социализма.

Вначале правые силы в чехословацком молодежном движении подходили к реализации своих целей весьма осторожно. Под лозунгом «улучшения» работы и «исправления» ошибок в Чехословацком союзе молодежи они начали ставить под сомнение решения V съезда ЧСМ, раздувать ошибки и недостатки, напа-

дать на представителей ЦК ЧСМ, которые твердо стояли на марксистско-ленинских позициях, нападать на Президиум и Секретариат ЦК ЧСМ, на руководящую роль Компартии с целью свалить вину за недостатки в работе ЧСМ на органы и аппарат партии, а тем самым дискредитировать КПЧ и ее политику.

Дело доходило до того, что было принято решение обязать пионерскую организацию отказаться от красного галстука как символа организации.

Молодых людей в силу их недостаточного жизненного и политического опыта правые избрали в качестве наиболее подходящего объекта, которым легко можно манипулировать на основе демагогических лозунгов. Цель правых состояла в том, чтобы, используя разглагольствования о «свободе», «демократии» и «гуманизме», на основе разжигания националистических страстей и воспевания буржуазного общества привлечь молодежь на свою сторону и использовать в борьбе против Компартии и социализма.

Разрушение молодежной организации было не изолированным актом правых сил в ЧСМ, а составной частью стратегического плана антисоциалистических сил в Чехословакии — расшатать и постепенно ликвидировать всю социалистическую политическую систему, заменить ее системой «плюрализма» и свободной игры политических сил. Представители правого крыла в руководстве партии, государства, Национального фронта и культурных организаций оказывали правым в ЧСМ значительную помощь и в своих выступлениях на активах и митингах молодежи, в печати, по радио и телевидению способствовали разрушению ЧСМ, сеяли недоверие к социализму в сознании молодых людей.

Принятие оппортунистической «Программы действий» КПЧ (апрель 1968 г.) ослабило молодежное движение в Чехословакии; требование программы о необходимости расчлененной и дифференцированной по интересам организации молодежи, о создании федерации самостоятельных молодежных организаций, равно как и формулировка о «партнерских» отношениях с партией, представляли собой не что иное, как открытую ревизию марксистско-ленинского учения о молодежном движении в социалистическом обществе.

Молодежная печать, особенно «Млада фронта», «Смена», «Студент», «Эхо», «Мы-68» и «Млады свет», также стала на позиции правого течения и приняла активное участие в обмане и

дезориентации членов ЧСМ, в принижении социалистических завоеваний в сознании молодых людей.

Правые ловко использовали критику недостатков в деятельности ЧСМ до января 1968 года — формализм в работе многих организаций, рост числа пассивных членов. Недооценка в прошлом политико-воспитательной работы среди молодежи, воспитания ее в классовом духе, в духе пролетарского интернационализма способствовали распространению правых взглядов.

В рядах правых в молодежном движении формировалось течение, представители которого открыто стояли на антикоммунистических и антисоциалистических позициях, течение так называемых «студенческих радикалов», представителей церкви, которые своей политической активизацией всячески пытались усилить влияние политического клерикализма и церкви на молодежь, а также распространить идеалистическое мировоззрение среди молодежи. На молодежь стремились воздействовать и вновь возрождавшиеся реакционные организации, деятельность которых была прекращена после 1945 года. Требовали своей регистрации свыше 60 организаций такого типа.

Как подчеркивается в критическом анализе, одобренном февральским пленумом ЦК Социалистического союза молодежи (1971 г.), деятельность правых в молодежном движении сводилась к тому, чтобы:

— подменить марксистско-ленинское мировоззрение как основу деятельности социалистической организации молодежи враждебными социализму взглядами;

— ослабить руководящую роль Коммунистической партии Чехословакии, заменить ее отношениями «партнерства» и отвергнуть тем самым ведущую роль рабочего класса в строительстве социализма, расчистить простор для всевозможных теорий «элиты»;

— отказаться от принципа демократического централизма как основы организационного строительства, от принципа идейного и политического единства организации молодежи, а вместо него прокламировать «самостоятельность» и политическую «независимость» вновь возникших организаций молодежи;

— отвергнуть как одну из главных функций социалистической организации молодежи воспитание своих членов и всей молодежи в духе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, распространить национализм и антисоветизм под прикрытием «социалистических» и псевдопатриотических лозунгов;

— отказаться от классового подхода к основным вопросам развития организации молодежи и общества.

Возрождение социал-демократии

Было бы большим упрощением сводить попытки правых и антикоммунистических диверсионных центров лишь к проявлениям террора и грубых нападок на сторонников социализма. Антикоммунистические центры охотно прибегали и к скрытым формам диверсии. В Чехословакии они ориентировались, в частности, на популярные «прорабочие» лозунги и на «марксистскую» терминологию социал-демократии.

Идеология социал-демократизма играет в арсенале антикоммунистических средств особую роль. Он со своей социальной программой и «марксистской» терминологией до некоторой степени действительно способен пускать пыль в глаза, дезориентировать людей, особенно в тех странах, где были сильны социал-демократические традиции.

В Чехословакии еще до 1968 года стали формироваться группы правой социал-демократии, которые опирались на заклятых врагов КПЧ, на контрреволюционную эмиграцию и западноевропейские социал-демократические партии. Зарубежные журналисты Ф. Цидаро, П. Бенеташо и Р. Уболди еще в июле 1967 года вручили бывшим функционерам Чехословацкой социал-демократической партии Ф. Кубику и Ф. Тржицкому обращение Социалистического Интернационала, точнее, его так называемой «чешской секции». В нем подчеркивалась «необходимость в удобное время обновить в ЧССР социал-демократическую партию». Чтобы обращение подействовало как можно лучше, в Прагу прибыли представители западногерманской социал-демократии, которые изучали обстановку и формы помощи «обновленной» чехословацкой социал-демократической партии; среди них был также и профессор К. Швайтцер из Кёльна. Чехословацкий эмигрант Броучек, бывший работник центрального секретариата чехословацкой социал-демократической партии, покинувший свою страну после февраля 1948 года, в июле 1968 года вернулся в Прагу, чтобы дать инструкции чешским социал-демократам и подготовить «возрождение» этой партии.

Значительную роль в этот период сыграл и венский центр социал-демократии под руководством Й. Йонаша. Его агентство — «кооперативная организация» — уже сравнительно долго оказывало помощь нелегальной сети чехословацкой социал-демократии.

Й. Йонаш, который в свое время был членом редколлегии эмигрантского журнала Тигрида «Сведецтви», помог наладить связь между социал-демократическим движением в Чехословакии и Б. Вилимом, бывшим генеральным секретарем чехословацкой социал-демократии в 1945—1948 годах, находящимся ныне в эмиграции.

Как известно из материалов совещания «группы действия», состоявшегося 4 апреля 1968 года, новая социал-демократическая партия должна была ориентироваться на привлечение новых людей, главным образом из числа исключенных из КПЧ, а также из молодежи, особенно студентов, которые не согласны с политикой Компартии. Инициаторы создания социал-демократической партии незамедлительно начали переговоры с руководящими представителями «Клуба беспартийных активистов» («КАН»), у которых нашли полную поддержку.

И. Свитак в статье «Запрещенные горизонты», опубликованной в 25-м номере еженедельника «Студент» от 19 июня 1968 года, писал: «...Какими бы ни были исторические поворотные пути и как бы мы ни оценивали кризисные отношения между коммунистами и социал-демократами в прошлом, действительностью остается то, что рабочий класс и все общество стоят на перекрестке истории, по которому хотели и хотят идти социал-демократы прежде всего как независимые партнеры коммунистов... Если коммунисты всерьез относятся к своим собственным обещаниям, значит, из перспективы демократического социализма не могут быть исключены именно социал-демократы, которые своей деятельностью могут гарантировать программу демократического социализма среди самых широких слоев населения, у которых чистые руки и чистый облик...»

«Подготовительный комитет», председателем которого стал З. Бехине, сын видного социал-демократического политика и бывшего министра домюнхенской Чехословакии Рудольфа Бехине, потребовал 18 мая 1968 года легализовать в ЧССР социал-демократическую партию. Документ, направленный Центральному комитету Национального фронта, с необычайным восторгом был опубликован в еженедельнике «Студент» (№ 24 от 12 июня 1968 г.); «Свободне слово» также опубликовало материалы в поддержку социал-демократии.

Чтобы переговоры о легализации в Чехословакии социал-демократии ускорились, ее организаторы решили посетить председателя Национального фронта Ф. Кригеля. На состоявшейся у него 20 мая 1968 года встрече представители так называемого «подготовительного комитета» по возобновлению деятельности социал-демократии в Чехословакии Й. Мунцар и П. Яныр, кроме всего прочего, заявили, что-де между политическими целями

«здоровой части» руководства КПЧ и ними, в сущности, нет разницы; более того, они даже сходятся. Это утверждение было затем включено и «в организационно-политические директивы» руководства чехословацкой социал-демократии, которая в особом листке от 25 мая 1968 года призвала свои областные, районные и местные комитеты подчеркнуть во время переговоров с так называемыми «прогрессивными» представителями КПЧ, что «Программа действий» КПЧ полностью устраивает приверженцев чехословацкой социал-демократии, поскольку она является современной интерпретацией идей социал-демократического руководства со времен Первой республики.

Свои подлинные цели эти группы «чистых рук» выразили 20 августа 1968 года на пресс-конференции, на которой представители социал-демократии заявили, что-де в «Чехословакии возник удобный момент для освобождения коммунистов от власти» и что наконец-то пришло время нанести коммунистам «последний удар».

Еще более откровенно цели социал-демократов были изложены в интервью корреспондента шведской газеты «Афтонбладет» 24 августа с П. Яныром в его «главном штабе» в Праге. А в так называемом «меморандуме чехословацкому народу», подготовленном организационным комитетом партии «чехословацких справедливых социалистов», прямо заявлялось: «Закон, который мы подготовляем, должен запретить любую коммунистическую деятельность в Чехословакии. Запретим деятельность КПЧ и распустим ее... Сожжем книги коммунистических идеологов — Маркса, Энгельса, Ленина» («Млада фронта» от 14 июня 1968 г.).

Попытки возрождения социал-демократии были составной частью плана правых, направленного на реставрацию домюнхенской политической системы.

Директор Института по изучению коммунизма при Колумбийском университете (США) З. Бжезинский в своей лекции 14 июня 1968 года в Пражском институте по международной политике и экономике сказал: «По нашему мнению, двадцать лет спустя после войны на поверхность вновь выходят политические структуры, которые здесь уже раз были...» Примерно то же говорил и А. Лим: «Наш послеянварский процесс является постепенным возрождением старых демократических ценностей, примененных в новых условиях бесклассового общества...»

Эти и многие другие факты (активность «КАН», «К-231» и др.) доказывают, что в 1968 году в Чехословакии создалась широкая антикоммунистическая коалиция и возникала новая струк-

тура политической системы; фактически здесь создавалась та же обстановка, которая была в стране до февраля 1948 года, и даже проявлялись характерные элементы домюнхенской буржуазной республики. *«В то время как Коммунистическая партия Чехословакии разлагалась правыми оппортунистами, ее деятельность и боеспособность были парализованы, мелкобуржуазная контрреволюция создавала все бо́льшие резервы, которые по мере необходимости вводила в политическую борьбу»* [1].

Правая часть руководства КПЧ выдавала антисоциалистическое движение за положительную политическую активность граждан ЧССР. Всех тех, кто выступал против опасных явлений в стране, правые называли обычно «сектантскими» и «консервативными» противниками «социалистического возрождения».

Как свидетельствуют документы, оппортунистские деятели открыли тогда широкую дорогу для всех реакционных и контрреволюционных элементов, которые пробрались в руководство и не скрывали своих намерений убрать с руководящих должностей А. Дубчека, О. Черника и других, как только перестанут в них нуждаться.

Создание явно контрреволюционных организаций

В сборнике «К событиям в Чехословакии» правильно отмечается и подчеркивается: **«Линия реакции состояла в том, чтобы организационно обеспечить захват власти.** Поэтому такая важная роль отводилась оппозиции, которая стремилась публично и открыто подорвать единство взглядов народа на судьбы Чехословакии... Эти силы собирались под самыми разными названиями, выступали под вывесками различных клубов, кружков, объединений и даже партий:

«Клуб-231», «Клуб беспартийных активистов», «Кружок независимых писателей», «Клуб критически мыслящих личностей», «Организация в защиту прав человека», «Подготовительный ЦК социал-демократической партии» и т. д.» [2].

Членом правления «Клуба-231» был, например, бывший генерал буржуазной республики В. Палечек, председателем так называемой «документальной комиссии» — О. Рамбоусек, а генераль-

[1] «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 39.

[2] «К событиям в Чехословакии», М., 1968, стр. 69.

ным секретарем клуба в Праге — Я. Бродский. Представители этих и других подобных им клубов находятся сегодня большей частью в эмиграции.

В. Палечек имел тесную связь с английским посольством в Праге. Я. Бродский известен своими фашистскими взглядами, которые он и сегодня, будучи в эмиграции, распространяет с помощью радиостанций империалистических центров. На одном из собраний своего клуба Бродский заявил: «Самый лучший коммунист — это мертвый коммунист. А если он жив, надо вырвать ему ноги». О. Рамбоусек, как писалось в газете «Руде право» от 28 мая 1968 года, был в 1949 году осужден к пожизненному заключению за вражескую антигосударственную деятельность.

Красноречивым доказательством целей различного рода «плюралистических» группировок было создание так называемой *«Словацкой организации по охране человеческих прав»* в 1968 году. Основоположником и одним из главных представителей ее был сегодняшний эмигрант Э. Видра, который категорически отвергал за Коммунистической партией «моральное право вести народ».

На собрании «расширенного комитета», проходившем в Братиславе, в доме бывшего фабриканта, во время войны члена главного командования фашистской организации «Глинкова гвардия», а позднее агента французской разведки и ЦРУ, Э. Видра заявил: «В будущем мы создадим из нашей организации оппозиционную партию против коммунистов...» На заседании президиума братиславского филиала «Клуба-231» в конце июня 1968 года он провозглашал такую программу: «Наши ряды должны стать более многочисленными, чем ряды Коммунистической партии Словакии, чтобы мы, когда это понадобится, смогли разбить Коммунистическую партию. Ликвидируем социализм!»

Э. Видра ставил перед своими фашистскими и другими «предприимчивыми» приверженцами конкретные цели: «Если правительство не согласится с нашими требованиями, мы будем компрометировать его с помощью печати... Самой большой преградой являются коммунисты, и их надо компрометировать... Народу надо дать в руки оружие» [1].

О действительных целях людей «с чистыми руками» свидетельствуют и такие документы, передававшиеся по чехословацкому радио и публиковавшиеся в газете «Руде право», как записи бесед и интервью с В. Черным, в одном из которых он прямо заявил:

---

[1] См.: «Pravda», 26.X.1970.

«Дело в том, должен ли будет Дубчек открыть шлюзы так высоко и держать их достаточно долго открытыми, чтобы потом возникло то давление уже широкое, массовое... неудержимое, чтобы для него это был вызов, который будет... заставлять идти на новые уступки... таким образом, он сам, так же как и его победа в партии, будет лишь преодолеваемым и уже почти преодоленным коротким этапом. А потом наверняка придет время и для кое-чего другого...» [1]

Как уже говорилось, внутренняя контрреволюция Чехословакии широкую поддержку получала и из-за рубежа. О главных источниках такой поддержки можно судить по деятельности многочисленных каналов, «идейных» направлений и групп, которые проникали в Чехословакию извне. Это ревизионистские течения, действующие в некоторых коммунистических партиях, сионистское движение, троцкистские группы, группы радикалов, социал-демократическое правое движение, католическая церковь с центром в Ватикане и т. д.

Значительные антисоциалистические силы в ЧССР сформировались, например, в нелегальной религиозной организации — в «Движении соборного обновления», — которая была основана в марте 1968 года. Возглавили эту организацию главным образом священники и послушники, известные своим реакционным отношением к социалистическому строю.

Журнал «Тыденик актуалит» поместил в № 33 и 34 за 1970 год статью В. Гущина, в которой приводились яркие факты о деятельности израильской шпионской службы в Чехословакии в 1968 — 1969 годах. Израильский центр установил связь с такими «активистами» послеянварского периода, как Ф. Кригель, Э. Гольдштюккер, О. Шик, Л. Мнячко, А. Лустиг и др. Руководство «Клуба беспартийных активистов» находилось под влиянием израильского агентства. Представитель «Клуба-231» Бродский в начале 1969 года вместе с Гольдштюккером и Шиком также принимал участие в тайных собраниях в Лондоне, организованных представителями израильской разведки. Там встречались представители самых крупных сионистских центров и приверженцы так называемого «объединенного международного центра» чешских и словацких эмигрантов.

Так складывался блок праворевизионистских и открыто контрреволюционных сил, ставивший целью захват власти и получивший поддержку зарубежных диверсионных центров.

---

[1] «Rudé právo», 15.VIII.1970.

Отрицание пролетарского интернационализма и антисоветизм — оружие антикоммунистических центров и ревизионизма

В ходе событий 1968 — начала 1969 года в Чехословакии антисоциалистические силы стремились подорвать классовый подход к оценке не только внутреннего положения в стране, но и к международным делам. Правые всячески воспевали Запад, полностью игнорировали реакционную сущность империализма, закрывали глаза даже на такие факты, как империалистическая агрессия в Индокитае и на Ближнем Востоке.

Наряду со стремлением ослабить единство социалистических стран путем раздувания национальных особенностей в строительстве социализма правые силы умышленно игнорировали решающее значение общих закономерностей социалистического развития, подрывали фундамент пролетарского интернационализма и постепенно заражали сознание людей бациллами национализма и антисоветизма.

«Нейтрализм» по-антисоветски

Свои атаки на Советский Союз антисоциалистические силы начали не с прямых нападок на него, а с возни в печати вокруг якобы неясного «дела» о самоубийстве Яна Масарика[1]. В ряде публикаций содержались не только намеки, но и прямые клеветнические выпады против Советского государства, попытки приписать это «дело» пресловутой «руке Москвы». Это означало обращение к наиболее грубым приемам империалистической пропаганды.

Весьма показательными в развязывании антисоветизма были и методы, к которым прибегал Ян Прохазка[2]. Известно интервью,

---

[1] Ян Масарик — сын бывшего президента Чехословакии Т. Г. Масарика. В годы второй мировой войны находился в эмиграции. С 1945 по март 1948 года — министр иностранных дел Чехословацкой Республики. В марте 1948 года в состоянии депрессии покончил жизнь самоубийством.— *Прим. ред.*

[2] Я. Прохазка — чехословацкий писатель — был исключен из КПЧ осенью 1967 года за антипартийное выступление на IV съезде Союза чехословацких писателей.— *Прим. авт.*

данное им корреспонденту агентства Франс Пресс («Литерарни листы», 1968, № 12), в котором он пытался очернить достижения социализма в СССР. Фальсифицируя факты, он представил положение таким образом, будто бы в советском обществе имеет место «охота на ведьм».

Изобразив принципиальную борьбу КПСС за чистоту марксистско-ленинской идеологии как «охоту на ведьм», Прохазка с легкостью необыкновенной превращает социализм, построенный в СССР, в «модель социализма типа Николая II». Это интервью правые всячески рекламировали и по радио в обзоре печати.

Подобные трюки оказались нужными этому «открытому марксисту», как называл себя Прохазка, для раздувания откровенного национализма и антисоветизма, для пропаганды отрыва ЧССР и других социалистических стран Восточной Европы от Советского Союза, пропаганды интеграции ЧССР с Западом. Прохазка вещал: «Наш принцип заключается в том, что всякая суверенная социалистическая страна вправе выбирать свой собственный путь. Сегодня мы считаемся суверенными и свои дела вновь хотим решать сами...» Клеветнически утверждая, будто Чехословакия 20 лет не имела никакой дипломатии, он демагогически восклицал: «В настоящее время было бы абсурдом для такой страны, как наша, оставаться в политике филиалом». И еще один образчик его писаний: «В 1948 году мы отстали от поезда. Чехословакия отстала от поезда прогресса. Под воздействием деградированных мифов, науки и идеологии мы утратили способность к предприимчивости, которая была связана с именами Бати, Шкоды, Витковиц...» («Литерарни листы», № 12 за 1968 г.).

Как можно видеть, оклеветав реальный социализм, Прохазка предлагает догнать «поезд прогресса», вернув к власти свергнутых трудовым народом эксплуататоров!

Известны также провокационные высказывания Прохазки о выселении судетских немцев в 1945 году из Чехословакии, сделанные им именно тогда, когда особенно активно развертывались *реваншистские акции западногерманских милитаристских кругов.* Вспомним, что в начале 1968 года в Прагу был направлен президент Федерального банка Карл Блессинг с целью прозондировать возможности новой экономической системы в рамках «чехословацкой модели социализма» для удовлетворения интересов бывших фашистских акционерных обществ в отношении тех предприятий, которые перешли в собственность Чехословакии. Довольно большой интерес проявляли западногерманские монополии и к чехословацкой урановой руде. Карл Блессинг был

доверенным лицом Гиммлера и до 1945 года принадлежал к «кругу друзей рейхсфюрера СС» — замкнутому союзу ведущих представителей наиболее важных военных концернов и крупных нацистских банков. В качестве гитлеровского директора Имперского банка и уполномоченного по делам военной промышленности Блессинг принимал непосредственное участие в ограблении чехословацких рудников и промышленных предприятий военными концернами и крупными банками гитлеровской Германии. Он несет прямую ответственность за бесчеловечную эксплуатацию чехословацких граждан на принудительных работах в рейхе.

Сущность тактики «новой восточной политики» милитаристских кругов ФРГ совершенно откровенно выразил Франц Й. Штраус: «...с помощью культурных и экономических связей, посредством обмена молодежью и учеными, спортивных мероприятий и многих других подходящих средств мы должны сильнее привязать народы Восточной и Юго-Восточной Европы к Западной Европе.

Политическое, экономическое или дипломатическое приближение к Востоку может принести выгоду лишь тогда, когда оно будет опираться на спаянную западноевропейскую базу... Наших восточных соседей следует как можно ближе подвести к Европе... Наши усилия должны быть направлены на то, чтобы поддержать там развитие, которое следует сначала распознать, а затем довести его до точки, когда уже нет возврата к старым методам» [1].

Изучая различные аспекты антисоциалистических концепций в Чехословакии 1968—1969 годов, инспирированных диверсионными центрами, можно хорошо видеть стержень современного антикоммунизма. Вся деятельность диверсионных центров направлена на ослабление прежде всего Советского Союза как авангарда социального прогресса в современную эпоху. Стремясь к ликвидации социализма в отдельных странах и всей мировой социалистической системы, диверсионные центры ставят своей целью парализовать Советский Союз — этот верный и надежный оплот всех революционных сил современности. Величайший вред причиняет антисоветизм и интересам народов ЧССР, поскольку он направлен на отрыв Чехословакии от щита свободы, от гаранта нашей уверенности в завтрашнем дне, нашей безопасности и нашего социалистического развития. Заметим, что в планах анти-

[1] F. J. Strauss, Entwurf für Europa, Stuttgart, 1968, S. 44.

коммунизма Чехословакии 1968 года отводилась, по существу, та же роль, что и в 1938 году.

— так же как и в 1938 году, Чехословакия 1968 года должна была стать — по планам «новой восточной политики» — трамплином для проникновения на Восток;

— как и в 1938 году, международные монополии разжигали в Чехословакии 1968 года антисоветские настроения;

— в 1968 году, как и в 1938, реакция всячески пыталась изолировать Чехословакию от Советского Союза;

— как в 1938, так и в 1968 году диверсионные центры прибегали к пособничеству внутренней реакции в самой Чехословакии.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что общая обстановка в мире в 1968 году была совсем иной, чем в 1938, поскольку соотношение сил на мировой арене коренным образом изменилось в пользу социализма.

Когда в 1968 году правые, захватившие средства массовой информации и пропаганды, убедились, что их антисоветские выпады не только не встречают противодействия со стороны тогдашнего руководства КПЧ, но и прямо поддерживаются «вторым центром», они незамедлительно усилили свое наступление.

В средствах массовой информации и пропаганды в ходе событий 1968—1969 годов мы находим полный набор антисоветских выпадов, закамуфлированных борьбой за «нейтралитет», за «собственный путь», за «чехословацкую модель» и против «втягивания в великодержавную борьбу». 28 марта 1968 года, выступая по западногерманскому радио, тогдашний директор Института международной политики и экономики при министерстве иностранных дел ЧССР А. Шнейдарек заявил, что Чехословакии нельзя «вот так — вдруг» стать нейтральным государством; скорее, можно ожидать создания «нейтрального пояса».

Мысль эта полностью совпадает с провокационным проектом «Entwurf für Europa» Франца Й. Штрауса, смысл которого заключается в создании между Советским Союзом и Западной Европой пояса, который не находился бы «ни под советским, ни под западноевропейским влиянием». Из этого проекта как раз и исходил И. Свитак, выступая на философском факультете Карлова университета 20 марта 1968 года: «Если ставится вопрос: «Откуда, куда и с кем», то коротко на него можно ответить так: «От Азии к Европе — самостоятельно!» А это значит, — кощунственно клеветал далее Свитак, — от тотальной диктатуры к открытому обществу, к ликвидации монополии власти».

«Нейтралистские» лозунги сопровождались полным игнорированием основополагающего классового подхода к оценке отношений между мировым капитализмом и мировым социализмом. В статье «О договоре и просторе» («Репортер», 1968, № 42) И. Гохман так оценивал причины «холодной войны»: «Холодная война—в строгом смысле этого слова — уже не должна пониматься как продукт и выражение классовой борьбы в международном масштабе».

Редактор газеты «Литерарни листы» М. Юнгманн в статье «Наша звезда существует» (в № 78 за 1968 г.) недвусмысленно выступил за «преодоление дилеммы современного состязания великих держав». Подобные взгляды служили определенной платформой для раздувания антисоциалистических настроений, для отрицания дружбы и союзничества с социалистическими странами, особенно с СССР. Это не что иное, как выражение националистического чванства.

Выдвигавшееся на первый план требование «нейтралитета» Чехословакии внешне было обращено как бы в равной степени против США и СССР. Еженедельник «Литерарни листы» (1968, № 25) опубликовал тогда памфлет Збынека Гавличка «Кабинет д-ра Каллигари», который оканчивался следующими словами: «Ни с Россией против Америки, ни с Америкой против России...» Но с Соединенными Штатами у ЧССР, как известно, нет никакого договора, так что направленность этого требования была более чем ясной.

Концепции правых и антисоциалистических сил, направленные на *подрыв стабильности чехословацкого социалистического государства, его суверенитета и безопасности,* на открытие западных границ, не были ни пустой мечтой, ни праздным суесловием антисоциалистических сил; они находили свое проявление в опасных тенденциях министерства иностранных дел ЧССР, руководимого тогда И. Гаеком, в усиленном стремлении изменить внешнеполитическую ориентацию и в практике межгосударственных отношений, прежде всего культурных и научных.

«Нейтралистской» была и концепция «стратегов» из Военно-политической академии, содержавшаяся в упоминавшемся выше ее «Меморандуме», который призывал к выходу Чехословакии из *оборонительного союза с остальными социалистическими* странами. В «Меморандуме», в частности, говорится о том, что «...наряду с коалиционной системой гарантии безопасности социалистических государств теоретически существуют и другие системы обеспечения безопасности: гарантия безопасности государства в

рамках нейтрализации территории или же нейтральной политики, разработка возможностей самообороны государства собственными средствами».

Ливанская газета «Ад-Дунья аль-Джадида» (11.IX.1968 г.) под заголовком «В НАТО подготовлены планы выхода Чехословакии из Варшавского Договора» писала: «Совет НАТО полагает целесообразным продолжать «наведение мостов» со странами Восточной Европы. Было высказано мнение, что если события будут развиваться в пользу оппозиции, на что НАТО возлагает большие надежды, то Чехословакия уже в будущем году сможет провозгласить нейтралитет...»

«Меморандум» явно преуменьшал значение военной опасности со стороны западных держав, прежде всего со стороны стран, объединенных в рамках Атлантического пакта, равно как и со стороны западногерманских милитаристских кругов, представляя эту опасность чуть ли не мифом, который-де выдуман социалистическими странами и который «призван укреплять сплоченность социалистического сообщества».

Этот «Меморандум» был поддержан и тогдашним министром иностранных дел ЧССР И. Гаеком. По его поручению один из работников секретариата министра писал: «Министр д-р Гаек с «Меморандумом» ознакомился и поручил мне учитывать его постулат при подготовке перспективной концепции чехословацкой внешней политики, которая постепенно разрабатывается. Соображения о более тесной связи между военной и внешней политикой нашего государства, приводимые в «Меморандуме», отвечают нашим представлениям и основным принципам, основываясь на которых следует подходить к разработке соображений относительно более узкой европейской политики...»

Известны также конкретные планы и усилия правых, направленные на возрождение так называемой Малой Антанты, которые охотно поддерживались империалистическими кругами Запада и имели явно антисоветский характер. Речь шла о восстановлении в новом варианте бывшего военно-политического блока буржуазной Чехословакии с Румынией и Югославией под эгидой Франции, созданного в 1919—1921 годах и предназначавшегося служить «санитарным кордоном», отделявшим Западную Европу от СССР.

В этой связи вспоминается статья И. Ганака «Малая Антанта — здоровая мысль», опубликованная им в журнале «Репортер» № 30 за 1968 год, в которой он публично высказал идею создания новой Малой Антанты. Вот что писал он тогда в порыве

злорадства и откровенности: «Я полагаю, что в одном сомневаться не приходится: идея Малой Антанты была большой и полезной идеей, которой в чехословацкой внешней политике принадлежит одно из наиболее почетных мест. По меньшей мере это было выражением самостоятельной, активной внешней политики, которая нашла в себе смелость так ответить своему самому крупному союзнику, как это было нужно». В действительности же это сообщество — Малая Антанта — фактически было недееспособным, а с политической, экономической и военной точек зрения настолько противоречивым, что оно распалось гораздо раньше, чем наступило первое для него испытание 1938 года.

В Отчетном докладе ЦК КПЧ XIV съезду партии обстановка в Чехословакии 1968 — начала 1969 года характеризуется следующим образом: «Общим знаменателем устремлений ревизионистских и антисоциалистических сил был в нашей стране национализм и антисоветизм. Это отвечало стратегическим и тактическим планам западных антикоммунистических центров, которые считают национализм и антисоветизм самым действенным оружием в подрыве союза социалистических стран с Советским Союзом. Средства массовой информации стали инструментом систематической дезинформации и обработки общественного мнения. Это вело к созданию антипартийного и антисоциалистического массового психоза... Нарушение братских уз, связывающих ЧССР с Советским Союзом и другими социалистическими союзниками, должно было лишить наше государство главной защиты, и страна была бы отдана на произвол внутренним контрреволюционным силам и их империалистическим покровителям» [1].

«Если тебя хвалит враг...»

Шумиха вокруг «возрождения социализма» в Чехословакии после января 1968 года получила в западных капиталистических странах небывалый отклик. В средствах массовой информации и пропаганды некоторых капиталистических стран настолько открыто стали высказываться затаенные ранее надежды и чаяния, что это вызвало даже некоторую обеспокоенность в империалистических центрах.

Приведем для иллюстрации некоторые высказывания буржуазной прессы, восторженно приветствовавшей тогдашних чехословацких «возродителей».

---

[1] «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии», стр. 28.

«В груди ответственных чехов вновь бьется среднеевропейское сердце. Их языки развязаны... А что сулит пражская весна нам, нашей внешней политике? В свете эволюции, о которой мы не можем сказать, не заденет ли она и другие страны, нам следовало бы инициативно и без лишних фанфар продолжать настоящую германскую внешнюю политику... Политическая карта уже изменилась» («Die Welt», 26. III. 1968).

«В последние недели в Праге не скрывают усилий, направленных на пересмотр союзов, которые Чехословакия заключила в рамках СЭВ и на основе двусторонних соглашений о промышленной кооперации с ГДР, чтобы можно было успешнее осуществлять новую экономическую систему» («Frankfurter Rundschau», 25. III. 1968).

«Средняя Европа — страна принудительного отчуждения,— вновь возвращается на свой естественно предопределенный жизненный путь. Нам, на Западе, лишь выгодно, что этот процесс происходит в рамках Варшавского пакта и под прикрытием СЭВ» («Frankfurter Allgemeine Zeitung», 23. III. 1968).

«Если укрепятся пражские реформаторы... через несколько лет изменится политическая карта Европы» («Stuttgarter Zeitung», 25. VII. 1968).

Ликования буржуазных публицистов и те характеристики развития событий в Чехословакии, которые давались государственными деятелями капиталистических стран, должны глубоко насторожить всякого, у кого имеется хоть капля коммунистического сознания.

«Американцы и другие люди Запада, естественно, приветствуют новейшие либеральные и демократические тенденции в Праге»,— писала «Нью-Йорк таймс», а вскоре она и уточнила, какие же именно «либеральные» и «демократические» тенденции так понравились Западу: «Можно считать свершившимся фактом, что в Чехословакии идет не только «гуманизация», но и «декоммунизация» марксизма. Руководящие представители утверждают, что чехословацкий социализм сохранит свою чистоту. Однако в том огромном идеологическом хаосе, царящем тут, почти невозможно найти определенной формулировки смысла этого нового чехословацкого коммунизма» («New York Times», 19. V. 1968).

«Вашингтон пост» следующим образом прокомментировала позицию редактора журнала «Репотер» Иржи Гохмана: «Если Гохмана приводит в восторг добросовестность американских газет, то пражский корреспондент газеты «Вашингтон пост» прямо-таки вне себя от радости за «свободу печати» в Чехословакии, где «произошло чудо»: работники радио, редакторы иностранных отделов и писатели совершили собственный бескровный переворот, вывернув наизнанку чехословацкую печать и другие средства информации и сделав из них защитников и сторонников революции» («Washington Post», 28. VII. 1968).

Представитель землячества судетских немцев, депутат бундестага от ХСС Бехер 14 июля 1968 года заявил на съезде своей партии:

«Час правды, который бьет в Чехословакии в различных областях общественной и государственной жизни, создает существенные предпосылки для интеграции Европы».

Особенно активную деятельность развернули радиостанции «Свободная Европа», Би-Би-Си, «Немецкая волна», РИАС: эфир

буквально отравлялся ложью, клеветой, искажением фактов и спекулятивными трактовками тех недостатков и ошибок, которые были допущены в социалистическом развитии Чехословакии. При этом комментаторы «Свободной Европы» говорили «с позиций коммунистической партии», с позиций «патриотов», «озабоченных» развитием событий в Чехословакии и рекомендовавших «углубление» «демократического социализма» и «обновление» партии.

Антикоммунистическая пропаганда на чешском и словацком языках велась в 1968—1969 годах 35—38 часов в сутки! По неполным данным, Би-Би-Си вела передачи 165 минут в сутки, «Свободная Европа» — более 20 часов, «Немецкая волна» — 120 мин., «Дойчланд-функ» — 30 мин., «Голос Америки» — 120 мин., Австрия — 15 мин., Канада — 90 мин., Франция — 30 мин., Рим — 50 мин., Ватикан — 60 мин. и т. д. Некоторые передачи велись одновременно на нескольких волнах.

Сегодня известна роль, которую в 1968 году сыграла радиостанция РИАС, расположенная в Западном Берлине. Будучи рупором американской политики, эта радиостанция получает вчетверо большие субсидии, чем самая богатая радиостанция ФРГ «Вестдойче рундфунк», и поддерживает обширные связи с различными антикоммунистическими агентствами и шпионскими центрами, базирующимися в том же Западном Берлине. РИАС установила связи и с чехословацкими средствами массовой информации и пропаганды.

Диверсионная деятельность, по мнению ее организаторов и вдохновителей, должна быть менее крикливой. Начальники империалистических разведок были несколько обеспокоены присутствием «слонов в фарфоровой лавке». Запланированные империалистическими центрами контрреволюционные операции были ориентированы на использование внутренней оппозиции, направленной против устоев социализма. В связи с тогдашней тактикой ФРГ уместно напомнить слова Ф. Штрауса: «Политика смягчения напряженности в Европе может привести к успеху лишь постепенно. Вряд ли можно ожидать «быстрого решения», скорее, следует ориентироваться на рамки исторического процесса»[1].

Эти планы тесно связаны с *идеологической диверсией,* применяемой, разумеется, в сочетании с другими средствами подрывной деятельности против социализма.

---

[1] F. J. Strauss, Entwurf für Europa, Stuttgart, 1968, S. 44.

В статье «Победа в нижней части спектра», опубликованной в специальном журнале американских сухопутных войск «Милитари ревью» в июле 1968 года, Чарлз У. Кобургер, в частности, писал:

«Мир и война сегодня представляют собой лишь различные комбинации инструментов власти, которыми пользуются для подкрепления национальных интересов. Поскольку основные национальные интересы сравнительно долгое время остаются неизменными, то и переход от мира к войне является лишь перестановкой акцентов в средствах. *Мир не только бел, а война не только черна.* Мы живем в сферах, которые лежат между этими основными цветами. Средства дипломатии также включают в себя сегодня и все средства власти. Здесь: идеология, которая выступает обычно в форме пропаганды; оружие, применяемое прямо или с помощью посредников; богатство в форме денег, идей, оружия, различных служб; гибкость в политической, экономической, социальной и военной областях». Далее автор писал: «Средства обычно используются в комплексе и редко — самостоятельно».

В январе 1968 года в языковой школе бундесвера в Эйскирхене под Бонном были открыты курсы усовершенствования для изучающих чешский язык. Кроме штабных офицеров, переподготовку проходил здесь и круг избранных лиц, среди которых были уроженцы Чехии или те, чьи родственники проживают там в настоящее время. В августе 1968 года в ЧССР были отправлены высокопоставленные штабные офицеры. Например, заместитель командира 12-й танковой дивизии полковник Фехер приехал в ЧССР в качестве журналиста, скрывшись под псевдонимом Антона Шпека. В Чехословакию прибыли тогда десятки подобных западногерманских «корреспондентов» и сотни «туристов».

В июле западногерманские реваншистские круги уже не скрывали, что ждут переворота в Чехословакии. Развитие событий в ЧССР они рассматривали как обнадеживающее, но полагали, что «это лишь начало того пути, который должен привести к повороту в ориентации, к уходу из-под влияния Москвы» («Frankfurter Allegemeine Zeitung», 1.VII.1968). В том же духе писала и лондонская «Times» (12.VII.1968): «Если чехи и словаки хотят строить свободное общество, то им придется разойтись с Москвой. Можно лишь надеяться, что с избранного пути чехи и словаки не сойдут...»

Подобные высказывания не были официальными, поскольку идеологические диверсанты империализма остерегаются делать какие-либо опрометчивые шаги; особенно старались они приглушить голоса восхвалений Дубчеку, Смрковскому, Цисаржу и прочим, чтобы не дискредитировать раньше времени этих «возродителей».

В 1968 году мы не раз были свидетелями того, как самые различные реакционные круги выражали свое удовлетворение ревизионистско-антисоциалистическим разбродом в Чехословакии. Причем подобные высказывания широко рекламировались. Словацкий епископ Павел Глиница — эмигрант, проживающий в Риме,— писал в еженедельнике «Культурни живот» (31.V.1968 г.):

«Если некоторые пионеры возродительного движения доброй воли опасаются найти в моем лице пусть потенциального, но врага их усилий, то я могу их уверить, что хотя я публично еще и не высказался за демократизационные усилия Александра Дубчека, однако в частном порядке — в письмах, равно как и в поздравительных телеграммах, соответствующим деятелям — я уже высказал свою радость по поводу этих демократизационных усилий... что теперь публично и повторяю... Не должно вводить их в заблуждение и мое выступление на II Ватиканском соборе, когда я поднял свой голос за церковь в ЧССР. Я откликнулся, но, вероятно, не сказал о тех несправедливостях, которые допускались в то время по отношению к церкви, и десятой части того, что можно прочитать сегодня на столбцах чехословацких возрождаемых газет и журналов».

Методы, с помощью которых стали работать не слишком искушенные в диверсионной грамоте журналисты, вызывали удивление и опасения опытных буржуазных пропагандистов. Описывая 14 мая 1968 года, как «редакция чехословацкой коммунистической газеты «Руде право» перетряхивает на глазах общественности свое грязное белье», газета «Вашингтон пост» констатировала, что «эта афера — самый наглядный пример свободы чехословацкого радио и печати, раз уж самые деликатные вещи вскрываются вдруг и без оглядки».

Комментарии, как говорится, излишни.

Чего не было в чехословацких газетах

Нарастание антисоциалистических тенденций, подрыв правыми марксистско-ленинского характера КПЧ, стремление антикоммунистов оторвать Чехословакию от социалистической системы и открыть западные границы стран Варшавского Договора — все это не могло не вызвать озабоченности братских социалистических стран и коммунистических партий.

Опасаясь за судьбы социализма в Чехословакии, представители братских социалистических стран, равно как и печать СССР, ГДР и других социалистических государств, указывали на подлинные цели антисоциалистических сил, напоминали о событиях в Венгрии в 1956 году, о вреде недооценки классовой борьбы в период строительства социализма, не раз серьезно предупреждали о возможных трагических последствиях для чехословацкого народа политики непротивления злу контрреволюции. Глубокая заинтересованность руководящих деятелей социалистических стран, их коммунистических и рабочих партий, а также представителей коммунистических партий капиталистических стран в преодолении драматической ситуации в Чехословакии подтверждается их многочисленными встречами в то время с чехословацкими государственными и партийными деятелями. Об этих встречах в чехословацкой печати публиковались лишь скупые коммюнике, а Дубчек, как это выяснилось позже, искажал перед партийными органами содержание переговоров с представителями братских партий или прямо утаивал это содержание.

После любого критического замечания, раздававшегося со страниц печати братских коммунистических и рабочих партий, правые через средства массовой информации и пропаганды начинали все новые шовинистические кампании. Так было, например, после выступления члена Политбюро и секретаря ЦК СЕПГ профессора Курта Хагера на конгрессе философов-марксистов в Берлине, в котором выражалось беспокойство в связи с наглым поведением правых сил в ЧССР. «В своей кампании против нашей социалистической конституции, — говорил, в частности, тогда К. Хагер, — западногерманские пропагандистские органы ссылаются на события в ЧССР... Они во всех подробностях сообщают о нападках журналистов и писателей на ведущую роль партии, на Центральный Комитет и его аппарат, на видных руководителей правительства. Они открыто выражают свое сочувствие этим высказываниям, этим событиям в ЧССР» [1]. Это выступление расценивалось правыми как «грубое вмешательство» во внутренние дела Чехословакии.

После Будапештского консультативного совещания представителей коммунистических и рабочих партий в средствах массовой информации и пропаганды в Чехословакии была развернута безудержная критика речи главы делегации СЕПГ на этом совещании Эриха Хонеккера, выражавшая недовольство его катего-

[1] «Neues Deutschland», 27.III.1968.

рическим осуждением национализма как проявления буржуазной идеологии в рабочем движении, тогда как чехословацкие ревизионисты пытались соединить коммунистическое движение с национализмом, считая последний проявлением не буржуазной идеологии, а «объективного реализма».

Такая же тревога за судьбы ЧССР была высказана и итальянскими товарищами. Джузеппе Боффе, например, писал тогда в органе ИКП «Унита»: «Эволюция, которую избрала Чехословакия, нелегка. В ходе развернувшейся там политической борьбы уже отмечались острые моменты. Не исключено, что такие моменты будут и в дальнейшем. Империализм следит за процессом, происходящим в этой стране, с единственной надеждой, что ему удастся вмешаться в него для того, чтобы нанести удар социализму» [1].

В марте 1968 года на встрече в Дрездене представители коммунистических и рабочих партий социалистических стран высказывали серьезную озабоченность развитием событий в Чехословакии. «На Дрезденской встрече чехословацкие товарищи не отрицали, что в стране развиваются некоторые отрицательные процессы, что радио, телевидение, пресса вышли из-под контроля партии и оказываются фактически в руках антисоциалистических элементов, что правые силы консолидируются. Вместе с тем чехословацкие представители заявили, что партия в целом контролирует положение и что оснований для серьезной тревоги нет.

Советские представители и все делегации других братских партий с полной откровенностью отметили, что, по их мнению, картина выглядит в другом свете. Они указали на реальную опасность, которую таила в себе сложившаяся ситуация. Из всей суммы фактов ими был сделан вывод, что налицо такое развитие событий, которое может привести к контрреволюционному перевороту» [2].

В Дрездене были проявлены коллективная озабоченность и опасения за руководящую роль КПЧ и за судьбы социализма в Чехословакии. Хотя тогдашнее руководство КПЧ и обещало твердо взять «дело в свои руки», последующее развитие событий, однако, все более подтверждало как обоснованность опасений за судьбы социализма в Чехословакии, высказанных представителя-

[1] «Unita», 27.III.1968.
[2] «Правда», 22.VIII. 1968.

ми братских партий, так и правильность советов последних. Участники встречи в Дрездене прямо говорили, что в Чехословакии наступают силы, которые, прикрываясь красивыми лозунгами, стремятся совершить контрреволюционный переворот, что контрреволюция давно готовится к борьбе за власть.

Советские товарищи, предупреждая руководителей КПЧ о всей серьезности нависшей над ЧССР угрозы, настоятельно советовали учесть, что «враги социализма громче всех кричат о свободе, но о свободе для себя, для контрреволюционной деятельности, направленной на то, чтобы безнаказанно разлагать республику.

Они предупредили нас,— отмечает далее тов. Васил Биляк, — что контрреволюция не всегда начинается с убийств, а часто — с демагогии, псевдосоциалистических лозунгов, призывающих к свободе, разлагающих партию, государственный и хозяйственный аппарат, с ослабления и разложения орудий власти— армии, органов госбезопасности, суда и прокуратуры, с создания хаоса, неуверенности, нарушения дисциплины, запугивания честных людей.

Убийства следуют позднее. Контрреволюция тщательно готовится к борьбе за власть, готовится к борьбе как кровавой, так и бескровной. Она хитра, и, если против нее не выступить, она в конце концов будет выбирать и способ борьбы...

Тов. Брежнев просил нас не допустить нарастания хаоса, вовремя мобилизовать партию и рабочий класс» [1].

Представители Польской объединенной рабочей партии отмечали, что контрреволюционные силы, как правило, начинают с «невинных» студенческих демонстраций, с выдвижения различных либеральных требований, с помощью которых можно легко ввести людей в заблуждение. Однако вся эта деятельность направлена на ослабление и разложение работы государственного аппарата, руководящей роли партии, ее организационных и идеологических принципов, на разложение государства. Затем наступает этап массового принятия и одобрения различных резолюций якобы «в поддержку» социалистической республики, а в действительности направленных против нее, против партии и народа; усиливаются и развиваются националистические, антисоветские и антикоммунистические настроения и тенденции, закономерно переходящие в контрреволюцию. Было подчеркнуто, что нарастаю-

[1] Васил Биляк, Правда осталась правдой, М., Политиздат, 1972, стр. 262—263.

щая опасность в ЧССР усугубляется тем, что КПЧ, а точнее, ее руководство не видит этой опасности. Об этом же говорил и товарищ Янош Кадар, который указал на уроки контрреволюции в Венгрии 1956 года, когда было унесено столь много жизней, и просил чехословацких представителей не забывать об этом горьком опыте.

По мере усиления контрреволюционной угрозы росли и опасения союзников. Из этих опасений родилось известное *«Варшавское письмо»* (июль 1968 г.); оно было принято на встрече в Варшаве представителей братских партий социалистических стран, от участия в которой тогдашнее руководство КПЧ отказалось. В то время уже и в руководстве КПЧ нарастали правые тенденции и было характерным замалчивать голоса людей, занимавших принципиальные позиции.

На опасное развитие событий в ЧССР указывали не только партийные и государственные деятели социалистических стран и твердые марксисты-ленинцы из руководства КПЧ. На это указывали и представители компартий капиталистических стран, в частности Французской коммунистической партии, но от членов КПЧ эти предупреждения долгое время утаивались.

Вскоре после окончания июльского пленума ЦК КПЧ (19.VII.1968 г.), на котором был утвержден ответ Президиума ЦК КПЧ на «Варшавское письмо», состоялась беседа между представителями ФКП и КПЧ. Вальдека Роше сопровождал член ЦК ФКП Жан Канапа, который и вел с французской стороны запись беседы. В. Роше откровенно заявил: «Мы обеспокоены. Мы полагаем, что настоятельно необходимо сделать все для того, чтобы помешать еще большему ухудшению ситуации».

Он напомнил, что ФКП положительно относилась к решениям, принятым ЦК КПЧ в январе 1968 года, и желала КПЧ больших успехов в осуществлении ее программы на пути к социализму. Однако постепенно наступило значительное ухудшение отношений между Чехословакией и ее ближайшими союзниками. И это ухудшение отношений между социалистическими странами вызывает в массах коммунистов большое беспокойство.

ФКП всегда была связана отношениями дружбы и глубокой солидарности с КПСС, и одновременно такие же хорошие отношения у нее издавна сложились с КПЧ; все они были основаны на братской солидарности коммунистов.

В. Роше подчеркивал, что он не хочет делать поспешных и окончательных выводов, но анализ событий приводит его к

убеждению, что «опасность эта действительная». «Хотя мы и не желаем как-либо вмешиваться в дела других партий, — продолжал он далее, — однако констатируем, что существующая ситуация очень серьезна».

Затем В. Роше изложил позицию французских коммунистов, которые очень обеспокоены развитием событий в Чехословакии. «С одной стороны, — говорил он, — можно полагать, что если у вас произойдет соскальзывание вправо, которое может поставить под сомнение социализм, то это будет поражением всего международного коммунистического движения; с другой стороны, если произойдет ухудшение ваших отношений с советскими товарищами, ухудшение вплоть до разрыва, то это может привести к самому худшему... В Европе изменилось бы все соотношение сил, оказалась бы под угрозой европейская безопасность. Мы понимаем, что Советский Союз и социалистические страны не могут допустить, чтобы такая ситуация действительно сложилась».

Наконец, представитель ФКП вновь призвал чехословацкую сторону к переговорам с союзниками: «От всего сердца желаем вам, чтобы эта встреча (с Советским Союзом) состоялась... Такие встречи попросту необходимы для решения затруднений... Состояние разрыва между Советским Союзом и Чехословакией имело бы глубокие последствия для всех европейских стран... Мы желаем, чтобы ситуация была решена путем развития действительного сотрудничества между вашими странами и остальными странами социализма, в интересах всего нашего движения» [1].

Принципиальная позиция ЦК КПСС

Из всей массы статей, опубликованных в то время в советской печати в связи с событиями в Чехословакии, мы приведем здесь лишь некоторые.

11 июля 1968 года московская «Правда» опубликовала статью И. Александрова «Атака против социалистических устоев Чехословакии». Ее автор охарактеризовал заявление «Две тысячи слов» как контрреволюционный призыв к прямому штурму социалистических устоев Чехословакии. «К сожалению, — писал И. Александров, — отдельные руководящие деятели ЧССР выступили с двусмысленными заявлениями, в кото-

[1] «Rudé právo» и «Pravda», 22.V.1970.

рых пытаются преуменьшить опасность контрреволюционного заявления «Две тысячи слов», утверждая, что факт его обнародования, дескать, «не следует драматизировать». «Правда» характеризовала «Две тысячи слов» как проявление активизации правых и прямо контрреволюционных сил, связанных с империалистической реакцией. От нападок на партию эти силы перешли к атаке на основы социалистической государственности. Как подчеркивал автор, «в борьбе за укрепление социализма в своей стране, за дружбу народов социалистических государств рабочий класс и все трудящиеся Чехословакии могут всегда рассчитывать на понимание и полную поддержку народа Советской страны».

20 июля 1968 года советские газеты опубликовали информацию ТАСС: «Как стало известно, 19 июля с. г. Политбюро ЦК КПСС направило Президиуму ЦК КПЧ письмо с предложением о проведении двусторонней товарищеской встречи. В письме, в частности, говорится, что ЦК КПСС неоднократно предлагал в июне и в первой половине июля — перед Варшавской встречей руководителей братских партий социалистических стран — провести такую двустороннюю встречу делегаций наших партий. Со стороны руководства ЦК КПЧ давалось принципиальное согласие на проведение встречи, однако она не состоялась, так как каждый раз откладывалась чехословацкими товарищами на неопределенное время.

В письме говорится о большом значении, которое ЦК КПСС придает двусторонней встрече, и предлагается провести ее на самом высоком уровне—в полном составе Политбюро ЦК КПСС и Президиума ЦК КПЧ, или, — если по каким-либо причинам чехословацкие товарищи не считают это возможным,— то чтобы состоялась встреча делегаций руководства обеих партий в возможно более широком составе.

Политбюро ЦК КПСС внесло предложение о том, чтобы такая встреча была проведена 22 или 23 июля с. г. в Москве либо, если это будет удобнее для чехословацких товарищей, в Киеве или Львове».

Из этой информации вытекает, что в Праге знали как об отправке письма, так и о предложенной встрече. Подобную встречу руководство КПСС предлагало провести несколько раз, а тогдашнее руководство КПЧ от нее уклонялось.

Чехословацкая пресса не проинформировала общественность об этом письме ЦК КПСС. А. Дубчек боялся правды, и поэтому 20 июля 1968 года ЧТК распространило лишь лаконичное сооб-

щение в одну строчку: «Политбюро ЦК КПСС пригласило Президиум ЦК КПЧ на двусторонние переговоры». Вместе с тем ряд органов печати начал разжигать антисоветский психоз. На страницах газеты «Литерарни листы» от 26 июля 1968 года появился лозунг четырех «с»: «Свобода, суверенитет, союзничество, социализм», который правые органы печати стали быстро распространять в массах. Лозунг этот редакция преподнесла в «Послании» членам Президиума ЦК КПЧ. С внешней стороны дело выглядело так, будто манипуляторы общественным мнением из газеты «Литерарни листы» задушевно обращались к членам Президиума ЦК КПЧ; фактически же они раздували психоз недоверия к тем членам Президиума, которые стояли на принципиальных позициях. Одновременно они давали команду к массовому сбору подписей под антисоветским посланием.

По поводу распространенного тогда в Чехословакии документа «Точка зрения Президиума ЦК КПЧ», в котором руководство КПЧ отказывалось от встречи с представителями КПСС, московская «Правда» 22 июля 1968 года опубликовала редакционную статью, выражавшую официальное мнение советских товарищей. В статье цитировалось несколько положений из этого документа, в частности об экстремистских тенденциях, которые проявляют антисоциалистические силы, а также та его часть, в которой Президиум ЦК КПЧ утверждал, будто бы в стране «одновременно развивают активность и догматически-сектантские силы». Из таких и им подобных оценок развития событий и тенденций «Правда» делала закономерный вывод, что, «уклоняясь от развернутого политического анализа реальной обстановки в стране, Президиум ЦК КПЧ сделал шаг назад по сравнению с решениями майского пленума ЦК КПЧ, на котором прямо было сказано, что антисоциалистические силы, действующие в Чехословакии, представляют собой на данном этапе *главную опасность*» (курсив наш. — *М. М.*). В данном же документе Президиум ЦК КПЧ, наоборот, заявлял, что он не видит реальных причин, которые давали бы право предполагать наличие контрреволюционной ситуации, непосредственной угрозы социализму, возможность изменения внешнеполитической ориентации и угрозу отделения страны от социалистического содружества.

29 июля — 1 августа 1968 года состоялись переговоры между Политбюро ЦК КПСС и Президиумом ЦК КПЧ в Чиерне-над-Тисой, а 3 августа — встреча представителей шести братских партий социалистических стран в Братиславе. После этих встреч правые в руководстве КПЧ избрали тактику проволочек

и оттягивания мероприятий, которые представители КПЧ обещали осуществить на переговорах с союзниками. А. Дубчек и его окружение скрывали от партии обоснованные опасения союзников за судьбы социализма в ЧССР и всячески уклонялись от реализации принципов, зафиксированных в Братиславском Заявлении.

16 августа 1968 года московская «Правда» опубликовала статью своего внешнеполитического обозревателя Юрия Жукова «Подстрекатели». Автор статьи писал, что западная империалистическая пресса ведет атаку главным образом на те пункты Братиславского Заявления, в которых представители братских партий вместе с руководством КПЧ *«твердо и решительно противопоставляют свою нерушимую солидарность, высокую бдительность любым попыткам империализма, а также всех других антикоммунистических сил ослабить руководящую роль рабочего класса и коммунистических партий»*. Братские партии, говорилось далее в Братиславском Заявлении, *«никогда никому не позволят вбить клин между социалистическими государствами, подорвать основы социалистического общественного строя»*. Именно из этого вытекал тот важнейший принцип, согласно которому поддержка, укрепление и защита завоеваний социализма являются всеобщим интернациональным долгом всех социалистических стран.

Известно, сколько терпения и доброй воли проявил тогда Советский Союз. Это видно хотя бы из того, что в конце июля 1968 года впервые за всю историю почти весь состав Политбюро ЦК КПСС покинул территорию своей страны и выехал в Чиерну-над-Тисой. Уже один этот факт свидетельствует о том, насколько серьезна была тогда ситуация в Чехословакии. Но манипуляторы общественным мнением воспользовались и этим совещанием для того, чтобы вызвать волну антисоветского шовинизма и организовать давление на здоровые силы в руководстве ЦК КПЧ. «Послание», опубликованное в газетах «Литерарни листы» и «Культурни живот» (1968, № 31), медоречивыми фразами вводило в заблуждение многих честных граждан, одновременно сея в сознании народа семена недоверия. В нем затушевывался тот факт, что социалистические страны проявляли оправданное опасение за судьбы социализма в ЧССР в связи с наступавшими тогда здесь антисоциалистическими силами, за безопасность всей социалистической системы. «Литерарни листы» все свои нападки сосредоточили на интернационалистах, а журнал «Выбер» назвал период между встречей в Чиерне-над-

Тисой и встречей в Братиславе «шестью драматическими днями». Эти дни приравнивались к шести февральским дням 1948 года и к периоду предмюнхенской осени 1938 года. Подобной игрой понятий антисоциалистические силы прикрывали свое стремление развязать антифевраль. Средства массовой информации и пропаганды все более раздували антисоветские настроения, демагогически прибегали к мелкобуржуазному лозунгу «национального единства».

В то время как Президент ЧССР давал высшую оценку результатам Братиславской встречи, чехословацкая печать, прежде всего «Литерарни листы», «Млада фронта» и «Репортер», начала кампанию грубых выпадов против Братиславского Заявления, пытаясь представить его в невыгодном свете и сорвать выполнение обязательств, вытекающих из этого Заявления.

На встрече в Варшаве (14—15 июля 1968 г.) делегаций коммунистических и рабочих партий социалистических стран подчеркивалось, что «дело защиты власти рабочего класса и всех трудящихся, социалистических завоеваний в Чехословакии требует

решительного и смелого наступления против правых и антисоциалистических сил, мобилизации всех средств защиты, созданных социалистическим государством;

прекращения деятельности всех политических организаций, выступающих против социализма;

овладения партией средствами массовой информации — печатью, радио и телевидением и использования их в интересах рабочего класса, всех трудящихся, социализма;

сплоченности рядов самой партии на принципиальной основе марксизма-ленинизма, неуклонного соблюдения принципов демократического централизма, борьбы с теми, кто своей деятельностью способствует враждебным силам» [1].

Между тем ослабление влияния КПЧ и рост антисоциалистических сил в Чехословакии продолжались. В связи с этим Политбюро ЦК КПСС 13 августа 1968 года обращает внимание руководства КПЧ на невыполнение последним соглашений, принятых в Чиерне-над-Тисой. В тот же день Л. И. Брежнев направил А. Дубчеку письмо, в котором указывал на серьезную опасность развития событий в Чехословакии и напоминал о необходимости выполнять принятые на себя обязательства. Об этом не были проинформированы даже члены руководства КПЧ.

---

[1] «Правда», 18.VII.1968.

17 августа Политбюро ЦК КПСС направляет Президиуму ЦК КПЧ на имя А. Дубчека официальное письмо с просьбой незамедлительно информировать о нем всех членов Президиума ЦК КПЧ. В этом письме Политбюро ЦК КПСС выражало серьезное беспокойство и опасение по поводу развития событий в Чехословакии. Это письмо осталось без ответа, а Президиум ЦК был информирован о нем лишь вечером 20 августа [1].

Для обстановки в те дни было характерным, что результаты переговоров в Чиерне-над-Тисой и в Братиславе рассматривались чехословацкой прессой как «победа» над КПСС и другими братскими партиями. Односторонняя трактовка Братиславского Заявления во многих случаях была пропитана духом национализма. Безответственные оценки и выводы прессы, по сути дела поддерживались в выступлениях некоторых деятелей КПЧ. На тех представителей партии, которые защищали результаты этих встреч с интернациональных позиций, велись грубые нападки. Однако Президиум ЦК КПЧ не реагировал на это, предпочитая отмалчиваться.

Точка зрения ЦК КПСС, хорошо известная представителям ЦК КПЧ, была вновь изложена в редакционной статье московской «Правды» от 22 августа 1968 года.

«Во-первых, — подчеркивалось в этой статье, — ЦК КПСС с самого начала с полным пониманием относился к решениям ЦК КПЧ, направленным на исправление ошибок и недостатков, совершенствование партийного руководства всеми сферами общественной жизни, на развитие социалистической демократии. Мы рассматривали и рассматриваем эти решения как исключительно внутреннее дело чехословацких коммунистов, всех трудящихся ЧССР.

Во-вторых, ЦК КПСС постоянно подчеркивал, что гарантией успешной реализации принятых решений может быть только осуществление руководящей роли партии, сохранение в руках партии полного контроля за развитием событий. В этой связи неоднократно обращалось внимание на то, что ослабление партийного руководства создает благоприятные условия для активизации правых, даже открыто контрреволюционных сил, которые ставят своей задачей дискредитировать Компартию Чехословакии и отстранить ее от власти, оторвать ЧССР от социалистического сообщества и в конечном счете изменить общественный строй в Чехословакии.

[1] См.: Густав Гусак, Избранные статьи и речи, Изд-во «Правда», М., 1969, стр. 338—339.

В-третьих, ЦК КПСС стоял и стоит на том, что судьба социалистических завоеваний чехословацкого народа, судьба Чехословакии как социалистического государства, связанного социалистическими обязательствами с нашей страной и другими братскими странами, — это не только внутреннее дело КПЧ. Это общее дело всего содружества стран социализма, всего коммунистического движения. Вот почему ЦК КПСС видит свой интернациональный долг в том, чтобы всеми мерами способствовать укреплению КПЧ, сохранению и упрочению социализма в ЧССР, защите Чехословакии от происков империализма. Это — наш интернациональный долг, это интернациональный долг всех братских партий, и мы перестали бы быть коммунистами, если бы отказались от его выполнения.

Такова принципиальная позиция Коммунистической партии Советского Союза — позиция, основанная на принципах марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма».

Опасения и призывы чехословацких патриотов

Об антисоциалистическом характере разыгравшихся событий, о контрреволюционной обстановке в Чехословакии предупреждали многие патриоты ЧССР. Однако в средствах массовой информации и пропаганды подобные голоса всячески замалчивались либо фальсифицировались, а в партийных и государственных органах к ним не прислушивались. Действовала тщательно продуманная система террора и запугивания.

В июле 1968 года член Президиума ЦК КПЧ Драгомир Кольдер на заседании Президиума ЦК по поводу письма братских коммунистических партий заявил:

«Нарастание антикоммунистических тенденций, представляющих сегодня главную угрозу делу дальнейшего развития демократического процесса, в значительной мере является следствием низкой дееспособности и малой решимости руководства партии противостоять этим тенденциям, следствием неспособности идеологически, политически и организационно обеспечивать в новых демократических условиях проведение в жизнь принятых решений. Прежние способы нашего — лишь прокламативного — руководства практически парализовали дееспособность партии». Далее Д. Кольдер поставил вопрос о тех коварных методах, которые были призваны помешать людям понять истинную правду: «Кто ответствен за то, что средства массовой информации

априорно создают в обществе враждебное отношение к дружественным странам, к странам социалистического лагеря — без учета фактов, без знания содержания письма?» [1].

Тот, кто в 1968 году не разделял брошенный правыми лозунг «национального единства», тот чуть ли не обрекал себя на добровольное исключение из общества. И все же таких людей было немало. Интернационалисты в КПЧ, в ЧССР и тогда существовали, несмотря на нарастание системы террора, угроз и запугивания; они искали выход из создавшегося положения и нуждались в помощи.

Уже весной 1968 года появились критические письма и резолюции, адресованные тогдашнему правому руководству КПЧ, главным образом А. Дубчеку, авторы которых призывали его опомниться и помешать нарастанию контрреволюции. Позже, летом 1968 года, когда стало уже ясно, что все предупреждения напрасны и излишни, ибо Дубчек и его группа не прислушиваются к подобным голосам и расчищают путь врагам народа, поток писем с требованием защитить социализм в Чехословакии еще больше усилился, но теперь он был уже направлен туда, где оставалась последняя надежда на получение помощи, — к братским социалистическим странам, прежде всего к Советскому Союзу. Эти призывы о помощи, написанные в тяжкие минуты, были полны отчаяния и веры, это были обращения и просьбы, адресованные *советскому народу и его партии, заклинания* не колеблясь оказать помощь, пусть даже вооруженную, поскольку иного выхода уже не было. Многие из этих писем советская печать опубликовала.

Конечно, чехословацкие средства информации и пропаганды тоже получали подобные письма, но старались не публиковать их. Поэтому авторам писем не оставалось ничего иного, как обратиться к редакциям братских изданий. Приведем выдержки из подобных писем (цит. по братиславской «Правде» от 19 января 1971 г.):

«Дорогие товарищи! Так называемые демократы тайно готовят оружие, приобретают разрешения на его покупку. Кроме того, они ищут подходящего случая, чтобы получить его в органах безопасности, у Народной милиции, в армии, где у них есть знакомства. Нам, старым коммунистам, будут мстить. Просим вас, действуйте быстро, иначе будет поздно!» (Из письма старых коммунистов г. Кошице.)

[1] «Tribuna», 1969, № 35.

«Положение в нашем государстве в действительности таково, что антисоциалистические элементы рвутся к власти, постепенно отбирая ее у рабочего класса, который завоевал эту власть в тяжелых боях. Нас, коммунистов, преследуют. В Центральном Комитете сидят люди, которые вступили на путь измены и стремятся повернуть развитие нашей страны вспять. Появляются различные заявления, призванные убедить братские партии в том, что мы по-прежнему верны социалистическому содружеству. Но все это делается лишь для того, чтобы скрыть правду о действительно серьезной ситуации в нашей стране». (Из письма коммунистов Усти-над-Лабой.)

Из других писем:

«Мы верим, что вы поддержите нас и не допустите, чтобы горстка заговорщиков и журналистов терроризировала партию и многих коммунистов. Мы не можем оставаться равнодушными к тому ярмарочному торгу, который наблюдается в профсоюзной газете «Праце». По этому поводу я написал в чехословацкие газеты статью. Но те, кто решает, что́ публиковать, отбирают лишь такие письма чехословацких граждан, которые отвечают их намерениям и приносят сиюминутную выгоду. Со взглядами таких простых тружеников, как я, общественность не знакомят... Я буду приветствовать, если наше правительство и Президент республики пригласят к нам с дружеским визитом войска соседних братских социалистических государств. Я считал бы это мудрым и решительным шагом, который не оставил бы ни у кого никаких сомнений».

«Я верю, что Советское правительство и советский народ делают из сегодняшних событий в Чехословакии соответствующие выводы. В настоящее время у контрреволюционных элементов нюх, как у хищных зверей, и потому они спекулируют на том, сколько прав и власти они пока что оставляют в руках КПЧ. Советский Союз имеет полное право решительно помешать коварным интригам врагов. Боюсь только, как бы эта помощь не пришла слишком поздно».

«Как членам партии, нам стыдно за отношение ЦК КПЧ к СССР, и поэтому просим вас: не верьте, что этого хотят подавляющие массы народа! Не дайте обмануть себя тем, кто захватил чехословацкое телевидение, радио и печать и кто ведет постоянные злобные нападки на нашу партию и на вас. Правда такова, что многие трудящиеся не согласны с ними, и мы ждем вашей помощи».

«Я пишу вам как мать двоих сыновей, воспитавшая детей

своих в любви к Советскому Союзу. Вашу страну уважаю я, и уважают ее мои дети, которые любят Советский Союз и его добрых, смелых и трудолюбивых людей. От имени матерей, которые потеряли своих детей на войне и с любовью и самопожертвованием прятали от гитлеровцев раненых советских солдат... Мы не позволим поносить наш лозунг: «С Советским Союзом на вечные времена!» Помогите нам в эти тяжкие моменты!»

«Социализм в нашей стране под угрозой. Мы не согласны с этим процессом, поскольку он вредит делу рабочего класса. Наши голоса нельзя услышать. Вперед выступила буржуазия. Она маскируется, провозглашая социалистические лозунги. Нас натравляют на Советский Союз. В нашем цехе орудуют агитаторы, агенты западных разведок, принуждающие нас подписывать резолюции и письма, подобные «2000 слов». Рабочие подписывают эти резолюции, боясь попасть в списки «консерваторов» и стать тем самым объектом преследования. Прошлое в газетах освещается односторонне. Помогите нашему рабочему классу, хотя бы и пришлось для этого использовать военную силу!» (Рабочие народного предприятия Партекс в Новой Вчелнице).

В документе, принятом на декабрьском пленуме ЦК КПЧ (1970 г.), «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», эти письма оценивались так:

«Тысячи коммунистов, отдельные граждане и целые коллективы трудящихся, представители всех слоев населения и разных организаций, в том числе члены Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии и Центрального Комитета Коммунистической партии Словакии, члены правительства ЧССР и депутаты Национального собрания и Словацкого национального совета, сознавая свою классовую, национальную и интернациональную ответственность за судьбу социализма в Чехословакии, усиленно искали выход из тяжелого, критического положения. Ввиду того что правая часть руководства партии не хотела принимать никаких мер, которые вели бы к срыву контрреволюционного переворота и к предотвращению гражданской войны, они начали обращаться к руководящим органам братских партий и к правительствам наших союзников с просьбой в этот исторически важный момент оказать чехословацкому народу интернациональную помощь в деле защиты социализма. Они действовали так с твердым убеждением, что их братья по классу не оставят Чехословакию на произвол контрреволюции, которая грозила кровопролитием, что они не позволят, чтобы

наша страна была отторгнута от социалистического содружества» [1].

В «Обращении группы членов ЦК КПЧ, правительства и Национального собрания ЧССР» от 21 августа 1968 года, в частности, говорилось:

«К сожалению, этим периодом поисков и преобразования нашего общества злоупотребили для своих целей, для активного вступления на политическую арену силы, которые в течение долгих лет ждали такого благоприятного момента, чтобы дискредитировать партию и оспорить ее политическое и моральное право руководить обществом. Этим правым силам фактически шли навстречу и определенные силы внутри партии и в партийных органах, тем самым они оказались в противоречии с принципами и целями партии, с идеями пролетарского интернационализма. Совместно они направили свои силы на систематическое нарушение конституционного характера нашей политической реформы и сосредоточили их на борьбе против позитивных усилий партии и государственных органов при осуществлении целей января. Они организовали грязную кампанию с целью скомпрометировать отдельных функционеров, в том числе и из нового руководства КПЧ, которые имели мужество публично обратить внимание на грозящую опасность и видеть реальную ситуацию во всей ее сложности. Они нарушали общественный порядок, вызвали к жизни низменные националистические страсти, они не гнушались даже клеветой на нашу чехословацкую родину, клеветой на честный труд нашего народа, нашей партии, армии, органов безопасности, они требовали изменения нашей внешней политики. Их грязная кампания дошла даже до нападок на союз с Советским Союзом, особенно в связи со штабными учениями вооруженных сил Варшавского Договора, а также до нападок на дружбу с социалистическими странами...

Сознавая высшую ответственность по отношению к нашему народу, полные чувства действительного патриотизма, чувства международной социалистической солидарности, сознавая свои интернациональные обязательства, мы взяли на себя инициативу сплотить все патриотические силы во имя нашего социалистического будущего и нашей родины. Опасность братоубийственной борьбы, которую подготовила реакция и которая была бы трагическим повторением Липан (имеется в виду битва у Липан

---

[1] «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 44—45.

в 1434 году. — *Ред.*), поставила нас перед необходимостью принять историческое решение обратиться за помощью к Советскому Союзу и другим братским социалистическим странам. Наши союзники предоставили нам эту помощь так же, как в 1945 году, когда речь шла о том, быть нам или не быть...

Мы верны и будем верны до конца нашим прогрессивным национальным традициям, связанным с 50-й годовщиной возникновения республики, с заветами антифашистской борьбы, национальными и демократическими ценностями, с традициями Словацкого национального восстания, Пражского майского восстания 1945 года и с революционным призывом февраля 1948 года: «Вперед, ни шагу назад!» Мы будем беречь как зеницу ока наши братские узы союзничества и дружбы с Советским Союзом, его народом, народами всех стран мирового социалистического содружества и со всеми силами мира, демократии, прогресса и социализма — эти ценности, дающие нам гарантию нашей самостоятельности, независимости, национального и государственного суверенитета, без которых мы вновь лицом к лицу столкнулись бы с угрозой нового Мюнхена, с теми, кто в 1938 году его затеял. Чехословакия может развиваться только как социалистическая страна и как неразрывная составная часть социалистического содружества; его сила и прочность создают основы дальнейшей перспективы международного революционного движения; каждое ослабление и нарушение социалистического лагеря нанесло бы делу революционного прогресса и социализма в мире ущерб, который трудно себе представить» [1].

[1] «Правда», 21.VIII 1968.

Средства массовой информации и пропаганды на службе антисоциалистических сил

Десятки цитат из книг, газетных и журнальных статей, которыми мы иллюстрировали развитие контрреволюции от фазы угроз к фазе непосредственных выступлений против социалистического строя и Коммунистической партии Чехословакии, принадлежат перу самых различных авторов: экономистов, философов, политических деятелей правого толка и публицистов, стремившихся к ревизии марксистско-ленинских принципов; представителей различных групп и клубов, разрабатывавших антисоциалистические теории; отдельных лиц, о которых впоследствии стало известно, что они являются платными агентами антикоммунистических диверсионных центров. Их антисоциалистические теории и концепции распространялись и рекламировались в широких кругах чехословацкой общественности печатью, радио и телевидением, в которых, как уже отмечалось, правые и антисоциалистические силы в то время занимали ключевые позиции, превратив средства массовой информации и пропаганды в важный рычаг воздействия на сознание широких народных масс ЧССР в контрреволюционном духе. Об этой негативной роли средств массовой информации в 1968 году не раз говорилось позднее в документах КПЧ.

Вместе с тем, как отмечалось в статье Э. Крала «О печати и журналистах», опубликованной в братиславской «Правде» за 1970 год, «критика партии не была направлена на то, чтобы взваливать на журналистов и средства информации всю ответственность за сложившуюся ситуацию, поскольку эту ответственность несет и всегда будет нести перед лицом истории прежде всего правооппортунистическая группа внутри самой партии во главе с ее самыми высокими представителями, которые эту ситуацию и формировали. Несет ее и всегда будет нести перед лицом истории и бывшее руководство партии, которое своей нерешительностью и своей беспомощностью допустило, чтобы подобная ситуация возникла. Необходимо также подчеркнуть, что средства информации были главным пропагандистским оружием правооппортунистической группы в борьбе за власть. Однако бывшее руководство партии не поняло того, что задолго до него поняли другие: печать, радио и телевидение — это прежде всего сфера

осуществления власти, точно так же как и партийный аппарат, как армия и органы государственной безопасности» [1].

Правооппортунистические и открыто антисоциалистические силы, заняв ключевые позиции в средствах массовой информации, стали с их помощью систематически дискредитировать двадцатилетний путь социалистического строительства в Чехословакии, ожесточенно и злобно критиковать всю внутреннюю и внешнюю политику Коммунистической партии, нападать на преданных партии людей, ревизовать принципы марксизма-ленинизма, отвергать принципы пролетарского интернационализма, усиленно реабилитировать и оживлять мещанские и мелкобуржуазные идеалы времен Первой республики; развернули широкую и тщательно подготовленную кампанию против Советского Союза и других ближайших союзников Чехословакии.

В плену иллюзий ложных теорий и представлений

Послеянварские события нанесли развитию чехословацкого социалистического общества большой материальный ущерб. Но не меньший вред нанесли эти события, ложные теории и представления также и в области идеологии, в области сознания людей. В то время антисоциалистические силы очень ловко, тонко и целенаправленно сеяли сомнения в истинности принципов марксизма-ленинизма, внедряли нигилистическое отношение к основам социализма, извращали понятия и дискредитировали завоеванные ценности, стремясь своими «демократическими» лозунгами воздействовать на молодежь, которая не жила при капитализме и не имела ясного представления ни о его практике, ни о «ценностях» пресловутой буржуазной демократии. Превознося мнимые «завоевания» потребительского общества, поощряя мелкобуржуазный эгоизм, эти силы вместе с тем старались принизить роль факторов, составляющих непреходящие ценности общественного развития и благосостояния, являющихся гарантами безопасности и уверенности в завтрашнем дне.

Печать способствовала созданию ложной видимости того, что-де в Чехословакии происходит борьба «прогрессивных» и «консервативных» сил в рамках борьбы за «демократизацию» социалистического общества, и тем самым объективно помогала антикоммунистическим силам вести борьбу, угрожавшую самому

[1] «Pravda», 15.X.1970.

существованию социализма. «По своей общей направленности деятельность средств информации, по существу, слилась с идеологической диверсией империалистического Запада» [1].

Уже до января правые силы занимали в средствах информации и пропаганды важные позиции, а затем они их еще более укрепили и превратили в главное орудие нападок на партию и социалистическое государство. К концу весны 1968 года газета «Руде право» была, пожалуй, единственным печатным органом, указывавшим на правую антисоциалистическую опасность. Однако под натиском правых сил как извне, так и изнутри редакция «Руде право» постепенно стала сдавать свои позиции, уступая требованиям «приспособиться», «не отставать», особенно после того, как прошли областные партконференции, на которых принципиальность и партийность взглядов руководства центрального органа партии была охарактеризована некоторыми правыми делегатами как «консерватизм». В то же самое время делегаты многих областных партконференций упрекали «Руде право» в отсутствии боевитости, в том, что она не ведет принципиальной, партийной борьбы с правым экстремизмом [2].

В составе редакции «Руде право» были и честные, принципиальные коммунисты, сохранившие верность партийному долгу и принципу интернационализма, но они подвергались чудовищной травле, а затем и вовсе изгонялись из редакции правыми элементами.

Противоречивость взглядов, высказывавшихся со страниц газеты «Руде право», явилась отражением не только борьбы, которая велась внутри редакции, но и борьбы правых сил за овладение этим органом, что, по существу, означало борьбу за идейно-политическую ориентацию партии. В борьбе за овладение газетой «Руде право» правые силы добились определенного успеха: идя навстречу требованиям интерпретаторов так называемого «высочанского съезда», пленум ЦК КПЧ от 30 августа 1968 года передал центральный орган партии в руки правых.

Весной 1968 года средства массовой информации и пропаганды все более подпадали под влияние правых антисоциалистических сил. И сколь бы ни были различны мотивы, побуждавшие некоторых работников печати, радио и телевидения изменять своим убеждениям, последствия подобных изменений всегда были

---

[1] «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 41.

[2] См.: «Rudé právo», 16.IX.1970.

одинаковы. Средства массовой информации постепенно становились рупором антисоциалистических сил, переходили на путчистские позиции. Переходу на такие позиции способствовали и те люди в органах массовой информации, которые непосредственно принадлежали к правым и антисоциалистическим силам, и те, кто стремился примазаться к элитаристской группке представителей определенных писательских кругов, претендовавших на то, что они являются выразителями «совести» народа. Все эти люди под прикрытием «свободы печати» открыли «зеленую улицу» действиям их антисоциалистических сил и вместе с тем отказывали в законном праве на выражение своего мнения выборным партийным органам и их представителям.

На деле органы массовой информации подчинялись четко определившимся интересам «второго центра». О координированном, целенаправленном наступлении правых и антисоциалистических сил свидетельствуют не только сотни тождественных тезисов, опубликованных в различных органах печати, но и данные о директивных совещаниях правых редакторов, об их связях с группировкой Фр. Кригеля, со «вторым центром» в партии, с антикоммунистическими группами как внутри страны, так и за ее пределами.

Методы психологической войны и приемы бульварной прессы

В 1968 — начале 1969 года печать, радио, телевидение и кинематография в Чехословакии прибегали к «испытанным» приемам буржуазной пропаганды и методам, разработанным в центрах по ведению психологической войны. «Богатство наших идей необходимо психологически наиболее эффективно внедрять в общественную жизнь коммунистических государств с помощью всех средств современной пропаганды, — писал глашатай западногерманского милитаризма Франц Йозеф Штраус. — Если в коммунистических государствах сложится атмосфера общей неудовлетворенности, то люди — вольно или невольно — станут носителями западных идей, что явится предпосылкой для постепенных перемен. Непрерывностью воздействия, изматывающей противника, мы должны ускорять этот естественный процесс... Европейские отношения показывают, что психологическая война Запада может быть успешной» [1].

[1] «Aussenpolitik», 1962, № 11.

Теоретики, стратеги и тактики психологической войны прилагали все усилия к тому, чтобы наиболее эффективно воздействовать на психику и образ мышления людей. Они тщательно разрабатывали тезисы так называемой «конвергирующей» пропаганды, которая помогла бы им извратить и «устранить» устоявшиеся социалистические представления, подменив их наиболее приемлемыми для врагов социализма взглядами. Затем должен был наступить этап «консолидирующей» пропаганды, призванной закрепить в человеческом сознании новые, уже деформированные представления. Венцом же всего является «разлагающая» пропаганда, то есть распространение информации и представлений, которые должны полностью деморализовать население.

Листая подшивки чехословацких газет за 1968—1969 годы, вновь прослушивая магнитофонные записи того периода, мы находим множество доказательств «умелого» использования буржуазной практики *манипулирования общественным мнением*[1]. Методами злоупотребления читательской психикой отмечена, в частности, деятельность Э. Гольдштюккера, который пропагандировал не только наследие Фр. Кафки, но и свойственный его произведениям эмоциональный настрой, прибегая при этом как к «теоретическим» доводам, так и к эмоционально-психическому воздействию. 6 июня 1968 года газета «Литерарни листы» опубликовала статью Э. Гольдштюккера «Процессы и тридцатые годы». Содержание статьи полностью отвечало политике правых сил. Цель ее — дезинформировать широкие круги общественности, вызвать недоверие к социалистическому общественному строю. Статья Гольдштюккера — это новая вариация на старую тему масариковского антисоветизма. Гольдштюккер пишет: «Современный опыт подводит нас к вопросу: отвечает ли представлениям основоположников научного социализма тот тип социализма, какой сформировался в Советском Союзе?» И почти сразу же автор обращается к никогда не оправдывавшим себя историческим ассоциациям: «Всякое политическое движение, стремящееся к победе в борьбе, опирается на веру, она нужна ему. Но опыт нашей жизни учит, насколько опасной бывает такая вера. Например, у нацистов».

В той же газете «Литерарни листы» 23 июня 1968 года была опубликована еще одна статья Гольдштюккера, озаглавленная

---

[1] См.: М. Марко, Психологическая война и «чехословацкий эксперимент», М., «Наука», 1972.

«Граждане, внимание!». Поводом для написания этой статьи послужила якобы полученная автором анонимка. И Гольдштюккер начинает «обобщать»: «В то время как мы заняты исправлением несправедливостей, совершенных тайной камарильей, стремившейся одурачить народ нашей страны и весь мир, в темных углах нашего общества продолжает опасно орудовать еще более худшая преступная банда» [1].

Это ли не образчик методов психологической войны?

Мы уже говорили о кампании, развернувшейся в связи с «загадочной смертью» в 1948 году *Яна Масарика*. Кампания эта была весьма многоплановой. Обычная газетная сенсация использовалась для подогревания шовинистически окрашенного антисоветизма, для разжигания страстей, для оживления антисоветских «традиций», — словом, стряпалось дело по всем правилам буржуазной прессы. Если перелистать подшивку западногерманского журнала «Шпигель» за 1965 год, то в апрельском номере можно обнаружить статью о «Загадочной смерти Яна Масарика», в которой излагалась антисоветская версия этой истории. Статья была подписана неким Мики Рандом, известным под именем Бенно Г. Вайгл.

Любопытно, что этот человек еще с 1934 года был известен как неоднократно судимый мошенник и дезертир. В 1937 году персоной Вайгла заинтересовалась чехословацкая контрразведка, заподозрив его в сотрудничестве с гестапо. В 1939 году, сразу же после оккупации страны гитлеровцами, Вайгл неожиданно исчез, но вскоре объявился на берегах туманного Альбиона уже в роли сотрудника Интеллидженс сервис. После войны, в 1947 году, Вайгл вернулся на родину, но был разоблачен. Отбыв наказание, он выехал в Англию, где стал «экспертом по делам Чехословакии».

Через три года после появления статьи Вайгла в «Шпигеле» антисоветскую басню о смерти Я. Масарика использовало пражское телевидение и преподнесло эту стряпню иностранного разведчика как «истинную правду». Вслед за телевидением в антисоветскую кампанию включились еженедельник «Студент» и ряд других чехословацких журналов.

---

[1] Как отмечает И. Богатка в статье «Ренегат социализма» («Tribuna», č. 25, 1973), Э. Гольдштюккер отклонил в свое время предложение предъявить текст анонимного письма. «Доктор германистики», которым Гольдштюккер изображает себя в эмиграции, является в действительности провокатором — изготовителем газетных фальшивок.— *Прим. авт.*

5 апреля 1968 года «Смена» перепечатала из «Студента» статью И. Свитака, в которой бывший сотрудник Института философии Чехословацкой Академии наук, а ныне эмигрант, платный агент иностранных разведок, подвизающийся в США в качестве эксперта Колумбийского университета по вопросам антикоммунизма, воспроизводил для чехословацких читателей грязную антисоветскую стряпню, опубликованную в Западной Германии другим платным агентом империализма.

Между тем хорошо известно, что авторитетная комиссия, созданная правительством ЧССР, изучив все имеющиеся документы и свидетельские показания лиц, близких к Я. Масарику, пришла к заключению, что его самоубийство явилось результатом душевной депрессии.

Следует напомнить и о том, что в 1968 году «Студент» и «Обрана лиду» начали популяризацию деятельности радиостанции «Свободная Европа», расположенной в Мюнхене и известной своей враждебной деятельностью по отношению к социалистической Чехословакии. Журнал «Студент» (№ 24 за 1968 г.) опубликовал репортаж своих корреспондентов, побывавших на радиостанции «Свободная Европа», сотрудники которой в беседе высказали сожаление, что Прагу в 1945 году освободили не американцы, а Советская Армия. Спустя некоторое время радиостанцию посетили и работники еженедельника «Обрана лиду», предпринявшие 20 июля 1968 года попытку «реабилитировать» деятелей этого подрывного центра империалистической пропаганды.

Методы деятельности этой радиостанции переносились на чехословацкую почву. 22 августа 1968 года американская газета «Геральд трибюн» с удовлетворением писала о деятельности в Чехословакии многочисленных подпольных радиостанций и пришла к выводу, что ими «хорошо были подготовлены планы сопротивления».

Злоупотребление лозунгом «свобода печати»

При более пристальном изучении мотивов, которые привели некоторых редакторов к использованию методов бульварной прессы, можно отметить и то, что речь не всегда шла о политической злонамеренности или же, наоборот, о политической наивности. Причина подчас лежала и в коммерческой плоскости, столь типичной для буржуазной прессы, поскольку в буржуазном обще-

стве печать — это не только средство пропаганды, но и обычный товар.

Редакторы некоторых журналов и газет стремились к увеличению числа читателей за счет скандальной хроники, сенсационной подачи материалов. Но, повторяем, не эти мотивы были главными, определяющими. Решающим критерием является политическая ориентация редакторов журналов и газет.

23 марта 1968 года редакция газеты «Смена» заявила, что она не может быть органом Словацкого ЦК Союза молодежи, а должна выступать «защитником порядочного, честного человека» и быть «независимой словацкой ежедневной газетой». О подлинной политической ориентации этой газеты можно судить по тому, как, выступая в защиту «простого, порядочного, честного человека», она в то же время использовала приемы бульварной прессы, обливала грязью (где уж тут говорить о порядочности!) честных людей, стоявших на позициях марксизма-ленинизма, отстаивавших подлинно социалистическую демократию и пролетарский интернационализм.

«Смена» провозглашала свою «духовную независимость», свое право на оппозицию по отношению не только к Союзу молодежи, но и к Коммунистической партии, свое право возвыситься над партией, вмешиваться во внутрипартийные дела, право быть прокурором и судьей одновременно. В начале 1968 года в газете «Смена» был открыт новый раздел, так называемый «Гайд-парк», в котором редакция намеревалась предоставить слово всем, кто хотел сказать миру «свою правду», нисколько не заботясь о том, чтобы эта правда была приемлема для большинства. Главное условие состояло в том, чтобы тот, кто хочет высказать «свою правду», обладал «чистой совестью» и «гражданской честью». «Мы не будем ничего проверять и перепроверять,— писала тогда газета,— мы не стремимся к полной правде, пусть это будет делом чистой совести и гражданской чести каждого» [1].

Возьмем другой пример. В редакции газеты «Руде право» сформировалась активная правая группа, намеревавшаяся прибрать всю редакцию к своим рукам. Стремясь вывести газету из-под влияния Центрального Комитета партии, эта правая группа под прикрытием лозунга «свободы печати» выдвинула требование, согласно которому «Руде право» как общепартийный орган «вправе на основе генеральной линии, формулируемой съездами, самостоятельно участвовать в формировании и осуществле-

[1] «Из анализа ежедневной газеты «Смена», в: «Novinář», 1971, č. 1.

нии партийной политики». Не отставала в этом отношении и братиславская «Правда», хотя на ее страницах находили свое отражение различные взгляды на ход событий.

В апреле 1968 года на чехословацком радио было выдвинуто требование «руководствоваться концепциями прогрессивной части руководства партии», то есть той его части, к которой правые группы относили Кригеля, Шика, Славика, Цисаржа и др. Такую же позицию заняли и газеты «Люд» и «Праце».

Правые и антисоциалистические силы в редакциях газет и журналов опирались на поддержку отделений Союза журналистов. Городская конференция пражских журналистов, отнюдь не случайно проходившая одновременно с пленумом ЦК КПЧ, направила 1 апреля 1968 года на заседание пленума делегацию, предъявившую ультимативные требования, среди которых были и такие: «...Средства информации способствовали тому, что в нашей стране победило прогрессивное течение, которое, как мы твердо уверены, принесет не только неограниченную свободу слова, мысли и выступления, но и широкие гражданские свободы всем гражданам нашей республики, ибо это отвечает неотъемлемым правам человека двадцатого столетия и Декларации прав человека... Мы ожидаем, что ЦК КПЧ выскажется за полную свободу печати, причем единственным ограничением будет провозглашенное социалистическое сознание самого журналиста... Мы предлагаем ЦК КПЧ рекомендовать всему правительству в целом подать в отставку. Должно быть сформировано новое правительство, а на ключевых постах в этом правительстве должны оказаться люди, наиболее активные в борьбе за восстановление политической демократии, а вместе с ними — выдающиеся специалисты... Нас беспокоит, что, согласно информации, исходящей от некоторых товарищей, при ЦК КПЧ была создана какая-то комиссия, состоящая из некоторых главных редакторов, которая должна выступать в качестве направляющего и контрольного органа печати, в то время как цензура перестала действовать...» (Чехословацкое телеграфное агентство, 1.IV.1968).

Начиная с 4 марта 1968 года, когда Президиум ЦК КПЧ ликвидировал Управление надзора за печатью, не обеспечив, однако, других форм контроля за деятельностью журналистов и права выборных органов оказывать действенное влияние на средства массовой информации, последние становятся, как пишет Э. Крал в своей статье «О газетах и журналистах», «не бесконтрольной властью, а, наоборот, властью, которая четко контролировалась правыми оппортунистами, властью со своим собственным жестким режимом, со своей цензурой, со своим плановым руководством кампаниями, своими тактическими ходами и своими стратегическими целями» [1].

Следует отвергнуть тезис, будто в 1968—1969 годах печать

[1] «Pravda», 15.X.1970.

не была направляемой. Нет, в силу того что печать направляли деятели (Дубчек, Черник, Смрковский), не отличавшиеся партийной принципиальностью, непосредственное руководство ею захватили правые оппортунисты (Цисарж, Шпачек, Млынарж, Галушка, Бренчич, а позже — Граца, Кусый) и фракционная группа в руководстве партией и государством (Кригель, Шик, Славик с различными своими кланами вроде Союза кино- и телевизионных работников и т. п.).

Свое восхищение «свободой печати» «Литерарни листы» (20.VI.1968 г.) выразили следующим образом: «Большинство ежедневных и еженедельных изданий почти не зависимо от своих издателей. Более свободными стали и связи государственного радио и телевидения... Почти невозможно поверить, что свобода печати, хотя она еще и не получила своего юридического закрепления, не ограничена в стране ни административно, ни материально». В этом же журнале можно прочесть сообщение о том, что бывший социал-демократический министр В. Майер проявлял в эмиграции невероятную радость по поводу столь «чудесного» достижения в Чехословакии «свободы слова, печати и дискуссий».

Проявления такой «свободы» обретали самые различные формы. На Братиславском радио, например, резко увеличилось число «частных» иностранных корреспондентов. Некоторые работники чехословацкого радио, газеты «Праце» и других органов печати прямо по телефону передавали свои корреспонденции и комментарии на венское или баварское радио, а некоторые даже на радиостанцию РИАС. Международный обозреватель П. Ривал, сотрудничавший с венским и кёльнским радио, прошел свой путь измены до логического конца: он нелегально выехал в ФРГ, а ныне сотрудничает на радиостанции словацких эмигрантов в Кёльне. В январском (1970 г.) письме ЦК КПЧ, опубликованном в связи с обменом партийных документов, приводился обширный список работников печати, которые после августа 1968 года стали сотрудничать на радиостанции «Свободная Европа», на Би-Би-Си, в западногерманских антикоммунистических центрах и в различных других антисоциалистических организациях.

Многие материалы, передававшиеся на западноевропейские радиостанции, носили объективистский характер. Их авторы зачастую не учитывали методов антикоммунистической пропаганды, которой занимались и занимаются, и притом очень продуманно, радиостанции капиталистического мира. Согласно общим установкам руководителей этих радиостанций, рекомендуется создавать впечатление объективности посредством включения в про-

граммы передач некоторых «правдивых» сообщений из социалистических стран. Однако впоследствии эти сообщения ставятся под сомнение с помощью целенаправленных комментариев. Выступления журналистов из социалистических стран перед микрофонами западных радиостанций призваны содействовать, по замыслу руководителей этих радиостанций, сохранению видимости объективности и способствовать углублению доверия к этим передачам радиостанций со стороны радиослушателей. Доверие же это следует использовать для постепенного внедрения в сознание радиослушателей антикоммунистической пропаганды, которая целенаправленно ведется изо дня в день.

Вот пример того, как трактовала «свободу печати» газета «Смена». Некий К. Гулиш в «Разговорах о свободе» писал: «Свобода печати. Понятие достаточно широко используемое, но что оно, в сущности, означает? Много: свободу информации, свободу взглядов, свободу критики, но прежде всего право на свободу ошибаться» («Смена», 16.IV.1968 г.). Стремясь оказать воздействие на молодежь, «Смена» прибегала к помощи апробированного интерпретатора «демократического социализма» А. Лима, который писал в этой газете от 13 июля того же года: «О том, насколько тот или иной из нас овладел принципами журналистской этики, мы будем решать сами. Мы взрослые люди, а не ученики».

Кроме неорганизованной массы любителей, которая, кстати, имела мало возможностей для высказывания своих взглядов, в средствах массовой информации и пропаганды ЧССР орудовали хорошо организованные и обученные группы газетных и телевизионных «зубров-профессионалов», обладавших широкой известностью и отбиравших и обрабатывавших информацию в самом широком смысле этого слова. Общественность оказывалась в положении «потребителя информации», вынужденного глотать то, что ему предложат, выслушивать частные мнения, выдаваемые за всеобщие, потребителя, которого не берегут от воздействия самых различных фальсификаций, дурного вкуса и прочих информационных отбросов. А главное — общественность не имеет прямого влияния на средства информации (разве что перестанет покупать газеты, выключит радио- или телеприемник).

Выступая на съезде журналистов в 1968 году, небезызвестный А. Лим требовал, чтобы «печать действительно принадлежала тем, кто ее создает, кто в ней работает» («Млада фронта», 25.VII.1968 г.). Нетрудно понять, что Лим выступал за такую «свободу печати», которая позволяла заменить отмененную к тому времени правительственную цензуру цензурой самих работников органов информации и пропаганды, подпавших под влияние правых и антисоциалистических сил.

Столь упорная борьба за «свободу печати» имела совершенно ясную цель: порвать с руководством марксистско-ленинской партии и связать себя с фракционными группами или с правооппортунистическим центром в руководстве, выдвинуть на передний план те направления, которые ослабляли фундамент революционной партии.

Вот что более пятидесяти лет назад В. И. Ленин писал о буржуазной «свободе печати»: «Свобода печати во всем мире, где есть капиталисты, есть свобода *покупать* газеты, *покупать* писателей, *подкупать* и покупать и фабриковать «общественное мнение» *в пользу буржуазии*... Мы ясно видим *факт:* «свобода печати» означает *на деле* немедленную покупку международной буржуазией сотни и тысячи... писателей и организацию их пропаганды, их борьбы против нас» [1].

И именно такую «свободу печати» отстаивали пропагандисты «чехословацкой модели социализма». Ведь эта «свобода» позволяла им фабриковать «общественное мнение» в пользу буржуазии. Пропагандисты «чехословацкой модели социализма» отстаивали и пресловутую «свободу критики», объектом которой могло стать все, что угодно. Рассматривая вопрос о «свободе критики» в рабочем движении, В. И. Ленин писал: «Кто не закрывает себе намеренно глаз, тот не может не видеть, что новое «критическое» направление в социализме есть не что иное, как новая разновидность *оппортунизма.* И если судить о людях не по тому блестящему мундиру, который они сами себе надели, не по той эффектной кличке, которую они сами себе взяли, а по тому, как они поступают и что они на самом деле пропагандируют,—то станет ясно, что «свобода критики» есть свобода... внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов» [2].

В 1968 году в Чехословакии проводилось много различных дискуссий, в ходе которых высказывались социал-демократические, буржуазно-либеральные, националистические и даже людацкие взгляды. Здесь важно подчеркнуть не только то, что эти взгляды высказывались открыто, но и то, что взгляды людей, стоявших на партийных, интернационалистических позициях, отвергались или игнорировались, что многие и не стремились скрывать свой антимарксистский образ мышления. Отстаивая пресловутую «свободу печати», «свободу критики» при социализме, правые и антисоциалистические силы в Чехословакии стремились развязать себе руки в борьбе за власть, в борьбе против КПЧ.

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 79.
[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 9.

В своей известной работе «Партийная организация и партийная литература» В. И. Ленин выдвинул и блестяще обосновал принцип, который сохраняет всю свою силу и в наши дни: «Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной ...партийной работы»[1]. В. И. Ленин глубоко понимал всю сложность этой проблемы. «Спору нет, литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата»[2].

Характеризуя марксистское понимание принципа свободы, В. И. Ленин писал: «Каждый волен писать и говорить все, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная. Но ведь и свобода союзов должна быть полная. Я обязан тебе предоставить, во имя свободы слова, полное право кричать, врать и писать что угодно. Но ты обязан мне, во имя свободы союзов, предоставить право заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то-то и то-то. Партия есть добровольный союз, который неминуемо бы распался, сначала идейно, а потом и материально, если бы он не очищал себя от членов, которые проповедуют антипартийные взгляды»[3].

Антикоммунистически настроенные реформаторы подвергли ревизии и основное понятие нашей эпохи, понятие социализма. Они ратовали не за социализм, а за «туманный социализм», за «социализм с человеческим лицом» и — особенно — за «демократический социализм». Так социализм и демократия оказались противопоставленными друг другу, причем было абсолютно «забыто» основное положение ленинизма о неразрывном единстве этих понятий.

Многие чехословацкие журналисты начали активно насаждать буржуазное понимание демократии, умышленно умалчивая

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 101.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 102—103.

о том, что оно использовалось буржуазной пропагандой для защиты эксплуататорского характера буржуазного строя. В социалистическом же обществе пропаганда этой «демократии» играла на руку лидерам антикоммунизма.

Как известно, характерные для целого ряда чехословацких газет и журналов жесткая директивность, начетничество, отсутствие достаточной информации породили в начале шестидесятых годов естественную реакцию протеста. Вместе с тем выявилась и другая крайность — в газетах и журналах не уделялось должного внимания убедительным комментариям и анализам, умалялось значение передовиц, слишком большое место отводилось уголовной тематике, сексу и развлекательным рубрикам. В этот период появились и различного рода теории и концепции, сводившие роль печати лишь к функции информации. Вместе с тем предавался забвению классовый характер печати как инструмента воздействия на массы, а в классово разделенном мире — и орудия осуществления власти. Здесь уместно напомнить о том, что, определяя основные задачи прессы, В. И. Ленин имел в виду прежде всего то, что она должна способствовать осуществлению конкретных практических задач социалистического переустройства общества.

Вот что писал В. И. Ленин: «Если посмотреть на наши газеты, то легко убедиться в том, какое непомерно большое место уделяем мы еще вопросам, поставленным буржуазией,— вопросам, которыми она хочет отвлечь внимание трудящихся от конкретных практических задач социалистического переустройства. Мы должны превратить,— и мы превратим,— прессу из органа сенсаций, из простого аппарата для сообщения политических новостей, из органа борьбы против буржуазной лжи — в орудие экономического перевоспитания массы, в орудие ознакомления массы с тем, как надо налаживать труд по-новому» [1].

В Чехословакии в шестидесятые годы в журналистике прочно закрепились термины «средства массовой информации», «средства массовой коммуникации» и тому подобные. Но эти термины имеют смысл лишь постольку, поскольку осознается и другая сторона *журналистики как средства пропаганды, идеологического воздействия на массы.* Конечно, факты — упрямая вещь, воздействие фактов велико, но нельзя сосредоточивать все внимание только на фактах, а тем более переоценивать объективность всякой информации. Действительность такова, что в мире не существует деидеологизированной информации. Информация не может не

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 149.

носить классово-идеологического характера. Инфомация отражает общественные явления, преломляет их через призму субъективных взглядов, а эта субъективная интерпретация воздействует определенным образом на массы через печать, радио, телевидение или документальное кино. Сторонникам буржуазной «свободы печати» не следовало бы забывать о том, что вся система буржуазной информации построена на строгом отборе и даже на прямой фабрикации псевдоинформации, поскольку она призвана манипулировать общественным мнением. Редактор буржуазной газеты или журнала отбирает сообщения, комментирует их, определяет очередность и способ их подачи, увязывает их с другими сообщениями, руководствуясь определенными классовыми, политическими соображениями. На радио и телевидении подобную работу осуществляет режиссер, отбирая, монтируя и вырезая те или иные выступления.

Даже простая «фотография» реальности является ее интерпретацией. Но социалистическая публицистика не может ограничиваться одной лишь подачей фактов. Она еще и анализирует то, что происходит и что должно произойти, а кроме того, она изыскивает и наиболее удобные формы для решения определенных политических задач, руководствуется научной идеологией.

Социалистическая журналистика делает акцент на определенной оценке фактов, она рассматривает не просто факты, как таковые, но и выявляет их связи, классовую основу. Социалистическая журналистика именно тем и отличается от журналистики буржуазной, что дает глубокий анализ отдельных социальных явлений, а результат этого анализа она предоставляет не горстке избранных, а самым широким массам читателей и слушателей, втягивая их в политическую жизнь, побуждая их к активным действиям. В. И. Ленин в свое время требовал от прессы, чтобы она не уделяла столь много места и внимания тем мелочам политики, тем личным вопросам политического руководства, которыми буржуазия стремится отвлечь внимание народных масс от действительно серьезных, глубоких и коренных вопросов их жизни. Задача заключается в том, подчеркивал Владимир Ильич, чтобы «превратить прессу из органа преимущественно сообщения политических новостей дня в серьезный орган экономического воспитания масс населения» [1].

Эти указания В. И. Ленина особенно важно вспомнить сейчас, при анализе деятельности чехословацких органов печати в

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 146.

период известного кризисного развития страны, когда они не только не выполняли своей агитационно-организаторской функции в смысле пропаганды социалистических принципов, но чаще всего воздействовали на массы в прямо противоположном направлении.

«Свобода критики» по-ревизионистски

Рассматривая деятельность средств массовой информации и пропаганды в 1968 — начале 1969 года, можно выявить, кроме всего прочего, ряд тенденций, выражавших явно ошибочные и вредные политические концепции. Прежде всего необходимо отметить умаление классовых принципов, благодушие в идеологической работе, недооценку воздействия буржуазной идеологии, нежелание давать отпор мелкобуржуазным тенденциям внутри страны и идеологическим диверсиям извне.

Так, в области журналистики, например, мы сталкиваемся с неправильным пониманием *роли критики*. Призывы подавать информацию «по-новому» на практике приводили к тому, что появился повышенный спрос на информацию определенного толка, на информацию «с душком». О чем здесь идет речь? Когда в ряде газет и журналов давалась информация о работе партийных органов, внимание прежде всего уделялось оппозиционным выступлениям, без глубокого разбора их основных положений. На редакционных советах, равно как и на партийных собраниях редакций, обычно только один человек — как правило, основной докладчик — отстаивал политику партии, а остальные, не приводя никакой аргументации, предпочитали ставить вопросы. Необходимость изучения принятых партийных решений игнорировалась.

В редакции ряда газет и журналов применялись неправильные методы работы, укоренялась практика «незаинтересованной» постановки задач, объективистской подачи информации идеологического характера, обильно цитировались высказывания буржуазных государственных деятелей. Из буржуазной прессы перепечатывалась информация, носившая подстрекательский характер; сообщения об ультрарадикальной «весне» в молодежном движении подавались таким образом, что их можно было расценивать как своего рода намек на то, как следует формировать подобные течения в нашей среде. Свои «плоды» принесла и пресловутая договоренность о сотрудничестве с буржуазной прессой и

радио: чехословацкое радио отводило много времени цитатам из буржуазной печати, а передачи корреспондента западногерманского радио строились на цитатах из чехословацкой печати.

Характерное для ряда газет и журналов стремление просто «информировать» читателя привело к тому, что было забыто столь острое оружие, как публицистика; быстро увеличилось число «чистых» сообщений, что в конечном итоге приводило к дезинформации. В мутном потоке материалов о сексе, о кинозвездах, об иностранных товарах нелегко было выделить действительно ценную информацию.

Статьи газет и журналов, передачи радио и телевидения изобиловали такими словами, как «свобода», «патриотизм», «демократия», «гуманность», «пристойность», «социализм с человеческим лицом». При этом утрачивалось реальное представление о классово разделенном мире.

«Возродители» от журналистики, а точнее сказать, жонглеры общественным мнением, ловко орудовали этими словами и понятиями, преследуя свои грязные цели. Они не только использовали, но и просто грубо злоупотребляли всей буржуазной практикой выбора тем, отбора и произвольного сокращения сообщений, незаметного включения в текст собственных комментариев, тенденциозности в подборе и расположении материала, в «исследованиях» общественного мнения, организации «откликов» читателей и т. д. «Возможности одного лица выступать против неверных взглядов или защищаться от сговоров,— писал В. Солецкий в статье «Средства информации без маски»,— были весьма ограничены: у персонала редакций, вооруженного иронией или набором ярлыков, арсеналом дополнений или замечаний, располагавшего постоянной возможностью организовать поток читательских писем протеста, а на телевидении — возможностью соответственного монтажа дискуссионных выступлений, у этого персонала всегда была возможность дискредитировать противника» [1].

О тогдашней практике чехословацкой журналистики говорится в письме члена ЦК КПЧ Б. Хнеупека, которое братиславская «Правда» 16 октября 1969 года опубликовала в качестве введения к его выступлению на майском (1968 г.) пленуме ЦК КПС под названием «Только прошлое может пролить свет на современность». В письме говорится: «Я обращаюсь к Вам с просьбой опубликовать мое выступление в прениях на прошлогоднем майском пленуме ЦК КПС, проходившем в Братиславе.

[1] «Tribuna», č. 5, 12.II.1969.

Я полагаю, что нижеследующие доводы в достаточной степени объясняют мою просьбу: мое выступление не было опубликовано в партийной печати (лишь по требованию группы членов Центрального Комитета оно было размножено как внутрипартийная информация), однако, несмотря на это, оно стало объектом нападок в газетах и на различных партийных форумах. В духе царившей тогда «свободы слова» и выступлений оперировали моими произвольно вырванными из контекста якобы «консервативными», «левацкими» и «сектантскими» заявлениями на пленуме ЦК, не давая мне в то же время возможности ни опубликовать полный текст выступления, ни ответить на критику. Для примера упомяну лишь о передовице, опубликованной в июне прошлого года в «Нове слово», о статье Эда Фриша, опубликованной уже в начале 1969 года в «Листах», об июньском (1968 г.) партийном собрании в Словацкой Академии наук, на котором выступил д-р В. Маняк.

Я оставляю в стороне вопрос о том неблагоприятном влиянии, которое оказали на мою судьбу эти нападки, проводившиеся в атмосфере царивших тогда эмоций и всеобщей истерии. Речь для меня идет о возможности помочь воссозданию объективной картины прошлогоднего политического развития: показать, что тогда существовали и другие взгляды на то опасное состояние, в котором оказались партия и общество, что предлагались и такие мероприятия, которые, по моему мнению, следовало провести, чтобы дело не дошло до трагедии, поскольку современность можно понять только через прошлое. К сожалению, к советам подобного характера не прислушивались. Тому, что еще следовало изучить, верили без дискуссий, то, к чему еще нужно было внимательно присматриваться, — сразу же утверждалось, чего следовало избегать,—сразу принималось. Через два месяца после того пленума политики, стоявшие на реалистических позициях, оказались не в состоянии воздействовать на политическую ситуацию. Затем наступил долгий период, в действительности продолжавшийся до недавнего времени, когда эти политики оказались в ситуации, сходной с положением политических противников Людовика XIV. Тот, как известно, сначала выслушивал представителей оппозиции, а затем предавал их казни, чтобы самому осуществлять их проекты. Так было и у нас: главный и смертный грех «реалистов» заключался, очевидно, в том, что свои взгляды они высказывали примерно на год раньше того времени, когда их — уже без всякого риска — можно было высказывать...»

Есть множество доказательств, свидетельствующих о манипулировании общественным мнением, об игнорировании высказываний читателей и тех официальных представителей, которые прочно стояли на позициях марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Об этом свидетельствует, например, явно тенденциозная обработка письма бывших партизанских и армейских командиров редакторами братиславской «Правды». Вот как рассказывалось об этой фальсификации документа несколько позднее в братиславской «Правде» от 20 августа 1970 года:

«В августовские дни два года назад контрреволюционные и антисоциалистические элементы в нашей стране уже утратили всякую сдержанность и перешли — от имени выдуманного и прокламируемого ими единства народа — к прямому наступлению на все, что было сделано у нас со времен войны. Главным образом им мешал наш союз с СССР и другими социалистическими странами. Их цель была ясна — разбить то, что выковывалось в тяжелой и героической борьбе с фашизмом, то, что гарантировало мирную жизнь в свободной республике.

В этой эмоциональной атмосфере ясно и твердо прозвучали слова сорока видных организаторов антифашистской борьбы, сорока бывших партизанских командиров, безбоязненно и по глубокому внутреннему убеждению написавших открытое письмо. Они написали в этом письме то, что следовало написать в то время, подписались под ним и отправили его в Москву. Письмо было адресовано советским друзьям, соратникам. 20 августа 1968 года оно было опубликовано на страницах братиславской «Правды», но не в том виде, в каком его написали бывшие партизаны, а с исправлениями, которые внес — по инициативе бывших редакторов «Правды» Франтишека Сикоры и Яна Ионака — Само Фалтян. Сделано это было, разумеется, без согласия авторов.

Два года спустя мы публикуем подлинный текст письма. Одновременно мы попросили авторов рассказать читателям, что побудило их тогда написать подобное письмо». Итак, говорит бывший комиссар Горнонитранской партизанской бригады, инженер Франтишек Мишей:

«Мы считали необходимым открыто высказать свои взгляды, выступить против действий контрреволюции. Мы решили выступить за дружбу с Советским Союзом, за сохранение завоеваний социализма в нашей стране.

Вместе с товарищем Хагаром мы подготовили проект открытого письма нашим советским друзьям и соратникам. Это письмо,

кроме нас, подписали еще тридцать восемь бывших партизанских и армейских командиров, деятелей антифашистского Сопротивления. В то время, когда контрреволюционные элементы с ведома Дубчека и ему подобных изображали в черном цвете все наше социалистическое развитие, мы написали: «Мы полны решимости сохранить столь дорого купленную свободу, новую Чехословацкую Социалистическую Республику, осуществившую социальную и национальную справедливость, союз и дружбу с Советским Союзом. Мы полны решимости сохранить их и честно и достойно передать новому поколению».

Не имея никаких сомнений в целях выступления авторов письма, реакционные элементы в средствах информации договорились бойкотировать любой положительный отклик на этот призыв. Наиболее активно в этом отношении проявили себя некоторые люди в редакции братиславской «Правды», где они организовали политическую контркампанию. С ведома возглавлявшей тогда редакцию Марии Седлаковой эти люди, среди которых находился и Само Фалтян, произвели самочинную правку письма, стремясь ослабить политическую остроту нашего выступления против контрреволюции. Даже сам заголовок — «Мы полны решимости сохранить завоевания социализма» — они изменили, дав ему следующую «редакцию»: «Наша дружба укрепится через развитие демократии».

Чего добивались эти люди из братиславской «Правды»? Мы написали, что полны решимости сохранить завоевания социализма. А «Правда» заменила это словом «развитие»... По-моему, развивать можно что-то, что твердо держишь в своих руках, чем надежно владеешь. Но руководство партии и правительства в то время не только не хранило дело партии, социализма и дружбы с Советским Союзом, но даже и не могло прочно удерживать его в своих руках. Как раз наоборот.

В то время как мы писали, что современные усилия, направленные на развитие социалистической демократии и осуществляемые в нашей стране под руководством партии, ни в коем случае не могут быть ослаблены союзом и дружбой с СССР, редакция братиславской «Правды» вместе с Само Фалтяном написала, что то, что делается у нас «под новым руководством Коммунистической партии, укрепит нашу дружбу...» [1]

Это лишь один из примеров той практики, которой придерживались правые в средствах информации и пропаганды.

---

[1] «Pravda», 20.VIII.1970.

В жизни Чехословакии 1968 — начала 1969 года есть сотни примеров того, как лозунг «свобода критики» использовался для достижения субъективистских и антисоциалистических целей. Приемы некоторых газет выглядели как неприкрытая насмешка над социалистическими принципами критики: место позитивных предложений заняла пачкающая, нигилистическая критика.

Как известно, ленинский подход к критике социальных явлений определяется классовой позицией. К отрицательным явлениям, учил В. И. Ленин, следует подходить диалектически, отыскивая в них основу всего реакционного, негативного. Отвергая эту негативную, реакционную основу, ленинская критика вместе с тем учит способствовать развитию всех прогрессивных сторон социальных явлений.

После января 1968 года в редакциях ряда газет и журналов, на радио и телевидении антисоциалистические силы стали готовить почву для дальнейшего расширения манипулирования общественным мнением. В этих целях скепсис и сомнение были превращены ими в основной смысл всей жизни и деятельности людей. Обоснованные критические замечания, высказывавшиеся в некоторых коллективах, антисоциалистически настроенные журналисты, конечно, охотно, но в искаженной форме доводили до сведения сотен тысяч людей, ибо они хорошо знали, что подобные методы способствовали внутренней демобилизации масс, порождая ложную иллюзию, будто партийное руководство продолжает прочно удерживать власть в своих руках.

В действительности ситуация сложилась такая, что честные коммунисты и подлинные патриоты стремились устранить последствия совершенных ранее ошибок, а антисоциалистические силы всячески старались использовать их для дискредитации социалистической системы в целом. Причем ошибки и недостатки они преподносили как проявление сущности социалистического строя; мещане восхваляли ревизионизм, противники социализма — «возрожденческий социализм» А. Дубчека. Одни хотели устранить имевшиеся ошибки и недостатки с помощью анализа, а другие стремились использовать их для развертывания фронтального наступления на социализм.

Известно, что в самом начале своей работы «Что делать?» В. И. Ленин разоблачил существовавший тогда лозунг «свободы критики» как порождение оппортунизма. Говоря о том, что под флагом «свободы» велись войны и обкрадывались трудящиеся, В. И. Ленин далее писал: «Такая же внутренняя фальшь заключается в современном употреблении слова: «свобода критики».

Люди, действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, требовали бы не свободы новых воззрений наряду с старыми, а замены последних первыми». И далее: «...не пачкайте великого слова свобода, потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!» [1]

Следует отметить, что антикоммунистические и диверсионные центры Запада, не останавливаясь перед прямой ложью и полуправдами, выдают случайные явления за всеобщие, нетипичные — за закономерные. В то же время они пытаются создать видимость того, будто речь идет не об отрицании социалистической действительности, а лишь об исправлении, устранении ошибок. Характерно и то, что в своих передачах на Чехословакию буржуазные радиостанции занимались и занимаются популяризацией явлений, которые в самих буржуазных странах оцениваются в целом отрицательно, например «студенческие бунты», «движение хиппи» и т. п.

Все эти методы были вполне усвоены и чехословацкими «возродителями». В 1968 — начале 1969 года многие чехословацкие газеты и журналы весьма далеко отошли от основополагающих принципов социалистической печати, выработанных В. И. Лениным, и предали их, отвергли руководящую роль партии, отказываясь от классового подхода к оценке событий.

Глубокий анализ — исходный пункт успешной работы

Важную роль в анализе контрреволюционного развития в Чехословакии, достигшего своей вершины в августе 1968 года, играет сопоставление империалистических концепций психологической войны с некоторыми явлениями, имевшими место в чехословацкой журналистике того времени. Будучи составной частью антикоммунизма, эти концепции за последнее десятилетие пережили целый ряд модификаций, а в ходе «чехословацкого эксперимента» обогатились практикой деятельности правооппортунистических сил в партии и антисоциалистических групп в обществе, которая в конечном счете вылилась в контрреволюционные акции.

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 9—10.

Чехословацкие публицисты серьезно и глубоко анализируют сегодня различные проявления идеологической диверсии, осуществлявшейся в 1968—1969 годах с помощью печати, радио и телевидения. Они приводят убедительные факты антисоциалистической деятельности.

Правооппортунистические и антисоциалистические силы Чехословакии применяли самые разнообразные по форме концепции — «великой стратегии», «мирных контактов» и пресловутую джонсоновскую доктрину «наведения мостов». Заметная роль отводилась средствам массовой информации и пропаганды. В этих концепциях и доктринах упор делается не столько на идеологию, сколько на психологию. Многочисленные антикоммунистические центры США, ФРГ и других капиталистических стран разработали ряд методик, с помощью которых они довольно эффективно воздействуют непосредственно на эмоции человека, используя при этом отсталые настроения, национализм и т. п. Стремясь добиться разложения социалистического общества изнутри, антикоммунистические центры использовали и используют научные, культурные, экономические и туристические связи для пропаганды буржуазного «образа жизни», достижений «западной цивилизации». Ключевая роль в этом деле отведена антисоветизму. Для Чехословакии особенно опасен тот антикоммунизм, который вытекает из реваншистских устремлений реакционных сил западногерманского империализма, стремящегося изменить статус-кво в Европе.

Правда, цели этого империализма не всегда ясно сформулированы, ведь лидеры реваншизма и милитаризма умышленно пользуются туманной терминологией. Но для народов Чехословакии, которые на протяжении тридцатых годов дважды испытали агрессию германского милитаризма, усилия западногерманских реваншистов тем более опасны.

В развитии послеянварских событий 1968 года можно выделить следующие основные факторы, способствовавшие действиям контрреволюции:

— в то время как честные, принципиальные коммунисты стремились исправить ошибки и недостатки прошлого, *правооппортунистические группы* партии использовали эти ошибки для очернения КПЧ, стремясь ликвидировать революционную партию марксистско-ленинского типа;

— слабостью партийного руководства воспользовались *антисоциалистические силы* внутри страны, активизировавшиеся под лозунгом «демократического социализма» и «политического плю-

рализма»; особо активную роль в пропаганде этих лозунгов сыграли средства массовой информации;

— *зарубежные антикоммунистические центры* применили заранее разработанные концепции разложения партии изнутри, прибегнув к различным, гибко изменяющимся применительно к ситуации формам и методам.

Сегодня совершенно ясно, что после января 1968 года далеко не каждый, говоривший об исправлении ошибок и развитии социализма, был в этом действительно заинтересован. Бурную деятельность развили различного рода «романтические марксисты» и ослепленные «патриоты», наивные политики и политические вредители, политические дилетанты с гипертрофированными амбициями и т. п. Развивали свою деятельность также различные антисоциалистические группы и отдельные лица. Но существовали и центры, которые вносили определенную «организацию» в этот хаос.

Однако более или менее точно классифицировать тех людей, которые выступали после января 1968 года за «возрождение» социализма, нелегко. Как правило, все антисоциалистические течения рядились в социалистические одежды и оперировали марксистско-ленинской терминологией. И это одна из новых черт антикоммунизма. Конечно, не всех, кто участвовал в критике ошибок и недостатков и так или иначе стремился к их исправлению, можно считать антисоциалистами. В этот период действовал неумолимый закон истории: при определенных условиях колеблющиеся становятся изменниками, а люди, нетвердые в своих взглядах, нередко скатываются на такие позиции, на которых они первоначально и не помышляли оказаться.

Поэтому гораздо легче с принципиальных позиций оценивать общие направления, характеризующие деятельность средств массовой информации и пропаганды, чем судить о конкретных людях, которые неправильно повели себя в то время или примкнули к различным антисоциалистическим группам.

Необходимо иметь в виду, что речь идет и о людях, которые действительно были заинтересованы в исправлении положения в партии и государстве после января 1968 года; их усилия приветствовали и поддерживали сотни тысяч честных коммунистов.

Далее, следует видеть также группы людей, заботившихся прежде всего о своих «шкурных» интересах; для них подчас ничего не стоило удариться и в противоположную крайность.

Определенную группу составляли нетерпеливые, неопытные, наивные люди, легко перебегающие из лагеря в лагерь.

Была в партии и группа правых деятелей, которые в прошлом были связаны с революционным движением; эти люди, зараженные мелкобуржуазными предрассудками, имелись даже в высших органах партии и государства; именно они составляли главный резерв антикоммунистических сил.

Особняком стояли так называемые «элитаристские» группы, сформировавшиеся из различных категорий; представители этих групп рассматривали себя либо как выразителей «совести» народа, либо как тех людей, которые выдвигали иные претенциозные требования.

В Чехословакии существовала и группа классово чуждых социалистическому обществу людей, представителей бывших эксплуататорских классов; к ней следует отнести прежде всего тех, кто после 1945 или 1948 года был лишен своих привилегий. Часть представителей этой группы занималась честным трудом, часть продолжала пассивное сопротивление, но еще одна часть проявляла активность в подпольных группировках и позволяла руководить своей деятельностью различным антикоммунистическим центрам и организациям типа радиостанции «Свободная Европа» или сионистским организациям.

Наконец, существовала и группа лиц, непосредственно руководимых разведками империалистических государств. Эта группа была наиболее опасна, поскольку ее представители руководствовались директивами из-за рубежа.

Сразу же оговоримся, что подобная классификация сугубо условна, поскольку она построена на основе действий и выступлений представителей перечисленных групп в 1968—1969 годах. Речь здесь идет не о формальном отнесении людей к той или иной группе, а о попытке проникнуть в сложную расстановку сил внутри чехословацкого общества, которую «социологи» типа Махонина изучали, исходя из сомнительных критериев. Относить людей к определенным группам трудно еще и потому, что некоторые из них претерпевали известную эволюцию в своих взглядах, на определенном этапе позволяли увлечь себя, а о некоторых можно судить, только сравнивая их слова и поступки и т. д. При этом следует иметь также в виду особо вредную роль антикоммунистических центров США и ФРГ, непосредственно участвовавших в организации идеологических диверсий и проводивших психологическую «обработку» населения, роль милитаристских кругов ФРГ, сионистских организаций, влияние которых было весьма велико, эмигрантских организаций, формально приписанных к различным «общественным» институтам, людацко-клери-

кальных групп, подчиняющихся Ватикану и действующих по каналам «Движения соборного обновления», и т. п.

Исходя именно из этих и многих других аспектов, мы и попытаемся здесь еще раз более конкретно проследить деятельность подпавших под влияние правых и антисоциалистических сил средств массовой информации и пропаганды.

Большую долю ответственности за опасное развитие событий в Чехословакии 1968 — начала 1969 года несут прежде всего союзы словацких и чешских журналистов и правление Союза журналистов ЧССР. Союзы журналистов, так же как и другие творческие союзы, объединявшиеся «Координационным комитетом», изменили своим действительным обязанностям и функциям, а пробравшиеся на руководящие посты в эти союзы деятели превратили их в органы давления «плюралистического общества» и протаскивали через них всевозможные антисоциалистические концепции.

Ошибочные политические взгляды и концепции нашли свое отражение и в Уставе Союза журналистов ЧССР, принятом на «чрезвычайном съезде». Данный Устав в отличие от предшествующего не содержал формулировки о руководящей роли партии. *В нем было лишь общее заявление об уважении* «Программы Национального фронта», «социалистических принципов», «демократических форм» и «гуманистических традиций». Задача правления Союза журналистов была сформулирована в Уставе следующим образом: охранять свободу слова и печати, обеспечивать соблюдение Всеобщей декларации прав человека. Задачи национальных союзов журналистов формулировались в духе тезисов о «демократическом» и «гуманистическом» социализме. Подобные же тезисы легли в основу и других документов органов Союза журналистов. Вследствие неправильной позиции правления Союза журналистов ЧССР были прерваны связи с братскими социалистическими союзами журналистов, которые удалось восстановить лишь в конце 1969 года.

Так называемый «чрезвычайный съезд» Союза журналистов ЧССР состоялся в Праге 21—22 июня 1968 года. 23 июня прошли внеочередные съезды чешских и словацких журналистов. На чрезвычайном съезде Союза журналистов ЧССР правые силы уже открыто выступили со своей антисоциалистической программой, наглядно показав, что этот съезд нужен был им лишь как трибуна. Об этом свидетельствуют выступления на съезде А. Лима, И. Ледерера, И. Румла и других. Из числа словацких делегатов на съезде выступила редактор словацкого радио Ота Плав-

кова, критически высказывавшаяся о слишком медленном, по ее мнению, ходе процесса «возрождения» в Словакии. В своем выступлении она критиковала руководящих партийных работников и партийные органы Словакии и предложила даже изменить их состав.

Во время перерыва в работе чрезвычайного съезда группа словацких делегатов состряпала антипартийное письмо, в котором грубо, без каких бы то ни было фактов и доказательств нападала на руководящих работников ЦК КПС и государственных органов Словакии (В. Биляка, Я. Яника, М. Лучана и других) и требовала снятия их с занимаемых постов. Свою личную точку зрения авторы письма выдавали за мнение всех словацких журналистов-коммунистов и, пустив по рукам подписной лист, стремились собрать делегатов на фракционное собрание еще до открытия чрезвычайного съезда словацких журналистов, которое должно было состояться 23 июня 1968 года. Таким образом, они намеревались повлиять не только на программу и ход работы съезда, но и на его решения. Редактор «Смены» Я. Чомай потребовал, чтобы на съезде Союза словацких журналистов было обсуждено содержание вышеназванного письма. Он же предложил дополнить текст письма новыми антипартийными требованиями. Но в ходе развернувшейся дискуссии лишь делегат Р. Ольшинский поддержал это требование Чомая. Хотя съезд и не обсуждал содержания письма и даже подчеркнул, что не имеет с ним ничего общего, Я. Чомай счел возможным дать интервью корреспонденту чехословацкого радио (оно передавалось в вечерних новостях радиостанции «Прага» 23 июня 1968 года), в котором ложно заявил, будто бы съезду словацких журналистов предложено для обсуждения письмо, в котором делегаты-коммунисты высказывают недоверие руководящим партийным работникам и работникам аппарата ЦК Компартии Словакии.

Хотя чрезвычайный съезд словацких журналистов и принял ряд правильных решений относительно профессиональных вопросов журналистской деятельности, но некоторые его решения были непродуманными, нереальными и даже политически ошибочными, вредными.

Все эти политически ошибочные решения явились результатом тех тенденций, которые созревали еще раньше. Сразу же после январских изменений в руководстве КПЧ правые и антисоциалистические группы Союза журналистов ЧССР развернули кампанию, ставившую своей целью оказать политическое давление на партийные и государственные органы. Именно они попы-

тались воспользоваться передачей издания «Литерарни листы» в ведение министерства культуры для радикального изменения ориентации Союза журналистов ЧССР и для захвата ключевых позиций в правлении этого Союза.

В руководстве Союза были произведены изменения; правые группы, во главе которых стояли И. Румл, И. Ледерер и др., повели наступление на принцип партийного руководства печатью, начали требовать отмены цензуры и т. п. В этот период в органах массовой информации и пропаганды почти ежедневно фабриковались резолюции с требованием ухода в отставку ряда партийных и государственных деятелей. Придерживавшиеся правой ориентации журналисты искали связи с правыми группами в профсоюзных органах и всячески приветствовали создание комитетов «рабочих» в защиту печати. Союз журналистов перестал представлять специфические интересы журналистов и перешел к политическим прокламациям и политическим кампаниям с целью давления на партийные и государственные органы.

Тех, кто хоть мало-мальски стремился отстаивать принципиальную точку зрения, правые незамедлительно стали называть «консерваторами», стремясь тем самым дискредитировать их и разоружить. В то же время постепенно начали окружаться ореолом, особенно среди интеллектуалов, различные оппозиционные взгляды, а те, кто ранее так или иначе был наказан, приобретали нимбы мучеников. Демагогическая критика без какого бы то ни было намека на поиск конструктивных решений приобретала все более изощренные формы. Постепенно вокруг такого печатного органа Союза чехословацких писателей, как «Литерарни листы», складывался оппозиционный центр, оказывавший влияние на многих работников культурного и научного фронта.

Не случайно, что отношение к мероприятиям сентябрьского (1967 г.) пленума ЦК КПЧ, направленным против оппозиционной платформы IV съезда Союза писателей и «Литерарних новин», послужило после января 1968 года основой для «классификации» правыми силами всех журналистов. Всякий, кто был критически настроен по отношению к оппозиции в Союзе писателей и в «Литерарних новинах», либо объявлялся «бездарным», либо подвергался политическому нажиму, который имел целью заставить его покориться и приспособиться.

Напомним, что V съезд журналистов ЧССР, проходивший 19—20 октября 1967 года, по основным вопросам деятельности Союза и в оценке политической ситуации занял принципиальную позицию. В резолюции съезда отмечалось, что «...как доброволь-

ная идейно-творческая и профессиональная общественная организация, Союз и впредь всей своей деятельностью будет способствовать тому, чтобы чехословацкая печать была активным помощником Коммунистической партии Чехословакии в ее революционной миссии. В этом смысле Союз будет активно стараться, чтобы в нашем обществе еще более эффективно осуществлялись функция и миссия журналистов, чтобы росло сознание их общественной ответственности...». В заключительной резолюции V съезда Союза журналистов ЧССР осуждались взгляды некоторых писателей и публицистов, высказывавшихся на IV съезде Союза чехословацких писателей в июне 1967 года, и та оппозиционная политике партии платформа, которую формировали «Литерарни листы». Однако вскоре положение существенно изменилось. Начались открытые нападки на линию, выработанную V съездом, и из активного помощника в строительстве социализма печать превратилась в помощника правых и антисоциалистических сил, которые выступили против марксистско-ленинской политики партии и против Советского Союза. После января 1968 года правые и антисоциалистические группы в Союзе навязали свою платформу всем органам печати и журналистам. Оппозиционные тенденции оказывали влияние на все более широкий круг журналистов.

На учредительном активе пражского отделения Союза журналистов ЧССР, состоявшемся 1 апреля 1968 года, И. Ледерер совершенно открыто высказал требование антисоциалистических сил: «Союз не может и не должен ни быть руководимым, ни находиться под влиянием какой-либо политической партии. Он должен быть абсолютно самостоятельной организацией, органы которой ни перед кем, кроме самого Союза, не несут ответственности!» Помимо еженедельника «Литерарни листы», в редакции которого И. Ледерер, А. Лим, А. Климент и др. формулировали тезисы «новой» плюралистической политической системы, в других редакциях также складывались группки их последователей и союзников. На радио — М. Вайнер, К. Кынцл, С. Вольный, И. Ездиньский, В. Штевичкова, И. Динстбир и др., на телевидении — К. Винтер, Б. Роган, В. Ваврa, В. Шкутина. Еженедельник «Студент» во всех проводимых правыми кампаниях играл роль застрельщика; «Праце» предоставила свои страницы Й. Смрковскому и В. Славику.

В такой атмосфере 21 июня 1968 года собрался чрезвычайный съезд журналистов ЧССР. Этот съезд был призван поставить во главе журналистской организации правую «элиту» и освятить

антисоциалистические стремления той группы, которая захватила в свои руки руководство Союзом. Вскоре эта группировка проявила себя в различных акциях, в антисоциалистических выступлениях в июле — августе 1968 года, продолжая свою враждебную деятельность и позднее.

Чехословацкое телеграфное агентство (ЧТК) также несет свою долю ответственности за общую антисоциалистическую ориентацию чехословацкой журналистики того времени. По материалам ЧТК в печати публиковались дезориентирующие читателей сообщения, ложные информации.

Анализ деятельности чехословацкого телеграфного агентства и анализ словацкого телевидения показывают, что антисоциалистические элементы действовали весьма умело и ловко во всех средствах массовой информации. Вот несколько примеров.

В редакциях газет, на радио и телевидении с помощью неверной интерпретации, порождавшейся тенденциозным сокращением текстов, очень часто искажались смысл и даже политическое содержание сообщений ЧТК, на что последнее не обращало никакого внимания. Некоторые сообщения ЧТК распространялись в специальном бюллетене, предназначавшемся лишь для внутренней оперативной информации. Но и эти сообщения также часто употреблялись во зло: газеты и радио произвольно цитировали их в своих обзорах иностранной печати и в комментариях.

Чехословацкое телеграфное агентство несет ответственность за публикацию многих материалов, не способствовавших созданию здоровой политической атмосферы. Такими материалами были, например, программное заявление «Клуба беспартийных активистов» («КАН»), материал о первом митинге «КАН» в Праге 18 мая 1968 года, сообщение о так называемой свободной трибуне на Староместской площади в Праге, сообщение о митинге в поддержку «демократической молодежи», информация о социологическом семинаре в Высшей политической школе ЦК КПЧ по проблемам современного процесса «возрождения» и др.

Постепенно менялась сама тематика сообщений ЧТК, о чем свидетельствуют сообщения о деятельности «КАН», материалы об «активном движении» в высших учебных заведениях Праги и другие материалы. Они публиковались под крикливыми заголовками: «Реабилитация журналистов», «Выход на свободу», «Несоответствие министра», «В защиту процесса возрождения», «Защита демократии» и т. п.

Значительный отход от классовых позиций в 1968 году наблюдался и у корпуса иностранных представительств ЧТК. Это

стало заметным уже во время Встречи представителей коммунистических партий в Будапеште в феврале 1968 года. В корреспонденциях ЧТК преобладали сообщения из капиталистических стран, в которых прославлялся «процесс возрождения» в Чехословакии. Корреспонденции же из социалистических стран, главным образом из СССР, были в то время сведены до минимума.

Предпочтение отдавалось информациям, призывавшим к изменению внешней политики ЧССР, к ее «самостоятельности» и «независимости» от политики других социалистических стран.

Публикация сообщений о событиях в ЧССР, поступавших «с той и с другой стороны», преподносилась как стремление «объективно» и «наиболее полно» информировать читателей, дать им представление об оценке этих событий в мире. Однако подобные публикации нельзя расценивать иначе, как, мягко говоря, проявление объективизма.

Особо важная, но непристойная, постыдная роль в создании атмосферы, благоприятствовавшей такому развитию событий в стране, которое привело к непосредственным контрреволюционным акциям, принадлежала чехословацкому радио и телевидению. И здесь вполне приложима указанная выше констатация связи между существовавшими правыми центрами в партии, контрреволюционными группами, действовавшими как в стране, так и за границей, и антисоциалистическими группами, которые узурпировали «право на свободу», отказывая в нем остальным, даже политическому руководству.

Как видно из заявления тогдашнего руководства чехословацкого радио («Руде право», 5.XI.1969 г.), после января 1968 года деятельность радио ЧССР под влиянием правых оппортунистов, занимавших многие ведущие и ключевые позиции, оказалась в противоречии с его традиционно революционными социалистическими и интернационалистическими позициями. Правые группы перестали считаться с решениями партийных органов, главным образом с резолюцией майского (1968 г.) пленума ЦК КПЧ, переориентировавшись исключительно на представителей право-оппортунистического течения внутри партии. Эти группы интенсивно пропагандировали тезис о «консервативном» и «прогрессивном» крыле в партии, широко популяризировали узкую группку так называемых «прогрессивных» политиков.

Под лозунгом борьбы за «новую модель социализма» антисоциалистические группы настолько злоупотребили возможностями радио, что в конечном итоге оно отошло от классовых, марксистско-ленинских и интернациональных позиций, активно включи-

лось в формирование атмосферы страха и морального террора, направленного против преданных социализму граждан, и тем самым значительно способствовало созданию условий для открытого выступления контрреволюционных сил.

С помощью политической демагогии, пропаганды абсолютной «свободы слова», с помощью морального террора и открытых угроз правые за короткое время сумели снять с руководящих постов честных коммунистов, поставить на их место нужных себе людей и распространить свое влияние на все программы радио.

Кроме передач типа «Клуб заинтересованного мышления», для создания необходимой правым атмосферы в стране были использованы многие другие передачи, в которых допускались более или менее замаскированные нападки на социализм, некритические «репортажи», прославлявшие жизнь в капиталистических странах, письма из капиталистических стран; стряпались специальные передачи, в которых проблема отчуждения рассматривалась применительно к социалистическому обществу, пропагандировалась религиозная символика, сеялись сомнения относительно социалистических ценностей и социалистического образа жизни. Параллельно с этими материалами передавалась «модерная» западная танцевальная музыка, причем в таких пропорциях, которые явно противоречили нашим культурным традициям.

В Праге и Братиславе на радио формировались особые «группы давления», требовавшие принятия соответствующих мер в отношении тех руководящих работников, которые-де мешали проведению «прогрессивных» мероприятий, группы, добивавшиеся автономии для журналистов, изменения в партийной направленности радио и т. д. «Клуб радиожурналистов Словакии» в своих требованиях ставил под сомнение руководящую роль партии, допускал демагогическую критику в адрес некоторых партийных работников. «Группы давления» распространяли тезис о народном характере средств массовой информации, а следовательно, о необходимости программ для всех слоев населения, включая и религиозные круги, настаивали на деидеологизации. Возникла концепция так называемого «журналистского профессионализма», в которой не осталось места для основного, определяющего профиль социалистического журналиста: внутренней убежденности и способности активно и заинтересованно отстаивать марксистско-ленинские принципы партии.

Стремление выйти из-под влияния Коммунистической партии, отвергнуть принципы демократического централизма связы-

валось одновременно с ориентацией на антисоциалистические силы. Выявилась и целенаправленная связь «групп давления» на словацком радио с подобными же группами на пражском радио и с другими группами публицистов.

В работе чехословацкого радио находили свое отражение те общеполитические тенденции, пропагандой которых занимались Шик, Славик, Фриш, Лебл и др. Пресловутая концепция «объективности» помогала антисоциалистическим силам в желательном для них духе воздействовать на слушателей.

Руководство чехословацкого радио постепенно уступало давлению правых оппортунистов, стремившихся прежде всего опорочить двадцатилетний период социалистического строительства в Чехословакии.

Во многих передачах ставились под сомнение основополагающие принципы марксизма-ленинизма, и это происходило в то самое время, когда велись ожесточенные нападки почти на все ценности социализма, на которых зиждется наше общество.

Правые оппортунисты и антисоциалистические силы стремились посеять сомнение в искренности позиции Советского Союза и остальных социалистических стран в отношении результатов январского (1968 г.) пленума ЦК КПЧ. Постепенно все это вылилось в откровенно антисоветскую кампанию, цель которой заключалась в том, чтобы оторгнуть Чехословакию от социалистического содружества. В радиопередачах все чаще подчеркнуто сообщалось, например, о передвижениях войск союзников в связи с проводившимися в ЧССР маневрами. Распространялись лживые утверждения, что-де социалистические государства угрожают суверенитету ЧССР. В июне 1968 года московский корреспондент чехословацкого радио сообщил о якобы недостаточной информированности советских людей в отношении развития событий в Чехословакии, а через несколько дней передал весьма дерзкий комментарий к статье в «Литературной газете» относительно пресловутых «2000 слов».

Своего апогея антисоветская кампания достигла тогда, когда возглавляемое А. Дубчеком руководство КПЧ приняло решение не участвовать во встрече представителей братских партий в Варшаве. Последовавшее за этим решением быстрое развитие событий нашло свое отражение и в радиопередачах. 16 июля 1968 года радио передало репортаж о пресс-конференции генерала Прхлика, который нагло очернил наших союзников по Варшавскому Договору. Днем позже К. Кынцл подчеркивал «правильность» решения не принимать участие в Варшавской встрече.

Затем дважды выступил С. Вольный, зачитывавший свои резко антисоветские комментарии. В журнале «Розглас» («Радио») была опубликована резолюция собрания работников радио от 18 июля, в которой тенденциозно подчеркивалось преимущество двусторонних переговоров с социалистическими государствами. В новой рубрике словацкой радиогазеты «Слово дня» Й. Стринка и А. Гикиш обратились к словацким участникам встречи в Чиерне-над-Тисой, а 30 июля в братиславских «Вторничных вечерах» выступила Зора Есеньская с призывом «защитить суверенитет Чехословакии».

Результаты анализа работы чехословацкого радио свидетельствуют о том, что уже летом 1968 года оно открыто изменило своим традициям и своему предназначению, став, по существу, рупором правооппортунистических, контрреволюционных сил.

Из анализа, подготовленного новым руководством словацкого телевидения, опубликованного в братиславской «Правде» 18—19 августа 1970 года под названием «Телевидение на распутье», вытекает, что словацкое телевидение также внесло свой неблаговидный «вклад» в подлое дело правооппортунистических и антисоциалистических сил. Эта характеристика полностью относится и к чешскому телевидению, поскольку большинство передач словацкого телевидения приходилось на ретрансляцию программ Пражского телецентра.

После январского (1968 г.) пленума ЦК КПЧ на пражском и словацком телевидении формируются два политических направления; представители одного из них стремились формировать телевизионные передачи в духе линии Коммунистической партии, а представители другого, выступившие на стороне пресловутого «возрождения», стали на сторону антисоциалистических и контрреволюционных сил.

Прикрываясь рассуждениями о «недостаточной боевитости» публицистики, правые силы, захватившие ключевые позиции на телевидении, вели явно провокационные передачи, в которых выступали П. Штевчек, Э. Лебл, Р. Калиский, З. Есеньская и др. Из Праги назойливо велись передачи о смерти Я. Масарика, о самоубийстве генерала Янко и заместителя председателя Верховного суда Брештянского, репортажи из тюрем и т. п. Стремление не отстать от Праги проявилось и у части работников словацкого телевидения.

Правые и антисоциалистические силы интенсивно формировали политический облик чехословацкого телевидения, создавали свой круг авторов из сторонников «демократизации».

* * *

Столь много места и внимания средствам массовой информации и пропаганды мы уделили главным образом потому, что в них наглядно проявились влияния, тенденции и конкретные действия контрреволюции. Не случайно в таком важном партийном документе, как «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», роли и значению этих средств уделяется большое внимание: *«Коммунистическая партия и социалистическое государство должны владеть всеми инструментами, необходимыми для достижения своих политических, классовых и идейных целей. Средства массовой информации — печать, радио, телевидение, кино — представляют исключительно важное орудие власти и массово-политического воспитания, руководство и контроль над которым никогда нельзя упускать марксистско-ленинской партии и социалистическому государству, чтобы дело социализма не подверглось серьезной опасности»* [1].

[1] «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 42.

Август 1968 года и предательские действия правых

Летом 1968 года эскалация антисоциалистических выступлений в Чехословакии приняла угрожающие масштабы. Факты показывают, что в это время здесь сложилась ситуация, которая была чревата не только кровавой контрреволюцией и гражданской войной, но и нарушением мира в Европе. К августу 1968 года четко выявились организованный характер всех сил контрреволюции в масштабе всей страны и их связь с зарубежными диверсионными центрами. Вместе с тем дальнейшие действия правого руководства КПЧ вели к тому, что КПЧ уже не могла противостоять этим организованным силам.

Акт интернациональной солидарности и помощи

«Объективная оценка и объяснение причин и взаимосвязей глубокого кризиса, в котором оказались КПЧ и все наше общество в 1968 г.,— говорится в «Уроках кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ»,— неопровержимо доказывают, что внутренние силы, парализованные политикой представителей правых сил в партийном руководстве, были не в состоянии мобилизовать себя и остановить фронтальное наступление контрреволюции. В таких условиях необходимо было принять решение — либо ждать, пока контрреволюция развяжет братоубийственную борьбу, в ходе которой погибнут тысячи людей, и лишь потом оказать интернациональную помощь, либо прийти вовремя и предотвратить кровавую трагедию даже ценой того, что сначала это не будет понято как внутри страны, так и за границей. Вступление союзнических войск в Чехословакию 21 августа 1968 г. предотвратило такое кровопролитие, и, следовательно, оно было необходимым и единственно правильным решением». И далее: «Вступление союзнических войск пяти социалистических стран в Чехословакию было актом интернациональной солидарности, отвечавшим как общим интересам чехословацких трудящихся, так и интересам международного рабочего класса, социалистического содружества и классовым интересам международного коммунистического движения.

Этот интернациональный акт спас жизнь тысяч людей, обеспечил внутренние и внешние условия для мирного и спокойного труда, укрепил западные границы социалистического лагеря и разрушил надежды империалистических кругов на пересмотр результатов второй мировой войны» [1].

Таким образом, в развитии чехословацких событий 1968 — начала 1969 года дело все же не дошло до кровавой контрреволюции, хотя общая антисоциалистическая, антикоммунистическая и антисоветская обстановка, психоз и истерия были на грани перерастания в такую фазу. Эти события можно лучше понять, если вспомнить венгерскую контрреволюцию 1956 года и ее последнюю ступень, когда люди со всей ясностью убедились в том, что такое белый террор. Контрреволюция тогда не щадила никаких ценностей, не брезговала никакими грязными методами, убийствами, вешанием коммунистов, интернационалистов, патриотов. В ЧССР братская интернациональная помощь социалистических стран предотвратила кровавую фазу, и благодаря этому Чехословакия была спасена от подобного этапа. В Венгрии четко проходила грань между контрреволюцией и социализмом. Усвоив уроки венгерской контрреволюции, антисоциалистические силы Чехословакии не хватались преждевременно за автоматы. Здесь они избрали несколько иной путь — путь постепенного разрушения социалистической системы, превращения Коммунистической партии в партию мелкобуржуазного типа, проникновения в ее руководство. В прошлом ревизионизм выливался в открытое и грубое предательство, в настоящее время попытки в этом направлении осуществляются диверсионными центрами империализма и внутренней реакцией более тонкими и коварными методами. Так, например, документы о беседах проф. В. Черного с самозваными представителями «интеллектуальной» элиты свидетельствуют о том, что политики типа Дубчека и Черника должны были лишь проложить дорожку для возвращения Дюрчанского, Тигрида и др. Такой метод контрреволюции в Чехословакии, ее ориентация на постепенное разложение КПЧ изнутри вытекали прежде всего из учета того, что массы считают социализм своим собственным делом, а также из того, что контрреволюция не могла рассчитывать в данном случае на прямую военную помощь западного империализма.

---

[1] «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 45—46.

Социалистические страны помогли в ЧССР предотвратить вспышку вооруженной контрреволюции, гражданской войны, избежать ее тяжелых последствий, вовлечения колеблющихся слоев в вооруженную авантюру. Вступление союзнических войск в Чехословакию нарушило планы правых сил превратить КПЧ в реформистскую партию, вырвать страну из союза социалистических стран. Введение союзнических войск было совершенно необходимым как для защиты социализма в Чехословакии, так и для безопасности всей социалистической системы.

В этой связи небезынтересно вспомнить точку зрения на «чехословацкий эксперимент» Герберта Кана, изложенную им в статье, опубликованной в ноябре 1968 года в журнале «Форчун». Автор статьи долгое время был одним из ведущих представителей «мозгового треста» ВВС США — корпорации РЭНД, несколько лет занимал пост директора Гудзоновского института в Нью-Йорке, института, который тратит огромные средства на исследование военно-политических проблем и работает на министерство обороны, госдепартамент и некоторые ведущие концерны военно-промышленного комплекса.

Эта статья — неофициальное свидетельство человека, близко стоящего к правящим кругам США, к Пентагону и государственному департаменту.

Автор признает, что он сам, его институт и многие студенты, которых он знает, были обескуражены и пришли в замешательство от акта стран Варшавского Договора, что они явно недооценивали руководителей этих стран и считали, что в Чехословакии, руководство которой уже казалось бессильным, нельзя будет что-либо сделать. Как часто ошибался в вопросах внешней политики; но ведь многие из его взглядов опираются на надежды западных «специалистов» по Советскому Союзу и Восточной Европе, а те полагали, что если бы в Чехословакию не были введены войска стран Варшавского Договора, то социализм в ней был бы, конечно, обречен. По мнению этих «специалистов», крушение социализма в Чехословакии ускорило бы изоляцию и ослабление ГДР, подрыв Варшавского Договора, облегчило бы агрессивный нажим со стороны ФРГ с целью поглощения ГДР, создало бы серьезную угрозу Советскому Союзу с далеко идущими последствиями для всей международной обстановки.

XIV съезд КПЧ выразил искреннюю благодарность КПСС, Советскому правительству, советскому народу и другим социалистическим странам за то, что они в столь трудной и сложной обстановке с пониманием отнеслись к обоснованным опасениям

чехословацких коммунистов и всех социалистически мыслящих граждан ЧССР за судьбы социализма и вовремя откликнулись на их просьбы о помощи. В этой обстановке интернациональная помощь наших союзников была совершенно необходимым и единственно правильным решением.

Предательство и авантюризм правых

После вступления братских союзных войск в Чехословакию правые в руководстве КПЧ еще больше предали интересы партии, чехословацкого народа и международного коммунистического движения. В ночь с 20 на 21 августа они предприняли авантюристический шаг: вопреки принципиальному сопротивлению марксистско-ленинской части руководства партии они добились принятия неклассового, антиинтернационального заявления Президиума ЦК КПЧ, в котором выражалось осуждение действий союзников. Впоследствии это заявление было отменено, но его опубликование имело катастрофические последствия, дезориентируя партию и население. После этого вероломного акта заседание Президиума ЦК КПЧ было прекращено.

Дальнейшие авантюристические действия правых связаны с созывом и проведением так называемого «чрезвычайного съезда» КПЧ в Высочанах (предместье Праги). Правые и реваншистские силы заблаговременно планировали это мероприятие, однако требование о созыве съезда прямо было высказано лишь пражской городской партийной конференцией (на этой конференции присутствовала делегация ЦК КПЧ в составе А. Дубчека, О. Черника и Й. Смрковского и делегация Южноморавской партийной конференции).

Уже 20 августа начались панические фракционные совещания правых. Около полуночи срочно созывается Президиум Пражского горкома партии. После двух часов ночи постепенно собрались и другие ответственные работники горкома. Начиная с этого момента Президиум горкома заседал уже непрерывно.

Вскоре после прекращения заседания Президиума ЦК КПЧ о положении дел и о принятии им заявления был информирован Президиум Пражского горкома. Последний занял совершенно определенную позицию: взять на себя руководство партией и самостоятельно решать, что делать дальше. Так, собственно, осуществлялся давний план, нацеленный на узурпацию руководства партией.

Президиумом Пражского городского комитета были выдвинуты три требования: немедленно созвать съезд партии, призвать ко всеобщей забастовке, обратиться с «чехословацким вопросом» ко всем коммунистическим и рабочим партиям мира.

Политико-организационная подготовка съезда была возложена на секретаря Пражского городского комитета партии Я. Литеру. С трех часов утра он непрерывно работал: связывался с правыми политико-идеологическими гнездами и одновременно поддерживал контакт с обкомами и с ЦК КПС.

В то же время для выполнения распоряжений Президиума горкома спешно были собраны секретари пражских райкомов. Все, кто был причастен к этому, взялись за «дело» с огромным рвением.

Распоряжения областным и районным комитетам партии шли по внутренним каналам. Первое публичное обращение раздалось по радио в 6 час. 40 мин. 21 августа. «Мы — журналисты Игорь Кратохвил и Иржи Румл,— говорилось в нем,— призываем всех остальных делегатов потребовать немедленного созыва съезда».

В такой ситуации по решению Президиума спешно был созван пленум ЦК КПЧ. Правые использовали заявление Президиума ЦК КПЧ как щит и с его помощью стали буквально терроризировать верных марксизму-ленинизму членов партии.

Ранним утром на заводе «Прага» началось предварительное совещание между Пражским горкомом КПЧ, представителями Среднечешской области, некоторыми членами ЦК КПЧ и другими деятелями правой оппозиции. Среди них находились Я. Шабата, И. Пеликан, З. Гейзлар, В. Славик. Здесь, на этом совещании, был подготовлен и утвержден окончательный текст всех резолюций и материалов «съезда». Готовясь к захвату власти в партии, правые стремились прежде всего к тому, чтобы обеспечить «избрание» нужного им состава Центрального Комитета.

Местом проведения сборища правых был избран завод ЧКД, ибо им нужны были соответствующие декорации, а этот завод как раз и мог породить впечатление, что созыв съезда отвечает интересам трудящихся, прежде всего интересам рабочего класса.

Выбор места проведения съезда сопровождался соответствующей психологической обработкой — распространялся слух, будто высочанские заводы были выбраны для этого «самим» А. Дубчеком.

Делегатам съезда в Высочанах раздавали заводскую многотиражку «Ковак», в которой было опубликовано некое «закрытое

письмо» А. Дубчека, призванное создать у делегатов соответствующее настроение. «Ковак» писала, будто А. Дубчеку удалось передать в редакцию письмо, в котором он якобы обращается к трудящимся пражских заводов, в первую очередь к рабочим девятого района Праги, с призывом не распускать с заводов людей, ибо только в концентрированной на территории столицы силе заключается единственная гарантия, которую можно использовать в случае необходимости. Так пытались обработать наиболее сильную организацию в Праге, представляющую многочисленный отряд заводских рабочих. Это письмо — доказательство тех средств, к которым правые прибегали для достижения поставленной цели.

Подобные же нелепости публиковали и другие журналы и газеты, например областная южночешская газета «Походень». В это время в средствах массовой информации и пропаганды многие «посвященные» в события люди стали снимать с себя маску, открывать свое подлинное контрреволюционное лицо, нагнетая истерический психоз своей шовинистической, националистической и антисоветской демагогией.

У делегатов «съезда» не было мандатов. Однако это не смутило его организаторов. Было условлено, что мандаты будут заменены подтверждениями от районных или областных комитетов партии. Но среди «делегатов» были и такие, на руках у которых имелись подтверждения от самых различных органов и институтов. Многие вообще не только не имели каких-либо подтверждений, но и не могли предъявить даже партийного билета. Тогда их стали пропускать по паспортам или даже без них. Таким образом, на «высочанский съезд» мог пройти прежде всего тот, кто был там нужен.

Собрав в столовой завода «Электроника» — одного из предприятий ЧКД — немногим более ста человек (причем от Словакии было лишь несколько «делегатов»), «второй центр» счел возможным утром 22 августа начать «работу» «съезда».

Результаты этого сборища правых, которые сумели подавить реалистические голоса некоторых его участников и протащить антисоветскую платформу, хорошо известны. Главная же цель заключалась в «выборах» нового руководства партии.

Весь ход «съезда» был заранее предопределен двумя «документами» — «Заявлением» и «Обращением». Их содержание логически взаимосвязано: оба «документа» были адресованы не только делегатам, но и прежде всего чехословацкой и мировой общественности. С их помощью правые рассчитывали повлиять на

весь ход событий августовских дней, навязать общественному мнению заранее сформулированную оценку событий и программу действий, выдержанных в антисоциалистическом, антисоветском и националистическом духе. «Заявление о положении», зачитанное одним из деятелей правого центра тогдашним генеральным директором радио З. Гейзларом, свидетельствует о чисто националистической позиции его авторов, об их откровенном стремлении нарушить дружбу ЧССР с Советским Союзом, разжечь антисоветскую истерию.

Не менее наглядным было и «Обращение к коммунистическим и рабочим партиям», зачитанное Я. Шабатой. Его содержание свидетельствует о безграничной ненависти главарей правых к первой стране социализма и к КПСС, подтверждает откровенно антикоммунистическую позицию авторов этого документа. Тем самым правые полностью разоблачили свои идейные и политические позиции, свое единство с антикоммунистическими центрами. В этом «Обращении» братским армиям пяти стран — участниц Варшавского Договора наклеивался ярлык оккупантов. В «Обращении» выдвигалось требование снять вопрос о проведении уже подготовленного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве и содержался призыв ко всему международному коммунистическому движению... отказать КПСС и братским партиям Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши в принадлежности к числу революционных марксистских партий(!).

Хотя у правых и был на «съезде» перевес сил, а боролись против них сначала только отдельные делегаты, однако после зачтения указанных резолюций уже многие делегаты сразу поняли, куда ведут дело правые, и высказали свое несогласие. Стала нарастать также и волна возмущенных голосов, обвинявших организаторов «съезда» в том, что они умышленно драматизируют положение и действуют в противоречии с выступлением Президента республики. Чем дальше, тем больше проявлялось несогласие, находя свое выражение в таких выкриках с мест: «Вы торопили с созывом съезда потому, что приготовили гнусные резолюции!», «Мы присутствуем не на съезде!» и т. д.

Несмотря на то что по самым важным вопросам говорили только либо председательствующий, либо члены правого президиума, а остальным участникам не давали возможности выступить, под влиянием растущего возмущения части делегатов организаторы «съезда» вынуждены были согласиться на переработку его документов. Один из делегатов предложил немедленно прервать работу «съезда», а выборов в ЦК не производить. Одна-

ко правые настояли на проведении «выборов». И. Пеликан требовал: «Перед нами стоит историческая задача — избрать новый Центральный Комитет и Президиум, который мог бы вести переговоры с *представителями пяти партий и остальных коммунистических и рабочих партий*». В записях заседания «съезда» зафиксирован резкий протест делегата из Кромержижа: «Я протестую против действий правого президиума. Мы можем избирать только при условии, если будем хоть что-нибудь знать о тех людях, за которых мы должны голосовать... Мы нарушаем партийные нормы. Протестую!» В конечном итоге был применен странный способ выборов: председательствующий по собственной воле решал, может или нет тот или иной кандидат быть избранным в члены ЦК (см.: А. Сваровская, Большая «игра», «Трибуна», 1971, № 4, стр. 8).

Вопреки сопротивлению правых 23 августа в Москву отбыла чехословацкая делегация, включавшая высших представителей партийного и государственного руководства. В результате переговоров чехословацких и советских руководящих деятелей был подписан совместный протокол, в котором представители ЧССР выразили готовность добиться нормализации положения в стране — восстановить руководящую роль партии, авторитет государственной власти рабочего класса, исключить контрреволюционные организации из политической жизни, укрепить международные связи с СССР и другими социалистическими странами.

«В это время в Словакии также происходит быстрое развитие событий, которые, хотя и с некоторыми отличиями, носили такой же, как и в чешских областях, характер. 21, 22 и 23 августа здоровая часть Президиума ЦК КП Словакии при участии тов. Г. Гусака стремилась сохранить необходимое благоразумие и чувство ответственности. После прибытия уполномоченных так называемого высочанского центрального комитета (Ф. Водслоня, Л. Гриновой, Ш. Садовского) правооппортунистические деятели КП Словакии В. Павленда, Й. Зрак, А. Тяжкий, С. Фалтян, Р. Гаренчар созвали 26 августа 1968 г. через представителей правой части Братиславского горкома КПС чрезвычайный съезд Коммунистической партии Словакии» [1].

Подготовка и ход первой части съезда носили все признаки фракционного манипулирования. В середине августа в ЦК КПС

---

[1] «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 50—51.

форсировалась организационная и техническая подготовка съезда, разрабатывались основные материалы; за неделю до начала его работы уже были отпечатаны необходимые материалы и проекты некоторых документов, в том числе «Отчет о деятельности ЦК КПС». К подготовке съезда были привлечены члены ЦК и широкий актив коммунистов из научных учреждений, высших учебных заведений, из различных организаций, с заводов и низовых партийных органов. Все эти материалы предполагалось раздать 21 и 22 августа 1968 года непосредственно в руки делегатов, чтобы они имели возможность как можно тщательнее подготовиться к работе съезда.

Однако после вступления союзнических войск средства массовой информации и пропаганды под влиянием правых развернули истерическую кампанию против некоторых руководящих работников ЦК КПС, а часть членов Президиума использовала всеобщее смятение и психоз для ускорения созыва чрезвычайного съезда КПС.

24 августа 1968 года состоялся телефонный разговор нескольких членов Президиума ЦК КПС с товарищами, находившимися в Москве. Последние настойчиво просили, чтобы оставшиеся в Братиславе члены Президиума ЦК КПС добились отсрочки созыва этого съезда на более позднюю дату. Основываясь на этом разговоре, Президиум ЦК КПС пришел к выводу не собирать чрезвычайный съезд. В воскресенье 25 августа 1968 года в Братиславе собрался пленум ЦК КПС, расширенный за счет представителей делегатов чрезвычайного съезда. Были обсуждены персональные изменения в составе высших партийных органов Словакии, затем с сообщением о современном положении выступил В. Павленда. От имени Президиума ЦК КПС он предлагал созвать чрезвычайный съезд КПС безотлагательно, однако не раньше, чем состоится личный разговор с А. Дубчеком, который должен вернуться из Москвы. Поэтому пленум ЦК КПС принял следующее решение: «...Пленум ЦК КПС пришел к выводу, что ситуация требует немедленного созыва чрезвычайного съезда, но... дату съезда мы установим после возвращения нашей делегации из Москвы...»

Вопреки этому решению правые члены Президиума созвали съезд на следующий же день, а в коммюнике, опубликованном 27 августа 1968 года, была дана ложная ссылка на указанное решение: «Учитывая особенность ситуации, Президиум ЦК КПС в соответствии с решением пленума ЦК КПС от 25 августа 1968 года решил о его (съезда. — *Ред.*) созыве».

Ночное заседание съезда началось в присутствии небольшого числа делегатов, но в списке присутствующих имеются имена и тех делегатов, которые в нем не участвовали, например часть делегатов от Восточно-Словацкой области, которые прибыли лишь после его окончания. Доступ в зал заседаний имел каждый, кто находился на территории завода, независимо от того, был он или не был делегатом! Мандатов никто не предъявлял, да их у делегатов и не было, они получили их только на второй день работы съезда.

Почему съезд был созван так поспешно, и притом — ночью? На этот вопрос председательствовавший А. Тяжкий ответил так: во-первых, мол, нужно было лишить де-юре «дискредитированных» работников их мандатов, поскольку фактически они якобы уже давно утратили право на партийное представительство; во-вторых, надо было сформировать «представительный, прогрессивный, демократический, вполне квалифицированный состав словацкой делегации» для переговоров с чешской партийной делегацией и со странами Варшавского Договора и «...поставить во главе партии Словакии людей, способных полностью осуществить задачи демократического социализма с его гуманным смыслом и его действительно человеческим лицом».

В своем вступительном слове А. Тяжкий умолчал о том, что 27 августа 1968 года из Москвы должна была вернуться словацкая делегация (тогда в работе съезда принял бы участие и Первый секретарь ЦК КПС Васил Биляк, который мог бы зачитать подготовленный отчет, дополненный новыми фактами). Это умолчание было сделано умышленно. Как сказал А. Тяжкий, было решено «...поручить подготовку и созыв чрезвычайного съезда КПС братиславской городской организации и руководителям делегаций отдельных областей, чтобы ускоренно начать работу съезда, а руководство политической работой в Словакии мог взять на себя рабочий президиум этого чрезвычайного съезда».

Этот же замысел подтвердил и Й. Зрак, когда в своем выступлении обосновывал действия представителей городской организации партии и причины ускоренного созыва чрезвычайного съезда. Он сказал: «Мы избрали президиум, к которому перешла функция Центрального Комитета КПС, поскольку с момента начала работы съезда практически прекращается действие мандата любого другого органа, избранного на предыдущих съездах, а единственным легальным органом остается президиум съезда в том его составе, в котором мы его сегодня единогласно избрали».

Устав был нарушен и при выборах отдельных членов ЦК КПС. Главным критерием при отборе кандидатов была не предыдущая работа, политическая зрелость, преданность партии, классовое происхождение и моральные качества, а принадлежность выдвигаемого кандидата к националистической платформе правых. Об этом откровенно сказал председатель комиссии по выборам Б. Граца, когда он выступал с обоснованием предложенных кандидатур.

После того как был зачитан список кандидатов, возник целый ряд замечаний относительно принципов их отбора, социального состава и т. п. Б. Граца пытался изобразить представителей интеллигенции, в наибольшей степени подпавших под влияние буржуазно-националистической идеологии, как особенно активную «социалистическую» силу. Он говорил о том, что устроители съезда шли, мол, навстречу активности делегатов, в которой-де проявилась и роль интеллигенции, подобно тому, как она вообще проявилась в процессе «демократизации», что повышенный численный состав интеллигенции в предполагаемом новом ЦК КПС отражает-де определенные структурные изменения в составе КПС, в которую за последние 15—20 лет вступило немало интеллигенции. В действительности же, согласно статистике, на 30 июня 1968 года в КПС было 22,6% представителей интеллигенции и 32,5% рабочих, но в состав нового ЦК вошло лишь 9 представителей рабочего класса непосредственно с производства [1].

Все же правым не удалось полностью реализовать свои планы на чрезвычайном съезде КПС. «После перерыва в работе чрезвычайный съезд Компартии Словакии вновь собрался 28 августа. На этот раз в его заседаниях принял участие возвратившийся из Москвы тов. Г. Гусак, выступление которого привело к принципиальному повороту в работе съезда. Чрезвычайный съезд КПС принял резолюцию, в которой отверг законность так называемого высочанского съезда, полностью аннулировал выводы первой части съезда КПС, единодушно одобрил московский протокол и избрал Г. Гусака Первым секретарем ЦК КП Словакии. Влияние и нажим правооппортунистических сил были, разумеется, еще значительными, что проявилось прежде всего в ходе выборов в новый Центральный Комитет КПС, в который не

[1] См.: «Pravda», 8. I. 1971.

был избран ряд марксистов-ленинцев, постоянно подвергавшихся нападкам правых» [1].

30 августа 1968 года еженедельник «Культурни живот» опубликовал документ под названием «Размышления о путях выхода», разработанный специальной группой, которую образовали делегаты чрезвычайного съезда КПС от братиславской городской организации. Некоторые части этого документа были зачитаны на съезде. В нем говорилось, что «все послеянварское общественно-политическое развитие в ЧССР, его программа демократического социализма» это, мол, «творческое развитие» марксизма-ленинизма, что «руководящая, по-новому понимаемая роль партии не только не ослабла, но, наоборот, с помощью вновь обретенного доверия рабочего класса и населения в небывалой степени возрастала...» Вступление союзных войск на территорию Чехословакии клеветнически расценивалось в этом документе как «оккупация».

Такое фарисейское извращение действительного положения дел оставляло, конечно, известный след в сознании некоторых людей и способствовало усугублению их собственных ошибочных воззрений.

Неправильные позиции, занятые многими людьми, были следствием психоза, вызванного средствами массовой информации и пропаганды, и изменить их удалось лишь после опубликования действительных фактов и новых, убедительных доказательств.

«В атмосфере, которая была создана общей дезинформацией и глубоко ошибочным заявлением Президиума ЦК КПЧ, даже многие честные коммунисты и честные граждане нашей республики не в состоянии были быстро распознать, где настоящая правда. Многие из них допустили действия, противоречившие их подлинным убеждениям. Но постепенно они сами убедились и убеждаются в правильности интернациональной помощи союзников, искренне раскаиваются в своих тогдашних позициях и поступках и честным трудом выражают свою преданность делу социализма» [2].

Следует отметить, что «второй центр» не прекратил своей разрушительной деятельности и после возвращения из Москвы чехословацкой делегации. Достаточно напомнить, что на пленарном заседании ЦК КПЧ, проходившем 31 августа 1968 года, воп-

---

[1] «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 51.

[2] Там же, стр. 48.

реки духу Московского протокола в состав ЦК партии было кооптировано 80 новых членов, преимущественно из числа представителей правых сил. С помощью этого маневра были укреплены позиции правого руководства в ЦК КПЧ и обеспечена «преемственность» линии развития, тянувшаяся от так называемого «высочанского съезда». Хотя из Президиума ЦК партии и был выведен Ф. Кригель, но на смену ему пришли Я. Геттеш, Л. Грдинова, В. Кабрна, В. Шимечек, А. Тяжкий и Й. Зрак.

Соглашение двух групп — высочанской и дубчековской — породило тактику двуликого Януса. Эта тактика не только полностью проявила себя на пленуме ЦК в августе 1968 года, но и наложила свой отпечаток на все события до апреля 1969 года. С одной стороны, вроде бы уходили руководящие фигуры, скомпрометировавшие себя в партийных и государственных организациях, на радио, телевидении, в печати, а с другой — шла планомерная расстановка кадров правых, привлекался как бы их резерв — приходили люди менее известные, но стоящие на таких же позициях. Все важные инструменты политической власти продолжали оставаться в руках правых, включая средства информации и пропаганды; с их помощью продолжалась организация и осуществление линии правой оппозиции. Об этом свидетельствует кампания за избрание Смрковского на пост председателя Федерального собрания, события в студенческом движении и т. п.

Хотя вредная деятельность А. Дубчека и других правых оппортунистов в ЦК КПЧ и в государственных органах продолжалась, все же ЦК КПЧ на своем заседании 31 августа 1968 года одобрил Московский протокол и высказался за программу нормализации положения в стране. Пленум ЦК кооптировал товарищей Г. Гусака и Л. Свободу в члены ЦК и избрал их в состав Президиума ЦК КПЧ. Упорная борьба интернационалистов в партии и государстве за марксистско-ленинский характер партии, за нормализацию жизни продолжалась и в последующие месяцы. Необходимо было нанести решающий удар против реакции, а для этого требовалось ежедневно и целенаправленно разоблачать идеологию и практику правых оппортунистов, нужно было вырвать у них решающие позиции и инструменты власти, включая средства массовой информации и пропаганды, вывести широкие слои трудящихся из-под их идейного влияния, а страну — из глубокого экономического кризиса.

Условия, в которых проходила эта борьба, были тяжелыми и сложными. Лишь принципиальные изменения, происшедшие на апрельском (1969 г.) пленуме ЦК КПЧ, прежде всего снятие с поста Первого секретаря ЦК А. Дубчека и избрание на этот пост Густава Гусака, создали необходимые предпосылки для начавшегося всеобщего процесса консолидации сил социализма и решительного пресечения деятельности антисоциалистических сил.

Дезинформация и нагнетание шовинистической истерии

Выступление союзнических войск на защиту социализма было использовано в качестве повода для чудовищного взрыва антисоциалистической и антисоветской истерии мелкобуржуазных групп, для активизации всех реакционных элементов. Методы разжигания националистических страстей, ловко применявшиеся в Чехословакии в ходе подготовки к контрреволюционному перевороту, в еще большей степени стали использоваться в последние дни августа. Средства массовой информации и пропаганды распространяли разного рода ложные слухи и рекламировали фальшивые лозунги о «национальном единстве» в борьбе с «оккупацией». Этим словом, неизбежно вызывавшим ассоциации с прошлым, правые именовали в провокационных целях вступление в ЧССР братских союзнических войск, являвшееся в действительности актом интернациональной помощи. Можно сказать, что в ходе целенаправленной подготовки контрреволюции август был вершиной, кульминационным пунктом ее развития, а антисоциалистическая и антисоветская пропаганда — лишь проявлением заранее и более или менее скрытно подготовленных намерений. Здесь весьма ясно прослеживается прямая связь этой пропаганды с деятельностью правых группировок в партии, с их подготовкой к внутрипартийному перевороту, о чем говорит хотя бы факт замалчивания документов братских партий, содержания переговоров руководителей этих партий с представителями КПЧ.

В Отчетном докладе товарища Густава Гусака XIV съезду КПЧ сложившаяся тогда ситуация характеризуется следующим образом: «Правду об интернациональной помощи союзников пытались скрыть преобладавшие в руководстве партии правые силы, которые завершили открытое предательство марксистско-ленинской политики известным заявлением Президиума ЦК КПЧ от 21 августа 1968 г. Этот вероломный акт нанес тяжелый ущерб нашей стране, интересам международного коммунистического

движения. Прежде всего из-за этого заявления и распространения его всеми средствами массовой информации в сложный момент была вызвана атмосфера невероятной дезинформации и шовинистической истерии, которой под нажимом массового психоза поддались также многие коммунисты и честные граждане, совершавшие впоследствии такие действия, которые зачастую противоречили всей их предшествующей деятельности на благо социализма, их убеждениям» [1].

На совещании, проходившем 11 июля 1968 года в отделе печати, радио и телевидения ЦК КПЧ, представители правых уже тогда говорили о необходимости принятия «соответствующих» мер, с тем чтобы техника средств массовой информации и пропаганды была в «надежных» руках. В стенограмме этого совещания мы читаем, что заведующий отделом Д. Гавличек, прервав совещание, потребовал выяснить в редакциях последнюю ситуацию и дать «распоряжения надежным людям взять под контроль радио- и телевизионную технику». Затем совещание продолжило свою работу в расширенном составе и в присутствии А. Дубчека.

В то время целые группы правооппортунистических работников чехословацких средств массовой информации были тесно связаны с империалистическими разведками и диверсионными центрами. Об этом свидетельствует, в частности, уже один тот факт, что после августа 1968 года более 160 ранее известных чехословацких работников печати, радио и телевидения покинули свои редакции и спешно перебрались на Запад, где многие из них работают ныне в диверсионно-пропагандистских центрах типа «Свободная Европа» и «Голос Америки». Кстати, заметим, что это говорит также о том, как далеко зашли тогда и в каких масштабах осуществлялись враждебные связи и вмешательство западных разведывательных центров во внутренние дела Чехословакии.

Из печати капиталистических стран известно, что после вступления в ЧССР союзнических войск обработкой чехословацких слушателей занималось по крайней мере 12 радиопередатчиков, 10 из которых хорошо прослушивались в ФРГ. Из тех же источников известно, что части «андернахского радиобатальона» начиная с 21 августа систематически передавали обращения к чехословацкому населению.

О том, что в ФРГ существует подобный батальон бундесвера, было известно уже давно.

[1] «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии», стр. 30.

Об этом подробно сообщал в свое время журнал «Шпигель»: «...так называемый радиобатальон-701 расположен в Андернахе. В подчинении у его командира полковника Егера 400 солдат. Половина офицеров — опытные «работники радио», 30% личного состава пришли из редакций газет. Для выполнения самых темных дел у батальона есть «школа по ведению психологической войны», размещенная во францисканском монастыре в Ойскирхене... Шпионы располагают программами, разработанными для представителей всех социалистических стран, не исключая Чехословакии. Они ждут лишь часа «Н»» («Шпигель», 1966, № 7).

По сообщению журнала «Штерн» от 8 сентября 1968 года, передатчики этого батальона могли работать на одной средней и трех коротких волнах, «осуществляя специальные мероприятия стратегической психологии». Передачи на этих волнах в значительной степени способствовали созданию антисоветского психоза в августовские дни 1968 года.

Сегодня известно также и о деятельности бывших редакторов радио, которые бежали из ЧССР и подвизаются ныне в западных разведках. Так, 23 августа 1968 года в социал-демократическом клубе Бад-Годесберга встретились несколько журналистов из ЧССР, которые в то время находились в ФРГ. Среди них был П. Ривал из Братиславы, его коллега по радио Праги Л. Валек и бывший в то время главным редактором «Прубоя» в Усти-над-Лабой Э. Фриш. На встрече обсуждался вопрос об усилении чехословацких передатчиков более мощными станциями, расположенными на территории ФРГ, а именно установками бундесвера.

На квартире корреспондента чехословацкого радио в Бад-Годесберге встретились В. Фукс — хозяин квартиры, Й. Фродль, П. Ривал и Л. Валек. Присутствовавший на этой встрече интендант западногерманской радиостанции «Дойче велле» В. Штайгер сообщил, что в их распоряжение передается оборудование его радиостанции с целью перехвата чехословацких передач, их усиления и обратной ретрансляции на всю территорию ЧССР. С помощью официальных лиц им удалось получить для чехословацкого радио помещения и радиотехнику в здании станции «Дойче велле» в Кёльне, на Дрюдерштрассе, 1. В редакции чешского и словацкого вещания стали работать шесть чешских и три словацких сотрудника, набранных из числа эмигрантов. Так, из капиталистической радиостанции «Дойче велле» раздались голоса чешских предателей социализма, замаскированные таким образом, чтобы их могли распространять дальше чехословацкие радиостанции, как «глас народа».

Стала известна и подоплека августовских передач М. Патека из Нью-Йорка, Й. Фродла из Лондона (которого там, между прочим, в это время и не было!), П. Ривала якобы из Будапешта, интервью с бывшим заместителем председателя правительства О. Шиком из Белграда и с бывшим министром иностранных дел И. Гаеком из ООН. Империалистические радиостанции обеспечили этим передачам хорошую слышимость.

«Организованность» и «идейная сплоченность» в действиях средств массовой информации и пропаганды в Чехословакии после 21 августа 1968 года свидетельствуют о том, насколько тщательно была подготовлена и точно скоординирована деятельность правых и антисоциалистических сил.

Еще в ночь с 20 на 21 августа, когда союзнические войска только входили на территорию ЧССР, начал свою работу целый

ряд подпольных передатчиков. Они выступили с призывами против так называемой «оккупации», против верных марксизму-ленинизму партийных и государственных деятелей, а в конечном итоге против социалистического общественного и государственного строя Чехословакии. «Прага», «Чехословакия-1», «Пльзень», «Южна Морава» — вот далеко не полный список подпольных радиостанций, заполнивших в то время эфир. В Словакии работали передатчик «чехословацкое радио на Дунае», передатчик «Средняя Словакия», венгерское вещание «Край урожая» и восточнословацкий передатчик «чехословацкого радио и телевидения». Под руководством правого центра, окопавшегося в Братиславском горкоме партии, через ретрансляционные станции в Сенци были организованы передачи из Кошиц, Банской Быстрицы и Жилины в направлении Прага — Острава.

Речь идет не только о подпольном характере этой деятельности, но и о ее целях. «Свободный передатчик» из Праги предлагал уничтожать дорожные указатели, чтобы дезинформировать войска социалистических стран, уничтожать таблички и вывески почт, железнодорожных станций, заводов, агитпунктов, больниц. Уничтожением одних только указателей направлений, семафоров, табличек с названиями улиц, уличных фонарей был нанесен ущерб, исчисляемый миллионами крон. Одновременно уничтожались символы социализма, которые тут же заменялись прежними, буржуазными символами.

В августовские дни радио «мастерски» стимулировало всеобщую истерию — передавались различные сообщения «из неофициальных источников», в которых всячески охаивались интернационалисты; многим наклеивались ярлыки «предателей». Распространялись ложные сообщения (например, что Новотный, мол, вновь провозглашен президентом), передавались истерические «разоблачения» «просоветских» позиций некоторых членов Президиума ЦК КПС. Довольно ловко правые играли на таких понятиях, как «национальные традиции», пытаясь спекулировать на легкоранимых национальных чувствах людей.

В эфире раздавались требования о провозглашении Чехословакией нейтралитета, о ее выходе из Варшавского Договора, сообщения о том, будто «кликой министерства внутренних дел» и советскими органами безопасности арестованы так называемые «прогрессивные» деятели. Сразу же после этого были обвинены в предательстве руководители министерства внутренних дел в Братиславе, правда, это сообщение вскоре было опровергнуто, но в сознании людей такое обвинение уже оставило известный след.

О заблаговременной подготовке контрреволюционных радиопередач, как об этом свидетельствует уже упоминавшаяся директива бывшего зав. отделом печати ЦК КПЧ Д. Гавличека, говорит и тот факт, что по первому же сигналу в ночь с 20 на 21 августа сторонники «нового курса» собрались на Пражском радио.

Правые силы в Словакии предпочли организовывать трансляции с импровизированных студий через подпольные передатчики. В августовские дни радиоредакции в Словакии ориентировались на правый политический центр — на Братиславский горком КПС, а точнее — на группу, которая присвоила себе право выступать от его имени. Для деятельности подпольного радио этих дней здесь была также характерна тесная связь с правыми и антисоциалистическими центрами.

Группа работников Пражского радио зашла так далеко, что отказалась даже от социалистических символов — сняла, например, красную звезду со здания Дома радио в Праге.

Откровенный национализм, самый вульгарный антисоветизм, призывы к так называемому «нейтрализму», подстрекательства к выступлениям против союзнических войск, травля честных работников партии и государства, попытки любой ценой продемонстрировать фальшивое единство народа, прямое участие в организации так называемого «высочанского съезда» и широкая его популяризация, попытки дискредитировать Московский протокол — все это представляло собой открыто антисоциалистическую платформу, которая находилась в прямом противоречии с законами ЧССР, прежде всего с ее Конституцией.

Несмотря на то что радио, телевидение и печать усиленно обрабатывали население Чехословакии в антисоциалистическом духе, жители многих населенных пунктов с радостью приветствовали приход частей союзнических войск.

И все же деятельность правых в средствах массовой информации способствовала нагнетанию мелкобуржуазного националистического фанатизма.

Сыгранность шовинистов в нелегальном радио и в печати с антисоциалистическими силами нашла свое отражение в заявлении Президиума Национального собрания от 23 августа 1968 года, в котором деятельности работников печати, радио и телевидения и антисоветской истерии придавалась видимость законности. При этом в подпольной печати и на радио появлялись ложные сообщения, которые не прекратились даже после возвращения из Москвы официальной делегации ЧССР, велись нападки на Президента республики и на соглашения, заключенные в Москве.

Деятельность некоторых публицистов напоминала тогда поведение гиены, питающейся падалью. Подпольный номер журнала «Культурни живот» выдвинул лозунг «Ни грамма хлеба, ни росинки воды!», который был рассчитан на разжигание среди населения фанатической ненависти против войск социалистических стран. В таком же духе писали «Млада фронта» и «Вечерни Прага», «Репортер», выходивший в форме листовок, и «Земледелски новины», а также новорожденная «Политика» (24.VIII.1968 г.).

Вместе с правыми профсоюзными организациями и политиками журналистская организация, завершив на практике свою контрреволюционную переориентацию, также полностью включилась в раздувание национализма, стремясь навязать чехословацкому обществу правооппортунистическую интерпретацию августовского краха авантюристической антисоциалистической политики. Правые цинично спекулировали на национальных чувствах чехословацкого народа и на протяжении ряда месяцев раздували националистический психоз, искажая смысл событий, внушая общественности свое толкование причин августовского прихода союзнических войск.

В число правых органов печати антисоциалистическим силам удалось на некоторое время втянуть и «Руде право» — 21 августа 1968 года правые элементы редакции этой газеты добились того, к чему они стремились на всем протяжении первой половины года: захватили в свои руки руководство редакцией. В эти дни, заменив над шапкой газеты лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» лозунгом «Вернуть социализму человеческий облик!», правые выпустили несколько номеров центрального партийного органа, в которых нагнетался психоз ненависти, постепенно перераставший в погромные настроения. Распространением всевозможных панических информаций о «ночных арестах» и «стрельбе» редакция стремилась вызвать предчувствие приближающегося вооруженного столкновения, шельмовала коммунистов и всех честных граждан, призывала к реваншу [1]. Подобно «Руде право», братиславская «Правда» также снимает со своего заголовка лозунг пролетарского единства и вступает на путь раздувания шовинизма и антисоветизма.

В телевизионных передачах периода «жаркого лета» все более активно участвовали публицисты, известные своими антисоциалистическими настроениями. К ним принадлежали Кантурек,

---

[1] См.: «К вопросу о деятельности «Руде право» между январем 1968 и апрелем 1969 года», «Rudé právo», 16. IX. 1970.

Шкутина, Тонингер, Винтер и др.; после прихода союзнических войск их деятельность также вылилась в открытый антисоветизм, символом которого стал черный флёр диктора К. Моучковой.

Побуждаемые позицией антисоветских групп в руководстве партии и правительства, многие публицисты выступали в печати с заявлениями, которые были призваны нарушить глубоко укоренившиеся в сознании народа традиции, даже традиции Словацкого национального восстания. Так, тогдашний директор словацкого радио А. Сарваш вместе с бывшим его директором Г. Рапошем, снятым с этого поста в феврале 1948 года, и другими публикует в журнале «Радио» «Заявление бывших работников свободного словацкого радио», в котором содержались антисоветские высказывания и разжигались националистические настроения.

Таковы факты, свидетельствующие о том, что правые силы, используя средства массовой информации и пропаганды, открыто предали принципы социализма и пролетарского интернационализма и, не брезгая сотрудничеством с империалистическими центрами, переметнулись в лагерь контрреволюции.

В этих условиях, чтобы вывести партию и общество из кризиса, необходимо было повести решительную борьбу против правых и антисоциалистических сил, политически разгромить их и лишить возможности вести подрывную деятельность.

«Августовская интернациональная акция в защиту социализма в ЧССР создала необходимые условия для чехословацких коммунистов, которые благодаря этой помощи смогли полностью развернуть собственную политическую борьбу против контрреволюционных антисоциалистических и правооппортунистических сил и политическими средствами преодолеть контрреволюционную угрозу делу социализма в ЧССР» [1].

Предупреждения марксистов из капиталистических стран

В то время среди членов некоторых коммунистических партий Запада сложились неверные представления о развитии событий в Чехословакии. После августа 1968 года в ряде компартий по данному вопросу прошли бурные дискуссии, в ходе которых высказывались и неправильные мнения. Но большинство компартий, видных представителей революционного движения

[1] «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 46.

капиталистических стран уже тогда дали развитию событий в Чехословакии совершенно четкую, правильную характеристику.

Так, Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл в своем докладе Национальному комитету КП США от 31 августа 1968 года сказал: «Что же касается кризиса в Чехословакии, то он является продуктом слабостей старого партийного руководства и ошибок нового в процессе попыток исправить старые ошибки...

Многие новые ошибки возникли из-за недостаточно глубокого понимания природы старых. Например, сейчас ясно, что в Чехословакии есть и были серьезные идеологические слабости в партии, массовых организациях и среди молодежи. В этом виновно старое руководство. Его бюрократический административный подход к решению проблем способствовал этому. Идеологическая жизнь партии и массовых организаций была выхолощена. Если бы новое руководство правильно оценило всю серьезность этой слабости, оно бы не сделало некоторых из новых ошибок. Новое руководство признало в мае нынешнего (1968) года, что его застала врасплох быстрота появления антисоциалистических элементов, но, вместо того чтобы принять меры для предотвращения контрреволюции, новое руководство продолжало говорить о верности народа Чехословакии социализму» [1].

Английский писатель Джеймс Олдридж характеризовал положение в Чехословакии следующим образом: «Почему так называемая либеральная революция в Чехословакии получила такую поддержку на Западе? На Западе многие честные люди были обмануты, многие были введены в заблуждение. Я считаю, что одним из лучших примеров являются экономические теории проф. О. Шика... Если бы теории проф. О. Шика были реализованы в современной *капиталистической* Британии, то их можно было бы рассматривать как шаг к коммунизму. Они хотя и лучше капиталистических, но хуже социалистических. Западные поклонники проф. О. Шика, исходя из капиталистической действительности, всегда забывали, что Чехословакия — государство социалистическое и что ей не нужны дорожные указатели на середине пути. Никто не задался вопросом: зачем Чехословакии промежуточное положение между капитализмом и социализмом?

По той же самой причине британским радикальным левым очень нравились многие подобные либеральные тенденции в области науки, искусства, а главное — философии. Однако никто не

[1] См.: «Неделя», 22.IX.1968, № 39, стр. 10.

задался вопросом: означают ли эти идеи шаг вперед для социализма?

Наша правая печать заявила: «Да, для социализма это шаг вперед». Круги большого бизнеса объявили чехословацкие реформы полезными. Политики, которые в свое время обсуждали с Гитлером мюнхенский пакт, сказали, что эти реформы достойны восхищения. Капиталистические экономисты, епископы, неприкаянные интеллектуалы-авангардисты, просто запутанные или аполитичные люди объявили эти идеи хорошими» [1].

В коммунистической печати США прогрессивные публицисты приводили веские аргументы против тех, кто после вступления войск социалистических стран в Чехословакию раздувал антикоммунистическую истерию, поднимал на щит имена буржуазных националистических деятелей вроде Т. Масарика. Герберт Аптекер в связи с этим писал: «Кто такой был Т. Масарик? Это был либеральный профессор, националист буржуазного толка, находившийся под влиянием своего брака с дочерью чикагского банкира, еще до первой мировой войны ведущий теоретик-антимарксист, а впоследствии противник Ленина и Октябрьской революции. О большевиках Масарик писал, что они представляют «моральную деградацию», а их программа — это «анархия в морали, упадок в просвещении и воспитании». Весной 1918 года он писал из Токио В. Вильсону — цитата из этого письма до сих пор используется в качестве аргумента,— что хотя большевики и будут определенное время удерживать власть, но они умрут из-за своего политического дилетантизма. Противник В. И. Ленина, Т. Масарик поднимал на щит В. Вильсона как якобы «одного из крупнейших пионеров современной демократии». В вышеназванном письме он предлагал В. Вильсону план ликвидации последствий Октябрьской революции, план, осуществление которого должно было проходить поэтапно, с помощью коалиционного правительства, в которое сначала должны входить и большевики, и через реализацию некоторых побочных мероприятий, как, например, отделение Украины и т. п. С тех пор подобные рецепты не раз повторялись; повторились они и в 1968 году.

Из всего сказанного должно быть достаточно ясно, чтобы читатель понял, какое впечатление произвело организованное раздувание культа Т. Масарика на руководителей стран — участниц Варшавского Договора. Нас не должно удивлять, что почта США выпустила марку в честь барона Маннергейма, которого изобра-

[1] «Rudé právo», 26.V. 1970.

жают как борца за мир и который в действительности принимал участие в массовых репрессиях против финских рабочих и стал в годы второй мировой войны союзником Гитлера! Но было бы удивительно, если бы в Финляндии, в стране, граничащей с СССР, вдруг возникло широкое движение в защиту памяти барона Маннергейма. Разве это не породило бы обоснованных опасений у советского народа, который столько перенес в годы второй мировой войны, за то, как воспитывается молодежь в стране, через территорию которой Гитлер нанес один из ударов по СССР?..» [1]

Интернациональная солидарность отрядов международного коммунистического движения, действующих на разных континентах, его видных представителей с борьбой чехословацких коммунистов в защиту социализма явилась важным подспорьем в этой борьбе. Эта солидарность росла и крепла во все последующие годы.

[1] Цит. по приложению к «Tvorba», 1970, № 37.

Сущность «нормализации», проводившейся правыми

Антисоциалистическая, шовинистическая и антисоветская деятельность, активно проводившаяся правыми в средствах массовой информации и пропаганды, продолжалась и после того, как чехословацкие и советские представители подписали 27 августа 1968 года Московский протокол. Но протекала она в измененной и модифицированной форме.

В этот период пресса, радио и телевидение продемонстрировали исключительную «гибкость» и «изобретательность» в манипулировании общественным мнением, в давлении на органы партии и государства, в искусственном конструировании «национального единства», в терроре против чехословацких патриотов, оставшихся верными принципам интернационализма, в торможении нормализации в стране.

Прямая и косвенная полемика шовинистов с печатью социалистических стран, попытки создать «национальное единство» на антисоциалистической и антисоветской платформе при маскировке их сущности и целей продолжались и после решений ноябрьского пленума ЦК КПЧ (1968 г.), разоблачившего роль антисоциалистических сил и подчеркнувшего необходимость борьбы против правых. Средства массовой информации активно защищали «послеянварскую политику», без какой бы то ни было критической оценки ущерба, нанесенного социалистической системе Чехословакии после января 1968 года, поддерживали правооппортунистические и антисоциалистические силы и прославляли прямые проявления контрреволюции, которые привели страну в августе 1968 года на грань гражданской войны.

Положение еще более осложнялось тем, что антисоциалистические и контрреволюционные силы не встречали принципиального отпора со стороны тогдашних правооппортунистически настроенных руководителей партии и правительства, продолжавших замалчивать правду относительно причин краха их политики и — в противоречии с Московским протоколом — пытавшихся исподволь продолжать взятый ранее националистический и ревизионистский курс, проводить сомнительную политику и ожидать своего часа. Дубчек, Смрковский, Черник и другие играли на руку сторонникам фальшивого мелкобуржуазного и антисоветского

лозунга «национального единства», не выступали против антисоциалистических проявлений в печати.

Процесс консолидации преданных социализму сил протекал медленно; в журналистике упорно поддерживались антисоциалистические настроения. Так, например, Президиум ЦК КПЧ принял в январе 1969 года решение из 16 пунктов о нормализации отношений в печати, а президиум Союза чешских журналистов состряпал в связи с этим «контррешение». Председатель правительства О. Черник в Клубе журналистов пытался договориться с его представителями об установлении так называемого «модуса вивенди» — временного, краткосрочного соглашения о взаимном сосуществовании.

Послеавгустовский антисоциалистический курс журналистики

Начнем с журнала «L» («Листы») — еженедельника Союза чехословацких писателей. Достаточно беглого обзора статей и материалов, опубликованных в «Листах» за период с августа 1968 года по январь 1969 года, чтобы убедиться в том, что этот журнал являл собой яркий пример концентрированного наступления на политику КПЧ, на принципы марксизма-ленинизма, трибуну открытых и завуалированных нападок на братские социалистические государства, призывов к «пассивному сопротивлению» и активным провокациям, комплиментов, адресованных деятелям, проводившим националистический и ревизионистский курс, отстаивавшим пресловутый «социализм с человеческим лицом» и т. д. В «Листах» можно найти и тенденциозную информацию (вернее, дезинформацию), и приветственные телеграммы, адресованные таким деятелям, как Э. Гольдштюккер, и дифирамбы Т. Масарику и Крамаржу, и злобные карикатуры, и интервью с Г. Маркузе. В этом журнале охотно сотрудничали многие антисоциалистически настроенные писатели и журналисты.

Правые оппортунисты и антисоциалисты, подвизавшиеся на радио, остались на прежних позициях и после ноябрьского (1968 г.) пленума ЦК КПЧ. Более того, именно в этот период ими была разработана и осуществлялась такая программа действий, которая должна была помочь им сохранять свое лицо, окопаться и выжить. Наиболее видные широкоизвестные общественности представители правых выехали за границу в качестве иностранных корреспондентов или иных работников. Из архивов бы-

ли устранены некоторые компрометирующие их программные заявления и материалы. Небезынтересно отметить, что в политико-публицистических разделах программы радио не нашлось места для пропаганды решений ноябрьского пленума ЦК КПЧ. Более того, правые оппортунисты и антисоциалисты, захватившие ключевые позиции на радио, выступали даже против решений ноябрьского пленума, прибегая к целой системе двусмысленностей, замаскированных нападок и к эзоповскому языку. В целом линия чехословацкого радио оставалась прежней: вместо сотрудничества с представителями социалистических стран сотрудничество с радиостанциями капиталистических стран, и прежде всего ФРГ.

Речь идет не о единичных случаях. Нет. Это была заранее продуманная, строго направляемая деятельность. Выражением определенных политических тенденций явилось, например, решение общего собрания чешских и словацких журналистов, проходившего 28 февраля 1969 года в г. Остраве, в котором и формально и фактически отстаивались ложные методы, утвердившиеся в период до августа 1968 года. На этом собрании широко использовались такие правооппортунистические формулировки, как «укрепление содружества прогрессивных сил против догматиков-фракционеров», «социализм с человеческим лицом» и т. п.

Публичные признания, премии, награды, преподнесение «букетов доверия» — все это было включено тогда в арсенал новейших форм «взаимной поддержки», все это использовалось для поощрения «патриотических» позиций отдельных редакторов. Тех, кто вступление союзнических войск на территорию ЧССР считал неправомерным актом, а свое участие в августовских передачах рассматривал как патриотическую обязанность, всячески поддерживали некоторые официальные органы и деятели. Не осталось в стороне и само руководство радио, наградив в сентябре 1968 года участников августовских передач особыми премиями.

На общем партийном собрании работников радио, проходившем в Братиславе 21 января 1969 года, тогдашний заведующий идеологическим отделом ЦК КПС М. Кусый заявил: «Если руководство партии критически высказывается о так называемых правых силах, это еще не означает, что они не сыграли весьма важной роли».

А вот как прокомментировали правые на страницах братиславской «Правды» (2 сентября 1968 г.) уход с постов Пеликана, Гейзлара и Павла: «Граждане республики, запомните всех, кто уходит сегодня со своих постов. Они *вынуждены* уйти, и это служит лучшим доказательством того, что они сделали для чехословацкой прекрасной весны очень многое. Отныне их имена неотделимы от каждого воспоминания об этом периоде, которое будет согревать нас и давать нам в январе 1969 года силу в неравной борьбе».

В период, когда главным редактором газеты «Руде право» был Й. Секера, этот орган КПЧ также проводил политику правых или же был ориентирован центристски. Такое положение вытекало из общей ситуации в партии и в стране. Так, например, на активе редакторов «Руде право», проходившем 13 сентября 1968 года, тогдашний секретарь ЦК КПЧ Зд. Млынарж предупреждал их, чтобы они не подчеркивали руководящей роли партии и не проводили рабочей политики в том ее определении, которое резко критиковалось и отрицалось «прогрессистами». Он многозначительно требовал от редакции ориентироваться не на ту часть партии и населения, которая не поддалась шовинистическому угару. В то же время Зд. Млынарж требовал всячески оберегать «талантливых интеллектуалов» типа С. Вольного и К. Винтера. Ему не было дела до того факта, что к тому времени эти «интеллектуалы» уже сбежали за границу. Как и многим другим, им просто нужно было дать возможность переждать известное время, отсидеться за границей, где их пребывание в условиях готовящейся амнистии было совершенно легальным.

По вине тогдашнего Первого секретаря ЦК КПЧ А. Дубчека и тех руководящих деятелей, которые проводили двуличную политику, кризис в партии и после решений ноябрьского (1968 г.) пленума ЦК КПЧ все еще продолжал сохраняться, а позиции правых крепли. В таких условиях и «Руде право» становилась «надежным» инструментом в руках оппортунизма; здоровое же ядро внутри редакции не имело тогда достаточного влияния. На страницах этой газеты проявилась пресловутая двуликая политика в отношении Московского протокола: с одной стороны, газета вполне лояльно относилась к официальным заявлениям тогдашнего руководства партии в поддержку Московского протокола, а с другой — она стремилась, по сути дела, полностью дискредитировать эти соглашения, умалить их значение, подорвать к ним доверие и тем самым затруднить процесс консолидации верных социализму сил. Еще в начале 1968 года на страницах «Руде право» шла полемика с органом Бюро ЦК КПЧ еженедельником «Трибуна», а также велась разнузданная кампания против «Зправы», то есть органов печати, которые отстаивали марксистско-ленинские принципы и интернационализм [1].

---

[1] См.: «К деятельности «Руде право» между январем 1968 и апрелем 1969 года», «Rudé právo», 16.IX.1970.

«Выжидание» — тактика правых журналистов

В послеавгустовский период 1968 года довольно длительное время продолжалась и антипартийная деятельность правления Союза журналистов ЧССР, которое все свои усилия сосредоточило на том, чтобы развить отношения «партнерства» с партийными и государственными органами и всячески дискредитировать те органы информации, которые выступали с последовательно социалистических позиций. Правление изыскивало «эффективные» методы борьбы против усилий по консолидации, развивая в условиях тогдашней Чехословакии тактику мирового антикоммунизма, известную под названием «Roll back» («катись назад»), применяя различные формы давления и вместе с тем рассчитывая «пережить временный этап».

Под покровительством бывшего секретаря ЦК КПЧ Зд. Млынаржа правление Союза журналистов чувствовало себя довольно уверенно, и секретарь правления Малечек прямо предупреждал своих членов, что если в той или иной редакции положение окажется таким, при котором там невозможно будет работать, то эта возможность сохранится-де в соседней редакции. «К подобной шахматной партии,— заявлял он,— мы должны быть готовы...» И они были готовы. Союз журналистов хотел быть монопольным «рупором» печати и самостоятельно решать все вопросы кадровой политики, для чего устанавливал связи с правооппортунистически настроенными профорганизациями на заводах и в учреждениях, через которых стремился оказывать давление.

Как словацкий, так и чешский Союзы журналистов использовали 15-й ежегодный журналистский конкурс им. Юлиуса Фучика именно для того, чтобы отметить премиями этого конкурса прежде всего тех журналистов, которые известны своими антисоветскими выступлениями до и после августа 1968 года.

В то время как ЦК КПЧ в ноябре 1968 года, когда в Праге проходили собрания интернационалистов, подвергал средства массовой информации резкой критике, представители Союза чешских журналистов стремились создать атмосферу истерии и психоза вокруг каждого, кто стоял за консолидацию. Особенно усердствовали в этом неблаговидном деле журналы «Репортер» и «Политика», которые вопреки решениям ЦК КПЧ всячески распространяли антисоциалистические и антисоветские взгляды. Свою опору журналисты искали в Координационном комитете творческих союзов, среди правых студенческих групп и в проф-

союзах. Представители Союза В. Кашпар, д-р Малечек, И. Румл, И. Ледерер, Ф. Каутский вместе с правыми — А. Свободой, И. Гохманом, К. Кынцлом и др.— проводили «кампании давления» на верных сторонников Компартии и социалистического государства, на интернационалистов, поднявших свой голос в поддержку подлинной нормализации обстановки в стране. Так же, как в апреле 1968 года, когда журналистская «группа давления» заседала параллельно с ЦК КПЧ, в ноябре того же года, во время пленума ЦК КПЧ, собрался (18 ноября) журналистский «актив давления», а 22 ноября в Славянском доме было проведено собрание представителей ЦК творческих союзов и работников науки. Там разрабатывались «мероприятия давления», формировались делегации, «устанавливался контакт и начинался диалог» с партийным и государственным руководством. Антисоциалистические силы изыскивали любую возможность выскользнуть из-под влияния партии и нарушить процесс нормализации.

Президиум правления Союза чешских журналистов выразил свое несогласие с позицией Президиума ЦК КПЧ от 2 апреля 1969 года, призывавшего средства массовой информации к хладнокровию и рассудительности. Общую ситуацию президиум Союза журналистов охарактеризовал как «серьезные противоречия между руководством союза и руководством партии».

После апрельского (1969 г.) пленума ЦК КПЧ и после опубликования манифеста верных марксизму-ленинизму и интернационализму журналистов под названием «Слово, обращенное к собственным рядам» президиум СЧЖ стал изыскивать возможность «сохранить на будущее журналистские кадры», стремился разработать какую-то новую концепцию «положения журналиста» и, используя социальную демагогию, подчеркивал исключительность личности журналиста.

Неизбежный конец деятельности самозваного президиума Союза чешских журналистов наступил 8 сентября 1969 года, когда после критического анализа его деятельности, проведенного руководящими партийными органами, была ликвидирована пражская организация Союза чешских журналистов, принята отставка президиума и создан организационный комитет по созыву II съезда чешских журналистов.

Белым по черному в «Черной книге»

Различные реформистские и антикоммунистические группы нашли общую платформу в «народном единстве», призванном

отсрочить неизбежный крах антисоциалистических концепций. А представители «аристократической» элиты от литературы «снизошли» до «черной» публицистики и неоднократно поносимого ими «репортерства». Историки засели за написание «поденной хроники современности», которой они пытались придать характер «обвинительного документа». Написанная в самый трудный период, эта «хроника» была, по сути дела, не чем иным, как чистейшей фальсификацией событий и фактов.

От периода шовинизма и истерии (август 1968 г.) нам остался написанный «белым по черному» жалкий документ — «Черная книга». Она представляет собрание фальсифицированных фактов, выдаваемых за «достоверные», свидетельских показаний журналистов, созданных по рецептам незадачливых авторов пособий по ведению психологической войны.

В то время как К. Кынцл по телевидению, И. Канский в «Новом слове» и десятки подобных им деятелей, в том числе и сами руководители союзов журналистов, с бранью обрушились на «Белую книгу о событиях в ЧССР в 1968 г.» (как называли там известный сборник советских журналистов «К событиям в Чехословакии») за то, что она содержала в себе факты и документы, со всей убедительностью уличавшие манипуляторов общественным мнением в использовании в антисоциалистических целях печати, радио и телевидения, некоторые псевдоисторики создавали «Черную книгу», совершая неприглядный акт, который навсегда останется пятном на репутации чехословацкой историографии.

Издание этой книги было предпринято Институтом истории Чехословацкой Академии наук. Хотя было точно известно, что многие включенные в нее «документы» и факты фальшивы, тенденциозны и уже опровергнуты, вся публикация выдержана, однако, в стиле «документального» исторического исследования. И это не случайно. Она имеет вполне определенную политико-пропагандистскую цель: способствовать антисоциалистическим силам в осуществлении их деятельности, разжигать националистические страсти, поощрять погромные настроения и антисоветскую истерию. Именно благодаря этому книга стала объектом интереса реакционных, антикоммунистических сил в США и на Европейском континенте. Отрывки из книги публиковались иностранными газетами и журналами; она рассматривалась как своего рода бестселлер для наиболее реакционных антикоммунистических кругов.

Вопреки утверждениям авторов «Черной книги» факты не-

опровержимо свидетельствуют о том, что в 1968 году в Чехословакии имелись и развивались явно антисоциалистические тенденции, которые вели к контрреволюционному перевороту в стране. Осуществить этот переворот правым силам помешала лишь интернациональная помощь, оказанная ЧССР братскими социалистическими странами. Хотя и после августа 1968 года правые и антисоциалистические силы не отказались от своих попыток ликвидировать социалистический строй в Чехословакии, используя для этого новые, более завуалированные методы, но попытки эти уже никак не могли увенчаться успехом. Если в августе 1968 года возникла коалиция всех антисоциалистических сил, праволиберальных оппортунистических групп и всевозможных ревизионистов, то после ноябрьского пленума ЦК КПЧ (1968 г.) начался уже процесс постепенной консолидации преданных социализму сил. Все большее число людей в Чехословакии стало осознавать всю пагубность политики правых сил, нереальность «новой модели социализма», бесплодность «пассивного сопротивления»; они все лучше стали понимать, что для Чехословакии нет иного пути развития, кроме социалистического.

Преданные социализму журналисты в борьбе против контрреволюции

Говоря о негативных явлениях, характерных для средств массовой информации и пропаганды после августа 1968 года, нельзя не отметить большую и плодотворную помощь, которую оказала всем здоровым, преданным социализму силам ЧССР печать братских социалистических стран. Она своевременно и ясно указывала на правооппортунистическую опасность внутри КПЧ, на нарастание антисоциалистических тенденций в чехословацком обществе. Она всемерно поддерживала здоровые, преданные социализму силы в стране, укрепляла их веру в торжество принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Мы имеем в виду и передачи Московского радио, и передачи из ГДР и Венгрии на чешском и словацком языках. Особую роль в это время сыграла газета «Зправы» («Известия»). Эта газета, способствовавшая активизации всех прогрессивных чехословацких журналистов, сыграла огромную роль в подрыве антисоветской идеологической кампании; она убеждала людей, помогала собирать и сплачивать силы, сочувствующие социализму. Не случайно правая часть тогдашнего руководства КПЧ всячески добивалась закрытия данной газеты и не препятствовала травле тех, кто ее распространял.

Весьма эффективной была помощь «Зправ» в воспитании населения Чехословакии в духе пролетарского интернационализма. Газета внесла значительный вклад в развитие дружбы и сотрудничества нашего народа с народами стран социалистического содружества. В ней были полностью опубликованы документы ЦК КПЧ о контрреволюционном характере событий в Чехословакии весной и летом 1968 года.

Вот что писал в связи с этим Д. Кольдер в статье «Борьба против правых, борьба за единство партии», опубликованной в братиславской «Правде» в ноябре 1970 года: «Вновь стал актуален вопрос о способах ведения борьбы, особенно когда после августовского пленума ЦК КПЧ (1968 г.) стало ясно, что правая часть руководства партии саботирует выполнение Московского протокола. Здоровое ядро партии использовало все формы политической борьбы. Поэтому и возникла редакция «Зправ». С помощью этой газеты коммунисты получали информацию, группировали силы, поддерживали своей борьбой товарищей, которые составляли меньшинство в органах партии, а в такой помощи они крайне нуждались. Без газеты «Зправы», без красной почты, то есть без ее разносчиков, не было бы и успехов в борьбе с правым крылом в руководстве КПЧ, потому что товарищи, ведшие борьбу в легальных органах, находились в меньшинстве.

То, что правые развернули такой ажиотаж вокруг «Зправ», вполне понятно. «Зправы» стали тогда не только коллективным пропагандистом и информатором, но и организатором, поскольку вокруг них группировались здоровые силы. Иной возможности обнародовать свои взгляды у здоровых сил не было» [1].

Газета «Зправы» выходила в сложной политической ситуации с начала сентября 1968 года; она с первого и до последнего (61) номера, вышедшего 10 мая 1969 года, была верна лозунгу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», и неспроста выход этой газеты реакция встретила злобным воем, использовав против нее все формы и методы борьбы — в комитете по культуре Национального собрания, в органах партии, правительства, в Генеральной прокуратуре и, разумеется, в средствах массовой информации и пропаганды.

В сентябре и октябре 1968 года между правительствами ЧССР и СССР были подписаны важнейшие соглашения, созда-

---

[1] «Pravda», 18. XI. 1970.

вавшие предпосылки для политической и экономической консолидации в стране; Президиум ЦК КПЧ, правительство и Национальное собрание приняли решения, направленные на нормализацию обстановки.

9 сентября 1968 года в передовице «Зправ» «Путь к действительной нормализации» говорилось: «Те, кто понимает сложившуюся ситуацию, не могут не видеть, что нормализация означает прежде всего полное разоблачение и ликвидацию деятельности антисоциалистических сил, устранение их влияния на часть населения, особенно молодежь, решительное укрепление руководящей роли Коммунистической партии Чехословакии в деятельности государственных органов, в идеологической и общественной областях, во всей жизни страны».

Понятия «нормализация» и «консолидация» газета «Зправы» (№ 6) анализировала в статье, подписанной «Лува» (Й. Лукаш и А. Вавруш): «Если вы внимательно присмотритесь к сообщениям в печати, по радио и телевидению, то увидите, что все они имеют двоякую направленность: 1) сообщения, которые должны быть обнародованы, так называемая «официальная информация» (иногда, правда, здесь имеются свидетельства удивительной нерасторопности, как было, например, с публикацией Коммюнике о чехословацко-советских переговорах в Москве), и 2) сообщения, которые могут быть обнародованы. Цель последних не информация, а порождение недовольства и раздражения.

Под наивной «шапкой»: «Читатель, выбери сам, сам посуди» редакции умышленно подбирают сообщения и отрывки из сообщений так, чтобы вызывать смятение, чтобы оживлять и искусственно порождать ненависть. Какое-либо сообщение западных агентств или буржуазной печати, полуправда или просто ложь появляются всюду, где только можно. А действительная, правдивая информация, действительная объективность, во имя которых было изведено столько чернил, отсутствует».

О действительном характере пресловутой «нормализации», проводимой в Чехословакии антисоциалистическими силами, газета «Зправы» писала в ряде статей, анализируя борьбу правых против политики партии. В передовице «Важное решение», в частности, говорилось: «Все яснее вырисовывается вред тех правых, которые говорят о необходимости проводить две линии: формальную, полностью соответствующую Московским соглашениям, и скрытую, направленную на саботирование договоров, на замедление нормализации.

На страницах газет, по радио и телевидению враждебные антисоциалистические силы пытаются комментировать московские переговоры таким образом, чтобы, по существу, дискредитировать всех тех, кто стоит за последовательное, незыблемое выполнение Московских соглашений.

Трудно рассчитывать, что провокационные нападки исчезнут со страниц газет, пока там будут оставаться те же самые люди, которые на протяжении последних месяцев вели прямую антисоветскую деятельность»[1]. В той же передовице газеты «Зправы», как и в других ее номерах, говорилось о явном и постоянном противоречии в то время между решениями Президиума ЦК КПЧ и их осуществлением, о саботировании этих решений правыми, о сохранении антисоциалистических кадров и т. д. «Множество фактов свидетельствует о том, что враждебные силы, выкручиваясь и лавируя, стремятся сохранить свои кадры прежде всего в средствах массового воздействия. Факты вместе с тем подтверждают, что эти силы так организуют свою работу, чтобы создать впечатление временного согласия с мероприятиями, утвержденными ЦК КПЧ и правительством ЧССР во исполнение Московских соглашений. Но одновременно они стремятся и к тому, чтобы восстановить против этих соглашений общественное мнение... Правые силы, как они сами об этом говорят, рассчитывают на то, что после ухода союзных войск «все будет в порядке». Контрреволюционные элементы связывают с уходом войск надежду на активизацию своей деятельности, на то, что кто-то поверит, будто они прочно стоят на позициях социализма и пролетарского интернационализма»[2].

Газета «Зправы» разоблачала и фарисейскую тактику, осуществлявшуюся в практике некоторых правоориентированных органов партии, предлагавших «читать между строк», судить о работе органов партии не по тому, что они утвердили, а по тому, «чему они помешали», и т. д. Например, после опубликования Коммюнике о переговорах представителей ЧССР и СССР в Москве президиум Пражского горкома КПЧ распространил закрытый материал — «Информация № 19». Это была инструкция партийным работникам относительно того, как разъяснять членам партии и согражданам наиболее важные вопросы. Прежде всего, говорилось в «Информации», следовало подчеркивать, что согла-

[1] «Zprávy», 1968, č. 7.
[2] Там же.

шения, которые подписали представители партии и правительства, являются лишь «компромиссным политическим решением», принятым «под угрозой присутствия иностранных вооруженных сил». Всем работникам аппарата райкомов КПЧ и всем членам КПЧ в Праге запрещалось вступать в контакт с командирами и солдатами «иностранной армии».

На всем протяжении своей деятельности газета «Зправы» способствовала формированию классово-политического сознания, ленинского подхода к анализу сложной политической ситуации, возникшей в результате деятельности правых оппортунистов, захвативших ключевые позиции в партии. Она разоблачала антисоветскую основу различных концепций правых сил, указывала на реальное положение дел и на возможный выход из кризиса. Вокруг «Зправ» группировались политики и журналисты, верные принципам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма; их активно поддерживали сотни корреспондентов и тысячи распространителей печати.

В начале 1969 года стал выходить еженедельник «Трибуна» — орган Бюро ЦК КПЧ, принципиальная позиция которого означала новую мощную поддержку всем тем, кто остался верен принципам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, служила воодушевляющим примером в борьбе за укрепление и консолидацию Компартии Чехословакии, ориентацией для многих, кто выходил из-под влияния демагогических лозунгов правой части руководства партии. «Трибуна» стала не только подлинной трибуной для всех, кто хотел высказаться по жизненно важным вопросам партии и государства, но и источником фактов, аргументов и идей, которые нужно было разъяснять людям, обманутым правыми и антисоциалистическими силами с помощью подпавших под их влияние средств массовой информации. «Трибуна» стала проводником принципиальных марксистско-ленинских взглядов. Систематически печатая передовицы и статьи пропагандистско-теоретического характера, она публиковала письма читателей, информацию, вела принципиальную полемику.

Подобно «Трибуне», выдающуюся роль в деле активизации подлинно прогрессивных сил сыграл и еженедельник «Свет социализму».

Однако решительный поворот в деятельности средств массовой информации и пропаганды наступил позднее — после апрельского (1969 г.) пленума ЦК КПЧ, избравшего новое руководство партии.

Коалиция оппортунистов, мещан и диверсантов

Даже беглый анализ антисоциалистических тенденций, проявившихся в Чехословакии в 1968 году, показывает, что их корни уходят в *оппортунизм, мелкобуржуазные колебания,* которые были использованы империализмом в целях организации антикоммунистической *диверсии.*

Ход событий, связанных с так называемым «чехословацким экспериментом», вновь подтвердил доказанную историей истину, что рано или поздно, желая того или нет, ревизионисты закономерно встают на путь измены делу революции и приходят в лагерь открытых ее врагов.

Беспринципность и двуличие

И хотя движущие стимулы отдельных носителей правооппортунистических и антисоциалистических взглядов были различны, однако конечные их цели и последствия оказывались одинаковыми. Правые утонули в волне национализма, которую сами же и вызвали к жизни.

Франтишек Кригель выступил в Президиуме ЦК КПЧ с предложением воспользоваться националистическими настроениями и преобразовать КПЧ в общенародную партию, для чего готовился «кадровый съезд», на котором правые рассчитывали полностью захватить руководство партией в свои руки и расправиться с верными марксистами-ленинцами. Этот политический представитель тогдашнего руководства КПЧ имел тесные связи с руководящими работниками средств массовой информации и пропаганды, с работниками Пражского горкома КПЧ и отдельных обкомов и райкомов партии, а некоторые свои замыслы осуществлял через Координационный комитет творческих союзов и Союз работников кино и телевидения (ФИТЕС). На той же правооппортунистической платформе он устанавливал связь и с другими общественными организациями и политическими партиями, равно как и со вновь создававшимися антисоциалистическими группировками. В то же время Кригель восседал в самом высоком органе партии. Людей подобного типа очень метко называют *двуликими.*

Это же относится и к Александру Дубчеку. В одной из редакционных статей «Руде право» говорилось: «Александр Дубчек был исключен из рядов нашей партии потому, что за срав-

нительно короткое время, находясь во главе партии, он привел ее в состояние такого развала, какого она не знала до сих пор; что он довел наше общество, наши общественные организации, профсоюзы, молодежь до такой степени разложения, а наше народное хозяйство вверг в такую волну инфляции, привел к такой дезорганизации, что мы оказались на краю экономического краха. В области международных отношений он нарушил связи с Советским Союзом и остальными социалистическими странами, и Чехословакия оказалась в изоляции, на краю большого риска и огромных опасностей.

Утратив классовое и интернациональное сознание, Дубчек растерял, вероятно, и последние остатки марксизма. Партия, социализм, интернациональное братство трудящихся тонули в его выступлениях под лавиной бессчетных «я». Он сам исключил себя из наших рядов. Он не выдержал взятой на себя ответственности и вступил на легкий путь поддакивания правым и контрреволюционным силам, пока сам не оказался на их платформе» [1].

В то время всем здравомыслящим людям было ясно, что социализм в Чехословакии оказался под угрозой. Контрреволюционные силы уже открыто говорили о выходе Чехословакии из Варшавского Договора, о ее нейтралитете, о приостановлении союзнических отношений с СССР; они имели даже планы разрыва экономического сотрудничества с Советским Союзом. Тогдашнее руководство КПЧ отказалось от возможности мобилизации здоровых сил и позволило разоружить партию, которая практически осталась без руководящего органа. Поэтому для сохранения социализма в Чехословакии у союзников не было иного выхода, как оказать ей в этом великом историческом деле свою интернациональную помощь.

«Человеком многих лиц» является и Йозеф Смрковский, который изощренно изменял и приспосабливал свои выступления и поступки применительно к любой ситуации, к любым настроениям и требованиям правых. Например, противоположные оценки, высказанные им относительно «2000 слов» на протяжении всего нескольких часов и дней, вполне отвечают духу мелкобуржуазных шатаний. Еще 27 июня 1968 года на заседании Национального собрания, а затем и Президиума ЦК КПЧ он размахивал текстом «2000 слов» и кричал: «Это трагедия! Это контрреволюция! И это всего через день после отмены цензуры!.. Это

[1] «Rudé právo», 16.VII.1970.

призыв к анархии, это призыв к наступлению на КПЧ». Тогда же он требовал «энергичного выступления КПЧ» за «обеспечение прочного порядка в государстве», иначе «будет поздно» и т. д.

Однако уже вечером того же дня на собрании партийной группы депутатов-коммунистов Й. Смрковский пытается оправдывать людей, подписавших «2000 слов», ссылаясь на то, что многие-де не давали себе отчета в том, под каким документом они ставят свою подпись. В конечном итоге вовсе, мол, неважно, чьи подписи там стоят: авторы с равным успехом могли выбрать и сто пятьдесят других людей...

В статье «Одна тысяча слов» (5 июля) Й. Смрковский пишет: «Подчеркиваю, и уже не в первый раз, что главную опасность я усматриваю в силах, которые не отказались от мечты о реставрации доянварского режима, — в силах, вооруженных режимом личной власти...

Среди тех, с кем я хотел бы найти общий язык, поскольку я хочу верить, что речь для нас идет об одной и той же цели, находятся и автор заявления «2000 слов», и те, кто его подписал... Потому что за «2000 слов» я вижу совершенно чистые помыслы» [1].

Вершиной подобного хамелеонства явились высказывания А. Дубчека, О. Черника и Й. Смрковского на одном из приемов, на котором люди, поставившие свои подписи под осуждающей оценкой, выраженной в «Точке зрения Президиума ЦК КПЧ на „2000 слов"», называли Вацулика — автора этого документа — ласкательно «Людвичком» [2].

Партия разошлась с такими людьми; она разошлась и с сотнями носителей оппортунизма, которые хотели бы сделать из КПЧ партию мелкобуржуазного типа.

Мелкобуржуазный бунт

Исключенные из партии люди — это представители различных общественных групп. Однако представители «процесса возрождения» и теоретики «демократического социализма» рекрутировались из слоя, для которого «оппортунистическая ориентация» является родной. Э. Собота в серии статей «О мещанстве», опубликованных в братиславской «Правде», так пишет об этом:

---

[1] «Rudé právo», 4.IV.1970.
[2] P. Kohout, Aus dem Tagesbuch eines Konterrevolutionärs, S. 194.

«Все-таки совершенно логично, что Э. Гольдштюккер — сын трактирщика и владельца лесопилки со словацкой Оравы — встретился на одной платформе с А. Лимом, сыном богатого пражского адвоката. Нет ничего удивительного в том, что Ф. Кригель — сын богатого польского строителя из бывшего Станислава — встретился на одной платформе с Э. Леблом, который, даже будучи членом КПЧ, был одновременно и владельцем солидной фабрики в Австрии. И еще менее того удивительно, что на той же самой платформе встретились Б. Бать из Каменец-Подольского — сын богатых родителей Шлоима и Рахили Бать, позже выступавший у нас под именем С. Будин в качестве главного редактора журнала «Репортер», — и сын богатого помещика из восточнословацкого района Стара Любовна Э. Фриш. Они сошлись потому, что никак не могли не сойтись.

Эти и подобные им люди не только окружили Коммунистическую партию Чехословакии и проникли затем в нее, но и постепенно заняли в ней ключевые, узловые, чрезвычайно значимые в политическом и общественном отношении места, с которых они могли оказывать влияние на общественное мнение, создавать атмосферу и «делать политику», что на практике означало... возможность повседневной, повсеместной, невидимой, неуловимой, разлагающей деятельностью деморализовать партию мелкобуржуазными явлениями, все время вызывать рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, беспорядочности, индивидуализма и взрывов» [1].

Те, кто знал этих людей, нашедших сегодня убежище в объятиях сионистских организаций в эмиграции, знает, что речь идет о мелкобуржуазных радикалах, с равной легкостью способных впадать в крайний радикализм, как и хныкать и нервозно перебегать из лагеря в лагерь, пока наконец не окажутся в стане неприятеля.

Когда мы анализируем корни ревизионистских и антисоциалистических взглядов и действий, вылившихся в контрреволюцию, когда исследуем, как антикоммунистическим центрам внутри страны и диверсионным центрам за границей удалось найти опору в нашем обществе, мы неизбежно приходим к вопросу о мелкобуржуазности.

Известно, что машины идеологической диверсии и психологической войны ориентируются на слои, которые были связаны различными нитями с прошлым. Империалистические концепции

[1] «Pravda», 22.I.1971.

строятся в расчете на пережитки буржуазной идеологии в области морали и психологии, которые постоянно подогреваются антикоммунизмом и способны активизироваться, как только создается благоприятная атмосфера.

Если в 1948 году буржуазия сама намеревалась совершить путч, то в 1968 году вожди антикоммунизма науськивали на социализм и использовали против него дезориентированного мещанина из средств массовой информации и пропаганды или из различных слоев самозваной «элиты интеллектуалов». Интеллигенция с мелкобуржуазными традициями и психологией оказалась тем резервом, который антисоциалистические центры использовали в своих целях. К сожалению, мещане пролезли и в КПЧ, занося туда чуждые ей идеологию, психологию, навыки, стихийность, недисциплинированность, равнодушие, оппортунизм.

Социальные корни мелкобуржуазного оппортунизма лежат в прежней социальной структуре чехословацкого общества с большим удельным весом мелкобуржуазных слоев, в особой живучести, стойкости и массовости мелкого производства, идеологии и психологии мелкого буржуа.

«В нашей стране,— говорил на XIV съезде КПЧ тов. В. Биляк,— противники социализма имели для этого почти идеальные условия. Чехословакия относилась к странам с очень большой прослойкой мелкой буржуазии»[1].

Социальную базу оппортунизма в ЧССР составляли мелкобуржуазные интеллектуалы, которые умышленно игнорировали классовый подход к оценке общественного развития, распространяли неверие в марксистские принципы, пытались подменить их ревизионистскими концепциями, стремясь к изменению власти и преследуя свои собственные карьеристские цели. Такие люди, как И. Пеликан и З. Гейзлар, бросались из одной крайности в другую — от догматизма к правому ревизионизму, пока наконец не оказались в лагере врага. Правый оппортунизм подыгрывал мелкой буржуазии, из которой он вышел, а она в свою очередь была потенциальным резервом правого ревизионизма в партии, антисоциалистических тенденций в обществе.

Разношерстное «братство» правых и антисоциалистических элементов опиралось в ЧССР на резидента Тигрида — В. Черного — и на платных разведчиков из американских диверсионных центров типа И. Свитака или масариковского генерала Палечка. Но и те, кто поддавался влиянию ревизионизма, не имея

[1] «Rudé právo», 28. V. 1971.

явных антисоциалистических замыслов, закономерно оказывались на узкой тропе предательства. Такой конец был тем более неизбежен, что мелкобуржуазные слои умышленно отравлялись с помощью методов психологической войны, так что даже «добропорядочный» возродитель-ревизионист, поддерживая концепции идеологической диверсии, оказывался на платформе контрреволюции.

Те представители мелкой буржуазии, которые не избавились от балласта прошлого и не хотели честно трудиться, слились с антисоциалистическими силами в клубах «КАН» и «К-231», в группах, которые выступали с предложениями основать новые антикоммунистические партии и т. п. Широкое хождение получили мелкобуржуазные лозунги о «классической демократии», «неограниченной свободе», «общеклассовом гуманизме», «возрожденном социализме» и «общенародном единстве».

«Храни родину!», «Защищай суверенитет!» — этими и подобными им лозунгами прикрывались все антисоциалистические силы в ЧССР. Но лозунги эти были лживы, поскольку направлялись против СССР, игнорировали Мюнхен и Вьетнам, создавали иллюзию, будто НАТО и сотни военных баз, расположенных вблизи границ ЧССР, каким-то образом обеспечивают ее суверенитет.

К сожалению, в КПЧ мелкобуржуазные тенденции недооценивались еще до января 1968 года, а после января представители правых сделали из националистических лозунгов и антисоветских выдумок, из иллюзий относительно буржуазной ЧССР, из святочной легенды о Т. Масарике и М. Штефанике, из «западноевропейской ориентации» и мнимых прелестей «потребительского общества» составную часть модели «возрожденного социализма» и таким образом систематически подрывали социализм.

Мещанская психология — питательная почва антисоциализма

Чехословацкое мещанство обладает давними традициями; оно было опорой многих реакционных режимов, процветая и в домюнхенской республике, и в протекторате, и в фашистском словацком государстве. То оно воспринимало концепцию социал-демократизма, которую можно охарактеризовать как «умеренный» реформизм с согласия и одобрения капиталистов, то становилось сторонником концепции масарикизма, характеризуемого идеалами «гуманизма» в теории и нищетой на практике, идеалами

западного «европоцентризма», то поддавалось идеям национал-социализма. В Словакии проявлялась идеология людацкого клерикализма, представлявшая собой сочетание национализма с мракобесием. Иногда это были хитренькие концепции, которые во времена наступления гитлеровского фашизма были призваны прикрывать то коллаборационизм, то недостаток активного сопротивления. Затем появились и «неклассовые» концепции о международном положении Чехословакии — концепции «нейтралитета», «собственного пути», концепции «мостов» или «чехословацкой модели» как «синтеза традиций Запада и Востока» и т. д.

В культуре и искусстве преобладала тенденция преклонения перед абстрактными школами Запада, перед которым мещанин склонялся как перед «законодателем» всего «нового» и «современного». Если взять словацкую литературу, то обнаружим, что причина реабилитации не только некоторых произведений сомнительной ценности, но и скомпрометировавших себя писателей коренилась именно в мелкобуржуазном национализме. Мелкобуржуазность вкусов пронизывала определенные течения в музыкальной культуре, ищущие воодушевление в сексе и скептицизме. В литературно-драматическом творчестве развивались «неклассовые» гуманизм и демократизм. Какая-то горстка самозванцев, группировавшихся вокруг ФИТЕС, навязывала кинематографии ЧССР критерии, чуждые социалистическому образу жизни.

Махровый цвет мещанства буйствовал и в таких сферах жизни, как использование свободного времени, развлечения, а также вообще в стиле жизни, придавая им черты давно изжитого и недостойного.

У молодежи мы встречаемся с естественной тенденцией к революционности, к новизне, современному. Однако этим ее особенностям мещанин хотел дать ложное направление, сводя социальный идеал молодежи к псевдодемократии, декадентству и моде; он стремился отравить сознание молодых людей и с помощью фальшивых критериев создать для них идолов из звезд сверхэротизированной кинопорнографии и героев вестернов.

Все это, однако, подавалось как борьба за «свое», «истинно национальное», «специфически чехословацкое».

Ну а от националистической напыщенности, от эгоцентризма оставался всего лишь маленький шажок до антисоветизма, шовинизма, до суженного взгляда на вещи, не позволяющего видеть то главное, что происходит в мире,— прежде всего классовую борьбу в международном масштабе, причем не только

в форме борьбы идеологий, но и прямой империалистической агрессии в Индокитае, на Ближнем Востоке и в других местах.

Производя «инвентаризацию» главных носителей антисоциалистических идей в Чехословакии, мы видим, что процент их был здесь не так уж и велик. Однако им удалось оживить те взгляды и чувства, которые скрытно удержались в сознании мещанина,— о «неклассовой» свободе, о «демократии» как о своеволии и о «социализме» как о дойной корове.

Анализируя вышеперечисленные явления, мы обнаруживаем, что они не новы. В. И. Ленин очень точно характеризовал мелкобуржуазность, мещанство как врагов социалистической революции.

В обширном наследии В. И. Ленина мы находим немало весьма метких эпитетов, которыми он характеризовал мещанина. Он с сарказмом говорил, например, о мелкобуржуазных лозунгах «чистой», «надклассовой» демократии, о мещанской утопии «соглашения» и «сотрудничества» классов [1]. «Непартийность» Владимир Ильич называл лакейством перед буржуазией, а лозунги о «демократии» вообще, о «единстве» или о «единстве трудовой демократии», о «свободе» и «равенстве» вообще — мелкобуржуазным мещанским фразерством [2]. Особенно резко он осуждал мелкобуржуазность за ее усилия в классовой борьбе найти «третий путь», «золотую середину». К событиям в ЧССР приложимы и слова Ленина о «беспредельном тупоумии мещанина, самодовольно размазывающего самый истасканный хлам под прикрытием «новой»... терминологии» [3].

В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин резко критиковал тех идеологов мелкой буржуазии, которые «не в состоянии себе даже представить того, что эти мелкие производители живут и хозяйничают при системе товарного хозяйства... и что их отношения к рынку необходимо и неизбежно раскалывают их на буржуазию и пролетариат» [4]. Теории о мелком производстве и мелких производителях, о мелких предпринимателях (подобно умозрительным построениям О. Шика и Э. Лебла) В. И. Ленин назвал «экономическим романтизмом». Но говорил он тогда об утопистах, а не

---

[1] См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 57, 192.
[2] См. там же, т. 38, стр. 386.
[3] Там же, т. 18, стр. 341.
[4] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 222—223.

о псевдотеоретиках так называемой «чехословацкой модели», которые «романтизмом» отнюдь не страдают, превратившись в лакеев империалистических монополий.

В. И. Ленин показал, насколько искусно умеет мелкобуржуазная элита одурманить народ и впрячь его в капиталистическое ярмо. Как современные идеологи мелкой буржуазии капиталистических стран пытаются с помощью реформ «усовершенствовать» империализм, так и в ЧССР они хотели «улучшить» социализм возвратом к прошлому — в духе современной теории конвергенции. Здесь везде перед нами одна линия — защита капитализма. В Чехословакии мелкие буржуа буквально соревновались в 1968 году в славословиях мелкобуржуазной утопии «чехословацкой модели», которая должна была стать шагом назад к «демократии» буржуазного типа. В своей трусости, в своих опасениях утратить «покой и уверенность» мелкий буржуа остановился на полдороге или, перепугавшись, «обратился,—по словам эмигранта Свитака,—в обратный полет к буржуазной демократии»; он тешит себя фальшивыми иллюзиями о квазисоциализме, неосуществимыми надеждами эклектического соединения капитализма и социализма, заключенного в оппортунистической программе.

Свои резкие, необычайно жесткие слова и выражения В. И. Ленин адресовал не тем, кто оказался в плену у своих привычек, кто лишь по юношеской или житейской неопытности грезит о демократии, свободе и гуманизме, но еще не осознал, что всего этого можно добиться только через классовое понимание этих идеалов, через социализм. Он адресовал их идеологам мелкой буржуазии, которые при помощи социалистической фразеологии *сознательно* проводили буржуазную политику.

Как известно, остатки мелкобуржуазности в ЧССР проявились и проявляются у тех людей, которые материально и духовно были связаны с представителями эксплуататорских классов, лишенных и собственности, и власти в феврале 1948 года или вскоре после этого; на этих людей влияли либо бывшие воротилы чехословацких монополий, либо дядюшка-помещик, людацкий священник или кто-либо еще из подобных родственников, например эмигрант, сегодняшний владелец бензоколонки в Канаде и т. д. Поэтому эти люди долгое время сохраняли свою старую, потерпевшую крах мораль и свои привычки, мышление и образ жизни, представляя вполне «закономерно» шаткий, колеблющийся слой в политическом отношении.

Носители мелкобуржуазной идеологии в Чехословакии закономерно оказались на платформе реакции, а многие из них в критический момент стали наемниками империалистических разведок и предателями. После января 1968 года в ЧССР буйно расцвела мелкобуржуазная беспринципность; иногда она проявлялась и в том, что некоторые политические деятели просто плыли по течению. Но резиденты западных центров заботливо пеклись о том, чтобы «чехословацкая модель», которую проводили в жизнь эти люди, стала всего лишь этапом на пути отхода от социализма. Иногда это был мелкобуржуазный, интеллигентский оппортунизм, стремившийся подменить классовые категории надклассовыми. Такие «теоретики», действовавшие в условиях Чехословакии 1968 — начала 1969 года, неизбежно оказывались в лагере контрреволюции. Поэтому Компартии Чехословакии уже давно и решительно надо было избавляться от вдохновителей, носителей и распространителей мелкобуржуазности, связанных с враждебными социализму классами и группами общества и их идеологией. Требование о необходимости жесткого осуждения идеологических носителей мелкобуржуазного оппортунизма и привлечения на свою сторону тех, кто, заблуждаясь, шел за этими людьми, остается в силе и сегодня.

Борясь против мелкобуржуазности, мы одновременно боремся и за социалистический образ жизни. Наша борьба против мелкобуржуазности выражается во вскрытии, анализе ее социальных корней и в устранении источников и условий, питающих мелкобуржазность, в борьбе с неклассовым пониманием общественных явлений.

Однако в усилиях преодолеть остатки мелкобуржуазности мы будем бороться не только против источников, способствующих оживлению откровенно антисоциалистических тенденций, но и против всех несоциалистических явлений, в том числе против безынициативности и бездельничества.

КПЧ ставит своей задачей избавиться от рецидивов мелкобуржуазных шатаний и всего, что способствует сохранению мелкобуржуазных привычек и пережитков, ибо все это — тот же самый груз прошлого, который мешает чехословацкому обществу ускоренно двигаться вперед по пути прогресса.

«Блеск и нищета» чехословацких эмигрантов

Если в начале 1968 года некоторые «возродители» социализма или модельеры «пражской весны 1968 года» еще казались кое-кому привлекательными своими «блестящими» лозунгами, то «горячим чехословацким летом» того же года они приобрели уже ярко выраженную окраску прямых или косвенных носителей антисоциалистических идей, а сбежав за границу, окончательно дорисовали свой портрет. Сопоставляя деятельность этих идеологов «демократического социализма» и те взгляды, которые они высказывают сегодня, с их же словами 1968 года, мы ясно видим, что за высокопарными псевдосоциалистическими фразами они скрывали контрреволюционные цели.

Что же воодушевляло чехословацких «возродителей»? На это указывает то последнее пристанище, которое они обрели с помощью вскормивших их диверсионных центров. Если в прошлом кое-кто и был сбит с толку «социалистической» фразеологией или «благородством» целей чехословацкого «гуманистического социализма», то нынешнее местопребывание и сегодняшние взгляды инициаторов и организаторов «чехословацкого эксперимента» ни у кого уже не вызывают сомнения.

Из анализа «деятельности» чехословацкой эмиграции вырисовывается главная линия ее поведения: максимальная изворотливость и эклектическая мешанина воззрений потерпевших поражение групп, высшим и наиболее характерным признаком которых является беспринципность.

После провала плана захвата власти правыми в 1968 году реакционные круги сначала еще ориентировались на А. Дубчека, увенчав его нимбом спасителя и использовав для популяризации его личности механизм по фабрикации звезд экрана и эстрады. Благодаря дешевым пропагандистским трюкам Дубчек оказался наряду с Жаклин Онассис-Кеннеди в числе наиболее «популярных» людей 1968 года. Книжный рынок был наводнен множеством изданий его биографии.

Неудача с применением социал-демократических методов, направленных на разложение коммунизма изнутри, вызвала про-

тиворечия в среде чехословацких эмигрантов. Среди последних немало нашлось и таких, которые резко выступают против компромиссно-реформистской «возрожденческой» формы деятельности некоторых антикоммунистических групп и открыто провозглашают себя сторонниками прямого насильственного переворота или войны. С другой стороны, известно также, что даже среди их империалистических покровителей раздаются голоса, которые не менее резко критикуют грубо экстремистские течения антикоммунизма, ориентирующиеся на военные методы.

Год спустя после провала «чехословацкого эксперимента» один из его идеологов, который сначала ратовал за реформу, а потом решил играть в открытую, Иван Свитак, писал в парижском издании журнала «Сведецтви» (№ 37 за сентябрь 1969 года) следующее: «Чехословацкий эксперимент потерпел крах на своих собственных парадоксах — на причудливой роли Коммунистической партии, которая хотела выступить на историческую сцену, переоблачившись в демократическую организацию, на наивной вере властвующей элиты, полагавшей, что ее противники добровольно позволяют сами себя ликвидировать».

Павел Тигрид, который был осужден в свое время чехословацким судом за антигосударственную и разведывательную деятельность, во II главе своей книги «Неудержимое падение Александра Дубчека», изданной также в Париже в 1969 году, утверждает, что в будущем, мол, следует ориентироваться на использование силы, но ему пока еще неясно, кто же в Чехословакии мог бы возглавить новую вооруженную контрреволюционную акцию. Он старается поэтому поддерживать самые различные течения чехословацкой эмиграции и выглядит своего рода *эклектиком*.

Из разглагольствований П. Тигрида и других его эмигрантских коллег, опубликованных на страницах того же журнала «Сведецтви» (№ 1 за 1971 г.), видно, что на протяжении последних десяти лет они как бы попеременно обращались то к потерпевшей крах буржуазии, то к приверженцам «чистых рук», то к крестьянам, то к «элите», а то и к неопытным группам молодежи и псевдопрофсоюзникам. Все это свидетельствует не только об их «гибкости», но и об отчаянных попытках уцепиться хотя бы за кого-нибудь. П. Тигрид то размышляет о возможностях незаметных форм борьбы, то видит «выход» в концепции перспективной, долговременной ориентации, то уповает на противоречия, а иногда все надежды возлагает на войну.

Этот платный и верный агент империалистических разведок выдает себя за весьма информированного человека и сочиняет

различные измышления, выдавая их затем в качестве неких «объективных» положений. Еще в феврале 1968 года увидели свет разглагольствования П. Тигрида, опубликованные в сборнике под названием «Политическая эмиграция в атомный век» (Париж, 1968 г.). Любопытно, что уже в этих его упражнениях в общих чертах излагается концепция так называемого «чехословацкого эксперимента». Исторически, утверждает он, эмиграция, как правило, всегда считалась с двумя возможными путями возвращения к власти: через *войну* или через *вооруженное восстание*. Но он тут же оговаривается, что-де сегодня оба эти пути имеют очень мало шансов на успех. При этом свою оговорку он основывает прежде всего на опыте 1956 года, когда с помощью Советского Союза в Венгрии была подавлена контрреволюция и сохранен социализм. Тигрид утверждает далее, что-де традиционная концепция изжила себя, она неэффективна; ее место сегодня занимает, мол, иная концепция — новая и неортодоксальная, позволяющая эффективно воздействовать на общественно-политические процессы, протекающие в тех странах, откуда вышла данная эмиграция. «Надежным, бесспорным и, наконец, *победным союзником политической эмиграции*,— пишет он,— является общественное изменение в сторону открыто плюралистического, парламентского, демократического общества...»

Упорные поиски выхода из идеологического хаоса и создавшегося тупика, предпринимаемые чехословацкими эмигрантами, смыкаются с поисками других антикоммунистов. Они нашли отражение в концепциях, выдвинутых в 1969 году Збигневом Бжезинским в качестве своеобразной «корректуры» его же собственных концепций 1968 года. Теперь этот ярый антикоммунист главный упор делает уже на «надежды», что-де Советский Союз постигнут внутренние неурядицы, а процесс консолидации в Чехословакии, мол, затянется. Другим выводом из чехословацких событий для него стала «надежда» на новые противоречия в международном революционном движении.

Но этим надеждам, естественно, не суждено сбыться. Для всех очевидны новый подъем международного коммунистического движения, укрепление ведущей роли СССР и КПСС. Об этом свидетельствуют, например, небывалое число — более ста делегаций — коммунистических, а также национально-демократических и левых социалистических партий мира, присутствовавших на XXIV съезде КПСС, изменение отношения многих братских коммунистических партий к событиям в Чехословакии 1968—начала 1969 года и т. д.

«Надежды» идеологов антикоммунизма поддерживаются псевдопрогностикой, основанной на произвольной абсолютизации некоторых сторон научно-технического прогресса. Теория «постиндустриального» или «технократического» общества, как его называет З. Бжезинский в своей последней книге «Между двумя эпохами» («Between Two Ages», New York, 1970), является не чем иным, как новым вариантом «теории конвергенции». Книга Бжезинского исходит из принципа «сосуществования различных идеологий». Автор вводит в ней новое понятие — «технотронная эра» — и пытается предсказать «отмирание марксизма-ленинизма».

З. Бжезинский опубликовал в 1969 году в журналах «Atlantic Quaterly», «East Europe» и в «Die Zeit» серию статей, посвященных анализу событий 1968 года, в которых он пытается сделать из этих событий поучительные для главарей антикоммунизма выводы. Правда, он «скромно» умалчивает, что его концепции, сформулированные в его прежних книгах, потерпели крах. Он даже отказывается от старого тезиса, что нужно-де ориентироваться лишь на идейное воздействие, и выдвигает новую концепцию — о необходимости ориентации на военный конфликт между социалистическими странами. Не исключая возможности военного решения проблемы, Бжезинский признает, что диверсия не служит заменой настоящей войны, а психологическая война рассматривается им как первая фаза, этап в подготовке к возможному военному конфликту. При этом Бжезинский заявляет, что необходимо-де рассчитывать на долговременную перспективу.

Другой «специалист» по вопросам антикоммунизма — П. Лудз из западноберлинского Свободного университета — занят изучением особой роли «партийной элиты» в «переходную эпоху». И Бжезинский, и Лудз относят свои прогнозы на период 2000 года.

А. Лим в новом издании своей книги «Три поколения» (A. Liehm, Trois Générations. Entretiens sur le phénoméne cultural tchécoslovaque) также ищет выход в длительных процессах, в теориях «полицентризма» и «поливариантности» марксизма, последняя из которых призвана разлагать единство международного коммунистического движения и мировой социалистической системы.

Занимаясь на страницах журнала «The New Republik» (№ 1 за 1970 год) анализом провала двух форм контрреволюции — в Венгрии 1956 года и в ЧССР 1968 года,—Бжезинский

пришел к выводу, что планы стратегов империалистической диверсии страдают-де «излишним оптимизмом», когда речь идет о темпах и возможностях «конвергенции» коммунистического и «свободного» мира, и «неоправданной односторонностью» ориентации на разделение и противопоставление социалистических стран друг другу. Попытка оторвать одну социалистическую страну от других стран социалистического содружества, сокрушается он, ведет к сплочению остальных и к совместной защите ими коммунистических интересов.

В 37-м номере тигридовского «Сведецтви» было даже опубликовано некое дополнение к «Двум тысячам слов», адресованное непосредственно рабочим. Создается впечатление, что антикоммунистические центры наконец-то начинают понимать, что никакая «теория элит» их не спасет.

В последнее время возникают *новые коалиции.* Послеавгустовская эмиграция начинает искать общий язык не только с послефевральской (1948 г.), но и с фашистской эмиграцией — с военными преступниками.

Начиная с весны 1969 года было предпринято уже несколько попыток сплочения чехословацкой политической эмиграции. В марте 1969 года послефевральские эмигранты основали так называемый «Неарденский комитет», который раскинул сеть своих отделений по всему миру, а на август 1970 года был назначен так называемый «съезд чешских и словацких изгнанников». На эмигрантских конференциях возникает конгломерат самых различных течений и поколений. В «Неарденский комитет», который хотел бы стать организацией, объединяющей под одной крышей старую и новую эмиграцию, входит даже бывший генеральный секретарь «К-231» Я. Бродский, который, однако, держится на некотором расстоянии от таких представителей эмигрантской элиты, как А. Лим, получающий богатые дотации из антикоммунистических фондов.

Пышные фразы о «возрождении» социализма слетают сегодня со всех антенн радиостанций, финансируемых империалистическими монополиями. Люди типа К. Винтера и Э. Книжа перешли в услужение агрессивному сионизму.

С помощью ватиканской церковной иерархии к компромиссу с сионистскими кругами стремятся и клерофашисты. Представители словацкого политического клерикализма заняты в Риме ловлей «овечек» из среды словацких туристов. Тем самым они стремятся убить сразу двух зайцев: доказать своим покровителям, что не даром едят их хлеб, и сорвать разумные намере-

ния тех ватиканских кругов, которые ищут сегодня пути к соглашению с ЧССР.

Старые и новые проблемы эмиграции

Весьма характерными для идеологического эклектизма и беспринципности коалиции всех антикоммунистических течений явились так называемые «конгрессы» словаков, проживающих в эмиграции. Эти «конгрессы» состоялись сначала в Нью-Йорке, в отеле «Америка» 19—21 июня 1970 года, а годом позже — в Торонто (Канада). На них встретились людацкие эмигранты, которые вот уже с 1945 года живут надеждами на возврат в Чехословакию (а некоторые из них, вроде Чермака или Леттриха, так и умерли с этой надеждой), и разбогатевшие на чужбине эмигранты довоенных времен, вроде канадского Ш. Романа. Здесь проявились тенденции к сближению взглядов Тигрида (Шенфельда) с политическим клерикализмом епископа Глинницы, который вынужден был переселиться из Рима в Канаду, потому что трезво смотрящие на вещи ватиканские круги начали искать формы для установления «модус вивенди» с Чехословакией. Фашисты типа Й. Киршбаума искали там единства с бывшим антифашистом, послефевральским эмигрантом Беллушем. Гардист-антисемит Й. Паучо — эмигрант с 1945 года — и элитист-сионист Э. Лебл — эмигрант с 1968 года — также нашли там общий язык.

Но и это сборище, проходившее под претенциозным названием «мирового конгресса словаков», показало, что у антикоммунизма нет никакой цельной концепции и что он не брезгает никакими формами борьбы — от психологических до военных.

На втором этапе поисков старая людацкая эмиграция стремится найти выход из кризиса путем установления коалиции с мультимиллионером Ш. Романом, а вместе с тем и найти защиту от влияний «новых течений» в эмиграции. В декларации «мирового конгресса словаков», проходившего 16—20 июня 1971 года в Торонто, эмиграция претенциозно заявляла о своей принадлежности к западной цивилизации и требовала свободы вероисповедания для приверженцев римско-католической и православной церкви, для евангелистов, сионистов и прочих верующих, требовала установления для словацкого народа «демократической государственности» и его включения в европейский интеграционный процесс. В качестве же главного лозунга «конгресса» были избраны «братство и взаимоуважение».

Декларацию подписали «генералы без армии»: Ш. Ро-

ман — председатель; Д. Тот — бывший редактор Братиславского радио, а теперь переоблачившийся в рясу генеральный секретарь и члены комитета доктора Й. А. Микуш, Й. Киршбаум, Й. Паучо и другие. В рамках «мирового конгресса» проходила и «научная конференция», посвященная Словакии. Эмигрантский журнал «Словак в Америке» от 30 июня 1971 года в одной из своих заметок отмечал, что «большинство делегатов высказались за полную самостоятельность Словакии».

Как можно видеть, бывшие людаки не откусили носа бывшим демократам или тем, кто недавно приехал из Словакии. И хотя временами обмен мнениями происходил в довольно резкой форме, но это наблюдалось лишь в кулуарах, а в целом на «конгрессе было полное взаимопонимание и взаимоуважение».

Однако, как бы то ни было, уже один только список делегатов свидетельствует о «дружбе» по нужде, «дружбе», построенной на «надежде». Реакционные круги США и Канады оказали «конгрессу» всяческую поддержку, но и они понимают, что в данном случае речь идет, конечно, о союзе явно сомнительных элементов. Например, бывший главный редактор людацкой фашистской печати д-р Й. Паучо стал советником Национального комитета республиканской партии США. Об этом можно прочесть в газете «Вашингтон пост» от 24 сентября 1971 года, где Д. Андерсон разоблачает Паучо как пропагандиста нацизма и преследований евреев, который еще в 1957 году защищал нацистскую деятельность в прошлом, называя ее «борьбой за великую и святую правду». «Может быть, Паучо, которому ныне 57 лет, за 25 лет изменил свои взгляды?» — спрашивает Андерсон. И сам же отвечает: «Еще в августе этого года он прославлял военного преступника Тисо как мученика». В той же «Вашингтон пост» Д. Андерсон не обходит вниманием и другого делегата «конгресса», д-ра Й. Киршбаума, указывая, в частности, что он посылал в свое время словацких евреев в газовые камеры.

В опубликованной в братиславской «Правде» от 23—28 октября 1971 года серии статей под названием «Почему они оставили родину» не только описываются проблемы тех, кто изменил родине, и судьбы беженцев, но и приводятся письма наших соотечественников, проживающих за границей, а также исповеди тех, кто возвратился с капиталистической чужбины домой. По приблизительным данным, до 1968 года за границей проживало около 50—60 тысяч эмигрантов из Чехословакии, не считая тех, кто переселился туда в давние времена. Из этого числа примерно две трети приходятся на заокеанские страны (приб-

лизительно 15 тыс. в США, 11 тыс. в Австралии, 6 тыс. в Канаде), а одна треть проживает в Западной Европе, главным образом в ФРГ. Их представители активно работают против ЧССР в самых различных службах буржуазной пропаганды и иностранных разведок или же кормятся в различных эмигрантских организациях и союзах в качестве редакторов эмигрантской печати, антикоммунистических публицистов и писак самых разнообразных направлений.

В современной обстановке обостренной идеологической борьбы наиболее эффективно служит своим благодетелям младшая, более изворотливо мыслящая часть эмигрантских активистов, ориентирующаяся на современные направления идеологическо-психологической диверсии против социализма. Деятельность этой части эмиграции — благодаря тому, что она быстро приспособилась к потребностям глобальной стратегии империализма и сумела довольно «оперативно» реагировать на динамические изменения в мире,— заслужила в глазах ее благодетелей «награды» и помогла молодым отодвинуть на периферию политической сцены такие исторически изжившие себя эмигрантские органы и союзы, как «Совет свободной Чехословакии» Зенкла, комитет «За свободную Чехословакию» и т. п., которые в большинстве своем расточали силы на бесплодные демонстративные прокламации, клубные манифестации и погрязли во внутренних склоках.

После августа 1968 года возникло примерно два десятка различных союзов чехословацкой эмиграции, издающих сегодня около полутора десятков журналов.

Так называемые «марксистские» представители «пражской весны 1968 года» в своей активности довольно часто наталкиваются на «непонимание», проистекающее из зависти их более ранних коллег да и остальных послеавгустовских эмигрантских организаций. Многие из тех, кто бежал из нашей страны после февраля 1948 года, ссылаются на свою горькую судьбу, на нищенскую жизнь в тогдашних лагерях для беженцев, на то, в каких тяжелых условиях им приходилось заботиться буквально о хлебе насущном. Ультраправый журнал «Антипринципиально» в своем первом номере от 1970 года писал: «...несколько послеянварских интеллектуалов-политиков, выдающих ревизионистскую политическую догму за научную работу... изображают из себя вождей послеянварского курса КПЧ... По сравнению с заводскими рабочими они располагали королевскими доходами, грелись на груди у власть имущих, ездили за границу во времена, когда такие поездки были равны путешествию

на Луну... но пришел январь, пришел август, пришла — как неизбежное, хотя и комфортабельное, зло — эмиграция».

Точно так же прореагировал, например, на предложение И. Свитака «развернуть диалог» и некий д-р Б. Г. из Цюриха, который в «Американских письмах» (№ 12 за 1970 г.) писал: «Пан д-р Свитак уже в двух статьях предлагает развернуть среди эмиграции диалог. У меня нет возражений против такого диалога. Но я стою за условие полного равенства партнеров... Однако, пан д-р Свитак, мы, живущие сегодня в изгнании, не можем быть равноценными партнерами!» И после этого христианский демократ задает вопрос идеологу контрреволюции: «Ищут марксизм с человеческим лицом. Они вновь хотели бы играть первую скрипку. Хотя бы тот же пан Пеликан, который в своих выступлениях очень быстро забыл ту роль, которую он сыграл в 1948 году. А по какому праву профессор Шик пишет Президиуму ЦК КПЧ от имени всех людей? Кто дал ему такое право?»

Подобную же огорченность проявляет в «Чешском слове» (№ 5 за 1971 г.) и д-р И. Веселый, критикуя «в большинстве своем марксистско-либеральный» состав редакций новых эмигрантских журналов: «А некоторые из очень известных и опытных политиков эмиграции приветствуют этих марксистских гостей и включают их в свой круг...» Среди этих «опытных политиков эмиграции» Веселый имел в виду, очевидно, и представителя сепаратистско-людацкой эмиграции, военного преступника Ф. Дюрчанского, который так высказал свое отношение к послеавгустовским эмигрантам, бывшим членам КПЧ, как, например, Э. Лебл: «Ведь и коммунисты — словаки».

Более определенно объясняет платформу подобного вида терпимости к бывшим членам КПЧ некий Я. Дворжак, который в «Американских письмах» (№ 16, 1970 г.) писал: «Я убежден, что существует какой-то новоявленный антикоммунизм — и притом не только в мире эмиграции,— антикоммунизм, который признает дубчеков, вацуликов и прочих». Еще более откровенно высказался по этому вопросу д-р М. Чады. «Мысль о том, что мы когда-нибудь можем стать хозяевами в своем доме,— писал он в тех же «Американских письмах» № 17 за 1970 год,— должна быть временно и, очевидно, надолго сдана в архив... Виной этой эмиграции является то, что нетерпимость разрушает все усилия, которые исходят из любого центра, но не того, к которому относимся мы. Мы, то есть те, кто в своей полемике использует plural majestatik».

О сдержанном отношении к так называемой «марксистской эмиграции» свидетельствует, например, встреча чешских и сло-

вацких «интеллектуалов», состоявшаяся 1 мая 1970 года в Дахау, на которой речь шла о выработке совместной платформы послеавгустовской эмиграции на основе перспективы создания «демократического некапиталистического общества в ЧССР». Организаторы этих переговоров (Бродский, Кратохвил и др.) даже не пригласили на встречу представителей так называемой «марксистской эмиграции». Заключительное коммюнике данной встречи является наглядным доказательством того, что значительная часть послеавгустовской эмиграции начала открыто переходить на политический курс послефевральской эмиграции 1948 года. Свидетельством этого служит и первая европейская конференция Чехословацкого общества искусств и науки в США, состоявшаяся в июне 1970 года в Цюрихе. Деньги для проведения своей деятельности это общество получает из официальных источников США и тесно сотрудничает с американскими и прочими университетами и научными учреждениями. Помимо антикоммунистических публикаций, оно издает и два собственных журнала, а в ноябре 1970 года общество провело в Нью-Йорке свой V конгресс.

Сегодня диверсионные центры заинтересованы в привлечении тех людей, которые говорили бы якобы с позиций КПЧ. Хотя формально, как могло бы показаться, одной из специфических черт современных тенденций чехословацкой эмиграции является обращение к Чехословакии, но на самом деле их благодетелям — диверсионным центрам и прочим организациям — нужно сегодня от чехословацких эмигрантов совсем иное: прежде всего пропаганда в их собственных странах, пропаганда, направленная против левых социалистических и коммунистических сил.

Наиболее ценными для антикоммунистических центров людьми являются те, которые сумели сбежать в эмиграцию, унося в своих карманах партийные билеты. Их используют там для оболванивания трудящихся капиталистических стран, которым они должны «убедительно» доказывать неприемлемость «советской модели социализма» (особенно для развитых стран) и тем самым отталкивать их от идеи социализма вообще. Они призваны воздействовать на членов и руководство коммунистических и рабочих партий Запада, вызывая среди них разногласия и раскол и помогая усилению реформистских тенденций антисоветизма.

К наиболее активным представителям той группы, которая *столь ловко жонглирует марксистской терминологией*, относится Иржи Пеликан — бывший генеральный директор чехословацкого телевидения. Сначала он проживал в Италии, затем переехал в Англию. Он поддерживает контакты с теми группами в комму-

нистических партиях, которые имеют специфические взгляды на политику нового руководства КПЧ. Особенно преуспевает он в создании антикоммунистической макулатуры, которая выходит в многочисленных переводах и большими тиражами; печатает статьи и дает интервью, организует пресс-конференции, выступает по телевидению и радио; за своей подписью опубликовал даже протоколы нелегального, так называемого «высочанского съезда». Им написан вводный комментарий к книге «Чехословацкие политические процессы в 1950—1954 годах», которая появилась и в английском переводе. Рецензент ее издания Р. Дэви пишет о Пеликане, что «этот когда-то фанатичный, ортодоксальный партиец, а потом убежденный реформатор объясняет, как из сумрачной зимы 50-х годов смогла родиться пражская весна 1968 года».

Ота Шик, о ревизионистской сущности которого довольно подробно было рассказано нами выше, живет ныне в Швейцарии и читает курс лекций в Базельском университете. Но большую часть его времени поглощают пропагандистские поездки по другим западным странам. Он много публикуется и выступает по радио и телевидению. Нередко ему приходится оказываться в неприятной ситуации, когда даже буржуазные экономисты в различных теле- и прочих беседах без всякого труда обнаруживают и доказывают, что его теория — не что иное, как слабый раствор «романтического экономизма» Смита и Рикардо.

Сегодня О. Шик изо всех сил стремится удержать за собой славу апостола «возрождения социализма», автора «новой теории экономической реформы», которая хотя и награждается усмешками буржуазных экономистов, но получает и паблисити, ибо очень подходит к арсеналу товаров, предназначенных к экспорту на Восток. Последние его выступления рассчитаны на политический эффект. В конечном итоге это заметили и журналисты. Так, даже в трибуне «возрожденцев», в газете «Франкфуртер альгемайне» от 8 июля 1970 года можно прочесть, что «эта перспективная модель никогда не станет тем всесильным лекарством, которое совершит чудо и устранит все конфликты». В конце концов, хотя О. Шик и был долгие месяцы на посту заместителя председателя правительства по делам реформы, он не только не предложил сколько-нибудь стройного проекта, но так никогда и не изложил даже более или менее ясной концепции. А те частичные «реформы», которые он предлагал, вносили в экономику ЧССР лишь хаос и привели ее в конечном итоге к глубочайшему кризису.

«Глубокомысленные» размышления О. Шика, опубликованные в ежемесячнике «Текст 1971» и фальсифицирующие чехословацкую действительность, не оказывают на людей Чехословакии никакого воздействия.

Столь же тягостны для читателя и экономические рассуждения этого «специалиста», опубликованные в последней его книге «Третий путь», поскольку в памяти всех, кто интересуется этими вопросами, отложились более ранние догматические положения О. Шика, о котором говорилось, что он «экономист среди политиков и политик среди экономистов». Шик поочередно подчеркивает то экономическую, то политическую сторону системы, полностью игнорируя их диалектику.

Эдуард Гольдштюккер, бывший председатель Союза чехословацких писателей, является сегодня приглашенным лектором в Университете графства Суссекс (Англия), но он частенько заглядывает и в Западную Германию, где гостит у своих политических единомышленников. Накануне XXIV съезда КПСС «знаток» Гольдштюккер пророчески возвещал, например, что-де России угрожает взрыв! А в одном из интервью журналу «Шпигель» он утверждал, будто КПЧ оказалась в кризисной ситуации лишь из-за недостатков в экономике и что первоочередной задачей правых ревизионистов и реформистов была, мол, «демократизация» Компартии, установление в ней права меньшинства на свои особые взгляды и отказ от демократического централизма, причем ставилась задача распространить эти принципы и на другие социалистические страны, в том числе и на СССР.

Не случайно, что за подобные воззрения французская «Монд» назвала Гольдштюккера «кафковским героем». Это действительно «кафковская» личность, мечущаяся в противоречиях своего мелкобуржуазного класса: он кичится, например, своим происхождением «с бедной Оравы», но забывает указать на происхождение социальное. Возвратившись из Израиля, где он был послом ЧССР, Гольдштюккер сначала много говорил об опасности сионизма, но в конце концов оказалось, что он сам состоял на службе сионизма.

Основные методы и новую тактику чехословацких эмигрантов и антикоммунистических «специалистов» по вопросам чехословацкого «возрождения» социализма можно проследить по тем огромным средствам, которые расходуют на эту деятельность антикоммунистические диверсионные центры; эта их деятельность ведется параллельно с военными действиями, дипломатической, экономической и психологической войной по каналам средств

массовой информации и пропаганды и наравне со шпионажем и скрытой диверсией.

Цели антикоммунистов остаются неизменными, изыскиваются лишь новые тактические формы. После того как ориентация на «интеллигентскую элиту» и молодежь потерпела крах, антикоммунисты стали искать пути подхода к рабочим. Однако сегодня не только члены КПЧ, ряды которой заметно растут, но и широкие массы чехословацких трудящихся понимают, что все то, что носит название *правооппортунистического, антисоциалистического,* является и *антинародным, античеловеческим.* Сегодня уже разоблачен мелкобуржуазный, чуждый нам облик различных шиков и леблов, гольдштюккеров, пеликанов и им подобных — всех тех, кто когда-то вступал в партию, исходя лишь из корыстных целей. Они так и не изжили своей мелкобуржуазной или буржуазной сущности и в конечном итоге вновь оказались на службе у тех, кто стоит на позициях войны и расизма.

* * *

В отличие от Пеликана, Шика и Гольдштюккера в эмиграции есть и такие люди из Чехословакии, которые не только не маскируют своих *открытых* позиций антикоммунизма, но и бахвалятся ими. Так, известный пан Отто Рамбоусек из «К-231» не может примириться с тем, что в эмиграции его не так ценят, как людей, которые маскируются «марксистской терминологией». В статье «Так что же, собственно, происходит?», опубликованной в «Американских письмах» от 8 июня 1970 года, он пишет: «Было бы очень хорошо, господа бывшие товарищи, если бы вы делали действительно объективные выводы... Поймите, что здесь, на Западе, мы на другой сцене. И вам не остается ничего иного, как признать допущенные вами ошибки или же уйти со сцены». Более того, предателям вроде Шика или Пеликана эмигрантские союзы объявляют даже своего рода «бойкот». Людацкие сепаратисты пишут о «злых гениях, с руками, обагренными кровью мучеников, которые оказались за границей и теперь мутят воду среди словаков» («Канадский словак» от 11 июля 1970 г., стр. 5).

Бывший шеф-редактор чехословацкого телевидения К. Винтер стал служащим английской Би-Би-Си. В апреле 1969 года репортер торонтского телевидения задал ему такой вопрос: «Поскольку вы занимали в Чехословакии такое высокое положение, вы, конечно, были коммунистом?..» К. Винтер ответил: «Все зависит от того, что вы имеете в виду под словом «коммунист»...» Вопрос: «Вы состояли в Компартии?» Ответ: «В партии я состоял, но по своим взглядам коммунистом никогда не был».

Известный компаньон Тигрида проф. В. Черный в разговоре с В. Гавелом следующим образом охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Ни с какой партией в эмиграции не стоит иметь дело; это лишь усугубит положение и вызовет смятение. А кроме того, вся эта старая эмиграция бешено перегрызлась между собой, но причины здесь не идейные; просто речь идет о корысти, о том, кто получит от американцев на сотню долларов больше...» (см. «Руде право» 19.VIII. 1970 г.).

Сегодня на позициях антикоммунизма сплачиваются все эмигранты — от клерофашистов до псевдокоммунистов, даже те, кто задолго до этого просто убежал от долгов или любовных интриг. Этим людям нет никакого дела до концепций, в которые они и сами-то не верят. Главное для них — та закулисно-кулуарная борьба, победа в которой может принести симпатию и дотации какого-нибудь антикоммунистического центра.

Сегодня уже нашли себе службу за границей и такие перебежчики, как Зденек Гейзлар — бывший директор чехословацкого радио (в Швеции), и корреспонденты радио Вилем Фухс и Бедржих Утитц (оба в ФРГ). Бывший заведующий отделом печати ЦК КПЧ Душан Гавличек сотрудничает в модном швейцарском журнале и на голландском телевидении. Скачет по Западной Европе и бывший заместитель главного редактора еженедельника «Литерарни листы» Людвик Веселый, который направо и налево раздает интервью, угодные его любимым покровителям — бонским реваншистам.

В Париже проживает Антонин Лим и ведет нападки на современную политику Компартии и чехословацкого государства, одновременно поливая грязью весь предыдущий путь социалистического развития Чехословакии. Для этого к его услугам как страницы и вещание буржуазных средств массовой информации, так и личные связи с так называемыми «левоориентированными» французскими интеллектуалами или исключенными из Французской компартии лицами — такими, как Роже Гароди и другие.

Конечно, десятки написанных послеавгустовскими эмигрантами античехословацких книг могут ввести в заблуждение читателей где-нибудь в Канаде или в Бельгии. Они могут быть подспорьем и для ренегатов рабочего и коммунистического движения. Однако с точки зрения современного развития Чехословакии эти издания являются не только и не просто наивными и пустыми; нередко они служат также наглядным доказательством подлинных замыслов их авторов и указывают на истинный источник, питавший их концепции. Это относится, в частности, и к книге

И. Пеликана «Высочанский съезд», которая служит не только доказательством противоречий между отдельными группами на этом съезде, но и документальным подтверждением предательства интересов социализма и революционного рабочего движения.

В издательстве землячества «ССС Books» вышла книга «Пражский август», написанная Я. Кучерой. Что касается ее автора, то это типичный авантюрист, успевший побывать и хоккеистом, и сочинителем рекламных текстов, написавшим также один рассказ из жизни журналистов и одну детскую книжонку. Из предпосланной книге аннотации следует, что в ней собраны авторский «опыт» и его взгляды, а из самой книги — что речь идет о «фактах, собранных со страниц тогдашней подпольной печати». Заключительная часть книги посвящена Дубчеку и Смрковскому, а весь текст ее иллюстрирован фотографиями, подлинность которых по меньшей мере сомнительна.

И. Свитак опубликовал книгу «Чехословацкий эксперимент 1968—1969», которая, как и многие другие подобные издания, является перепечаткой его более ранних памфлетов. Через всю книгу проходит грязный след жизненных перипетий этого агента западных разведок: публикации в Чехословакии 1968 года, отъезд в Австрию, в ФРГ, сотрудничество в эмигрантской печати и работа в американском университете, а в конечном итоге памфлеты для «Свободной Европы», пишущиеся ради куска хлеба. Книгу выпустило в свет издательство Колумбийского университета.

Эмигрантские круги снабжают свои журналы грубой публицистикой, в которой не стесняются прибегать к полуправдам и очевидным обманам, фальсификациям, перемежая ими действительные факты.

Из различных рецензий и отрывков, цитируемых диверсионными радиостанциями и эмигрантскими газетами, мы узнаем о потоке литературы, посвященной «чехословацкому эксперименту». В 1969—1970 годах, например, на свет появилось свыше 150 подобных публикаций. Большая часть из них сразу же канула в Лету, но некоторые — при поддержке различных диверсионных центров и реакционных издательств — переиздавались в 1971 году и позднее.

Среди множества публикаций чехословацких эмигрантов и прочих антикоммунистов в 1970 году на страницах их журналов, и в частности эмигрантского журнала «Сведецтви», можно найти и эссе Жан-Поля Сартра в четырех частях «Социализм, рожденный из холода». Это — предисловие к французскому изданию книги А. Лима «Три поколения». Сама книга представляет собой

сборник его интервью, которые в 1966—1968 годах публиковались на страницах «Литерарни новины» и «Культурни живот», в «Ориентации» и в «Словенских поглядах». Буржуазная французская печать сделала книге исключительную рекламу. «Монд» изображала ее как прообраз «социализма с человеческим лицом».

Затем вышла книга ныне живущего в Канаде Я. Бродского — «Решение гамма». Это автобиографический роман, за который автор удостоился клички «чешского Солженицына». И это не случайно. Политическое лицо этого человека нам хорошо знакомо. После февральской победы рабочего класса над буржуазной реакцией в 1948 году он был осужден на 15 лет тюремного заключения за антигосударственную деятельность, в 1960 году амнистирован, а 3 мая 1968 года выступил в Литомержицах с погромной речью, в которой провозгласил программу постепенной ликвидации коммунистов и всех, кто с ними сотрудничал.

Небезызвестный Э. Лебл, которому его сионистские друзья создают огромное паблисити, также публикует целый ряд импровизированных «размышлений». На страницах печати, в рецензиях и аннотациях на его книги автора представляют как «словацкого экономиста с мировым именем», хотя он вовсе не экономист и, уж конечно, не словак. Сегодня Э. Лебл выступает с курсом лекций в Джосеровском колледже в Нью-Йорке. Он один из главных «теоретиков» так называемой «новой модели социализма» и теории элиты.

Не отстает в античехословацкой кампании и Л. Мнячко. Хотя и с опозданием, буржуазные издательства вновь и вновь берутся за публикацию его «Запоздавших репортажей», книги «Вкус власти» и памфлета «В седьмую ночь», посвященного августу 1968 года. Мюнхенское издательство выпустило его новый и, как подчеркивается, большой роман под названием «Происшествие», в котором автор по-кафковски разрывается между силой и бессилием, испытывая страх перед насилием и умопомешательством. Судьба Мнячко — типичный пример судьбы опустошенного эмигрантского писателя.

Все эти и другие публицистические произведения чехословацких эмигрантов-антикоммунистов показывают, что антикоммунизм — это не стройная идеология, а лоскутная система контратакующих идей и мероприятий, охватывающая войну, «горячую» и «холодную», психологическую, диверсии экономические и идеологические. Антикоммунизм опирается на все реакционные идеологии — от религии до экзистенциализма, от маоизма до социал-демократизма, от клерикализма до сионизма.

Антикоммунистическую пропаганду, которая ведется сегодня за границей на чешском и словацком языках, обслуживает огромный аппарат радиовещания и чехословацкой эмигрантской печати. «Свободная Европа» и подобные ей радиостанции систематически дают политические «комментарии». При этом они спекулируют на исторических традициях. Не удовлетворяясь одной только «элитаристской» аудиторией интеллигенции, эта программа все чаще обращается и непосредственно к рабочим.

С «экономическими» реминисценциями и «исследованиями тьмы» в «Свободной Европе» выступают представитель «Листов» Р. Селуцкий и бывший главный редактор «Студента» А. Кусак, разродившийся наивнейшим исследованием о «чехословацком эксперименте». Здесь же нашли себе пристанище и журналисты с чехословацкого радио — агенты западных разведок С. Вольный, Е. Ездиньский, Э. Штефан и др.

Одним из главных усилий эмиграции и других подрывных элементов является стремление любым способом сохранить миф об *августе* 1968 года. Напомним в этой связи, как Е. Ездиньский, М. Шульц и С. Вольный выступали 21 августа 1971 года перед микрофоном «Свободной Европы» с юбилейными воспоминаниями. Как и всегда, они и на этот раз приложили максимум усилий, чтобы утвердить тот лживый тезис, который сами распространяли еще в 1968 году с помощью радио и газеты «Литерарни новины», будто только эти органы средств информации и отражали истинное мнение массы простых людей.

Ездиньский и Вольный и на этот раз не остановились перед грубой подтасовкой слов и понятий, называя, например, антикоммунистический реформизм «революцией» и «историческим движением». Однако за всеми их фразами отчетливо просвечивали скепсис и пессимизм, порожденные «незавершенностью революции», уныние перед лицом необратимости истории.

В одной из бесед, организуемых «Свободной Европой», вместе с Ездиньским и Вольным приняли участие и такие искушенные журналисты, как П. Горак и И. Легота, имена которых сегодня помнят лишь те, кому приходится прослушивать старые передачи «Свободной Европы». Вот уже более четверти века «вещают» эти «ископаемые» на социалистическую Чехословакию из подворотен Запада!

Когда в ЧССР готовились очередные выборы в Федеральное собрание, редакторы «Свободной Европы» предприняли попытку хоть как-то «освежить» приемы своей пропаганды. Отказавшись от первоначального намерения говорить только о якобы «поваль-

но отрицательном» отношении к новым выборам и «нежелании» граждан Чехословакии голосовать за единый список Национального фронта, редактор очередных радиопередач выпустил 23 ноября 1971 года в эфир старца Ф. Пероутку, который поделился со слушателями «воспоминаниями» о выборах 1946 года и, предвидя победу списка Национального фронта, призвал будущих депутатов сохранять свою «индивидуальность», причем в качестве *примера привел свою собственную* персону. Однако на самом-то деле в жизни и деятельности «Свободной Европы» все катилось по старой, изъезженной колее: те же нападки на ведущую роль Компартии, то же выдвижение «традиционных ценностей», восхваление масариковской демократии и т. д.

О характере этой диверсионной радиостанции, которая не является ни «свободной», ни даже «европейской», свидетельствует статья «20-часовое ежедневное вещание на Прагу», опубликованная в журнале «Шпигель» № 15 за 1971 год, в которой, в частности, сообщалось, что 10% из 1150 служащих этой станции — американцы, 40% — эмигранты и 50% (главным образом техники и вспомогательный персонал) — граждане ФРГ.

Немалый переполох и волну подозрительности в рядах чехословацкой эмиграции, подвизающейся на службе «Свободной Европы», вызвали известные разоблачения польского разведчика Анджея Чеховича, несколько лет проработавшего на этой радиостанции и недавно вернувшегося на родину. В своих интервью, данных представителям печати, радио и телевидения и недавно выпущенных в свет издательством братиславской «Правды» на словацком языке под названием «Капитан Чехович выполнил свою задачу», Анджей Чехович очень наглядно и убедительно раскрыл методы и подлинные цели «Свободной Европы».

Новые формы идеологических диверсий

Главными целями и тенденциями всех диверсионных антикоммунистических центров, равно как и их верных слуг из чехословацкой эмиграции, как известно, являются: подрыв единства между братскими социалистическими странами и их коммунистическими и рабочими партиями; нарушение интернационального сотрудничества между ними и подрыв дружбы с Советским Союзом; лишение коммунистических и рабочих партий этих стран дееспособности, превращение их в партии мелкобуржуазного типа; ликвидация социалистического строя.

Когда сорвался так называемый «чехословацкий эксперимент», антикоммунистические диверсионные центры стали искать новую тактику, но цели их остались прежними. Больше внимания стало уделяться мелким оперативным акциям, призванным вызвать в перспективе ослабление сотрудничества социалистических стран и даже их внутреннее разложение. Общую линию действий диверсионных центров, ориентированную на формирование опорных пунктов сопротивления внутри социалистических стран, пунктов, которые должны стать своего рода «дрожжами» «массового движения сопротивления» и давления «снизу», можно проследить на ряде примеров последних мероприятий подобного типа. Их главным козырем сегодня является ставка на «пассивное сопротивление», на торможение процесса консолидации. Этим же целям служат и попытки столкнуть между собой искусственно создаваемые внутри партий различные группы и группировки.

Однако нельзя не заметить, что сама общая линия антикоммунизма отличается поразительной беспринципностью и изворотливостью, о чем свидетельствует, например, известная кампания 1969 года. Выдавая желаемое за действительность, «Свободная Европа» и другие подобные ей диверсионные центры применили тогда «классический» прием буржуазной журналистики: фабрикуя сенсации, они давали своим людям — антисоциалистическим элементам внутри страны — прямые инструкции, ориентировавшие их на забастовки и пассивное сопротивление. А когда правительство ЧССР предприняло действенные меры по обеспечению порядка, нарушенного варварскими акциями 1969 года в Праге и других городах страны, то западная печать начала открытое наступление на социалистическую Чехословакию и ее руководящих деятелей. Сквозь злобу, пропитывавшую все комментарии этой печати, отчетливо проступало разочарование.

Те выводы, которые империалистические секретные службы сделали из краха чехословацкой контрреволюции 1968—1969 годов, держатся, конечно, в тайне. Однако известно, что реалистически мыслящие круги некоторых капиталистических стран, и в частности ФРГ, изыскивают и уже находят сегодня пути к нормализации и деловым контактам с социалистическими странами, в том числе и с ЧССР. А вот подрывное радиовещание и выступления различных «специалистов» показывают, что антикоммунисты все еще не утратили надежды на сохранение духа «чехословацкого эксперимента».

Эта «надежда» прозвучала, например, в интервью эмигрировавших пропагандистов «новой модели социализма», данном ими корреспондентам

«Радио Бремен» 24 сентября и 1 октября 1970 года. Но на вопрос о том, как видится им — спустя два года — их попытка провести в жизнь «демократический социализм» и в чем они видят главную проблему «чехословацкого будущего», эти эмигранты так и не сумели дать хоть сколько-нибудь вразумительного ответа.

В попытках «реформировать компартию» упоминавшийся И. Пеликан усматривает проблему, представляющую интерес не только для Чехословакии, но и для остальных стран мира, в первую очередь для Западной Европы, поскольку она-де «побуждает искать специфические пути». По его мнению, новые возможности могут открыться — правда, лишь в отдаленном будущем — при новой международной ситуации, при изменении в соотношении сил. Эти же мысли он высказывает и в своей публикации «Чехословацкая правда», которую в ноябре 1970 года выпустил в свет парижский «Комитет 5 января».

Р. Селуцкий (США) придает этому «европейскому варианту социализма» мировое значение. Однако он тут же замечает: «...мало кто за пределами Чехословакии действительно желал ему успеха. Для одних он был слишком левым, для других — чересчур правым. Реалистам он виделся, вероятно, слишком романтичным, а романтикам — излишне реалистичным... Если до августа можно было сказать, что ситуация безнадежна, но в конечном счете не так уж серьезна, то сегодня она и безнадежна и серьезна».

З. Гейзлар (Швеция) говорит: «Возвращаться мы не могли, да и некуда было. Поставленных перед собой целей мы могли добиться лишь с помощью методов, данных историческими и геополитическими условиями со всем риском, отсюда вытекающим...» Так же как и Селуцкий, Гейзлар не оптимист: «Это будет тяжкий период, и выйти из него, сохранив шкуру и ясную голову,— первоочередная проблема... По-видимому, это будет очень осторожный и постепенный процесс, а его возможности в гораздо большей степени, чем раньше, будут зависеть от параллельного развития во всем блоке...» На вопрос о дальнейших планах Гейзлар ответил прямо: «Я не очень-то верю в политику эмиграции. Для этого достаточно поучительны судьбы почти всех волн политической эмиграции за последние десятилетия».

Создается впечатление, что, стремясь зафиксировать в сознании некоторых слоев граждан ложные представления времен 1968 года, антикоммунистическая пропаганда чехословацких эмигрантов все же вынуждена отказываться от своих старых арсеналов и искать новые. Кроме стремления сохранить дух «пражской весны», то там, то здесь проскальзывают и скептические нотки, порождаемые новой ориентацией капиталистических стран на возможность деловых контактов с Советским Союзом, поскольку многие представители влиятельных кругов этих стран реалистически смотрят на соотношение сил и видят всю самоубийственность военного способа разрешения существующих противоречий.

Исключительно важную роль в этой ориентации трезвых буржуазных политиков на соглашение с социалистическими страна-

ми сыграло выступление войск стран — участниц Варшавского Договора на защиту интересов социализма в Чехословакии, ибо империалистические державы вновь убедились, что, когда дело доходит до реальной угрозы ослабления социалистической системы, нельзя рассчитывать на пассивность сил мира и социализма.

Теперь нельзя не видеть, что под воздействием изменения соотношения сил в мире, под влиянием миролюбивой политики социалистических государств и всех борцов за мир в капиталистических странах растет число трезвых политиков и кругов, которые реалистически подходят к необходимости установления добрых, деловых взаимоотношений с социалистическими странами на основе принципов мирного сосуществования. Свидетельством этого могут служить, например, проведенные в последние годы контакты и переговоры руководителей социалистических и капиталистических государств, заключение известных двусторонних договоров и соглашений между государствами и т. д. Нельзя не видеть и того, что отдельные буржуазные государства теперь признают как факт результаты процесса консолидации в ЧССР и отказываются от тех позиций, которые они занимали в отношении Чехословакии после августа 1968 года.

Вместе с тем, несмотря на реалистическую позицию некоторых западных политиков и на заметное оздоровление всей международной обстановки в последнее время, нам постоянно приходится сталкиваться с проявлениями враждебных реакционных тенденций и действий империализма, и это обязывает нас всегда держать порох сухим, не только не ослаблять, но и усиливать нашу бдительность по отношению к всевозможным военным и идеологическим диверсиям.

В последнее время мы наблюдаем и еще раз убеждаемся в том, что реакционные круги Соединенных Штатов и некоторых других стран капитализма отнюдь не отказались от антикоммунистических акций. Так, например, известно, что комитет сената США по зарубежным связям 17 июля 1973 года утвердил фонды для радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода» на последующие два года (до 1 июля 1975 года) в сумме 50 млн. долл. в год.

Председатель комитета по иностранным делам конгресса США сенатор Фулбрайт представил вначале план ограничения финансирования указанных радиостанций наполовину, а вторую половину должны были бы заплатить частные организации и западноевропейские власти; при этом сенатор повторил свое заявление о том, что обе радиостанции являются остатками «холодной войны». Однако предложение это было отклонено.

По отношению к народам социалистической Чехословакии попрежнему продолжаются провокации и западногерманских реваншистов. В июне 1973 года в столице Баварии Мюнхене проходил так называемый «судетогерманский ландманншафт» (слет судетских немцев). На нем прозвучали выступления с призывом против политики мирного сосуществования и ослабления международной напряженности. Реваншистские представители использовали слет для нажима на федеральное правительство, с тем чтобы провести в жизнь свои коварные планы и предложения. Обнаглевшие реваншисты потребовали, чтобы чехословацкое правительство принесло свои извинения за выселение бывших судетских немцев из Чехословакии, которое, как известно, было осуществлено на основе решения Потсдамской конференции.

Мы постоянно сталкиваемся со все новыми и новыми вариантами в звучании «оркестра» антисоциалистической и антикоммунистической пропаганды, в обострении идеологической борьбы на международной арене, в том числе и с агрессивными выступлениями некоторых влиятельных эмигрантов Чехословакии и их верных западных коллег по антикоммунизму, таких, как Р. Гароди, Э. Фишер и им подобные. Все провозглашаемые ими новые «теории» и концепции следует трезво расценивать и решительно разоблачать. Необходимо считаться и с методами, применяемыми, например, З. Бжезинским (отнюдь не переоценивая роли его личности). Это хитрый и ловкий публицист-приспособленец, использующий богатые фонды антикоммунистических центров. Концепции З. Бжезинского — одно из доказательств изворотливости, сложности и лживости методов и действий антикоммунистических диверсантов, орудующих в военной, дипломатической и идеологической сферах.

Такой изворотливостью, беспринципностью и лживостью в антикоммунистической пропаганде отличаются, впрочем, не только З. Бжезинский, но, как уже нами отмечалось, и большинство других чехословацких эмигрантов-антикоммунистов и антисоциалистов, да и вся тактика антикоммунистических центров. Заметим, кстати, что, например, в «Голосе Америки» и в «Свободной Европе», равно как и в других средствах массовой информации, получают паблисити такие очевидные несуразности, лживость которых ни у кого не вызывает сомнения.

К числу таких явно ложных утверждений относится выдумка самозваных «коммунистов» Гольдштюккера, Гейзлара, Пеликана и Шика о волне арестов, якобы прокатившихся по ЧССР. Эту фальшивку до омерзения повторяла «Свободная Европа», а

столь серьезный орган, как «Таймс», в заметке от 6 апреля 1971 года даже сообщал, что в ЧССР будут-де интернированы 1000 человек! В конечном итоге «Свободной Европе» пришлось дать опровержение на свое же сообщение о том, что накануне XIV съезда в ЧССР якобы были подготовлены списки на 2000 человек, которые-де должны были быть интернированы во время съезда.

Участие многих делегаций коммунистических и рабочих, прогрессивных и демократических партий в работе XIV съезда КПЧ и позиция представителей этих партий лучше всего разоблачают ложь потерпевших крах эмигрантов, выдающих желаемое за действительное. На этом съезде выступили многие из тех, кто в свое время был избран делегатом на «съезд» 1968 года, получивший название «высочанского», но не принял участия в его работе. Выступили здесь и многие из тех, кто вследствие различных нажимов и манипуляций не был тогда избран, а теперь — на XIV съезде — получил возможность высказать свое мнение.

Сегодня даже многие средства массовой информации Запада признают, что реакция империалистических государств оказалась разочарованной, ибо не сбылись ее неоправданные надежды на провал XIV съезда, а «Голос Америки», например, делая хорошую мину при плохой игре, утешался тем, что-де такое развитие событий предсказывалось еще до открытия съезда. Попытки пеликанов и гейзларов, а вместе с ними и «Свободной Европы» принизить результаты XIV съезда КПЧ потерпели полный крах, а послесъездовский период превратился для эмиграции в период глубокого траура и поисков новых выходов.

Немалый «вклад» в антисоциалистическую и антикоммунистическую клевету против социалистических стран, в том числе и против социалистической Чехословакии, вносят буржуазные издательства, финансируемые империалистическими разведками. Они давно уже перешли на новую форму диверсий, а именно начали публиковать сомнительные произведения авторов типа Л. Вацулика, П. Когоута, М. Кундеры, Я. Прохазки, И. Шкворецкого и других, выдавая их за вершину художественного мастерства в чехословацкой литературе и посылая им солидные гонорары.

Как сообщил «Голос Америки», издательство «Атенеум» выпустило в свет новый роман американского журналиста П. Форбарда, который в 1968 году был пражским корреспондентом газеты «Таймс»; роман называется «Семь периодов». В Париже в театре «Метрополь» 11 октября 1971 года состоялась премьера пьесы В. Гавела «Сообщение, в котором

говорится о Вас». В мюнхенском издательстве «Гансер» вышла книга Г. Лауба «Разгневанная логика»; в том же Мюнхене было создано и эмигрантское издательство «CCC BOOKS LDT», которое также развернуло свою деятельность без денег и дотаций. Его публикации выходят сегодня на чешском и словацком языках. Но в будущем предполагается приступить и к немецким изданиям.

Из всех многоликих и ловко приспосабливающихся к изменчивой ситуации концепций эмигрантских и прочих антикоммунистических центров следует, что в 70-е годы в политической жизни социалистических стран не произойдет якобы никаких значительных изменений. Поэтому, мол, ориентация должна сохраняться на «долговременную» перспективу в надежде на общее развитие и возможные персональные изменения в руководстве этих стран. Исходя из этого, организаторы и непосредственные исполнители психологической войны ставят следующие задачи: считаться с фактором времени; использовать раскольническую деятельность китайского руководства в отношениях с СССР и международным рабочим и коммунистическим движением, всемерно популяризируя и обостряя этот раскол; использовать специфику отдельных социалистических стран, ожидая, что новое поколение окажется более либеральным; ориентироваться на «ошибки» и быть готовыми начать новую акцию, как только подвернется «удобный момент»; в радиодиверсионных передачах давать лишь самые общие указания, полагаясь на их дальнейшую разработку различными буржуазными группами, шатающимися мелкобуржуазными элементами и теми людьми, у которых есть личные счеты с КПЧ.

Очевидно, что эта ориентация на «ошибки» социалистических стран — одна из основополагающих ставок всей западной буржуазной пропаганды. Для ЧССР сюда же следует отнести ориентацию на январь 1968 года и на «пражскую весну».

Однако возможность реализации всех этих концепций и выполнения задач отмечена в эмигрантской среде пессимизмом, скепсисом и неверием в осуществимость поставленных целей. Эмигранты не только жалуются на тяжкую судьбу, на горечь хлеба изгнания, но и резко упрекают западные империалистические державы за то, что те, мол, покинули Чехословакию в самую «трудную» для нее минуту. А отсюда большая надежда возлагается ими на подготовку и разжигание внутреннего конфликта в социалистической системе, на возможность появления противоречий в отдельных социалистических странах и прежде всего на создание в них трудностей и возникновение разногласий, на национализм.

Сегодня даже П. Тигрид заявляет, что «чехословацкий экспе-

римент» с самого начала был неосуществим. Но поскольку антикоммунистические центры отнюдь не намерены выдвигать сейчас лозунг непосредственной агрессии в Восточной Европе, то эта их сдержанность побуждает одни эмигрантские группы пускаться в азарт фантастических планов, а другие толкает в болото депрессии и бесполезных споров.

И тем не менее представители «гуманного социализма с человеческим лицом», сгруппировавшиеся вокруг журнала «Текст», вновь вытащили из праха истории лозунги провалившейся венгерской контрреволюции.

Нельзя не видеть, что отдельные группы эмигрантов сегодня серьезно задумываются над тем, почему не осуществились их планы. Кроме «чистой» самокритики, которую эмигранты развернули, правда лишь после того, как их хозяева из антикоммунистических центров публично высекли их за преждевременное провозглашение антисоциалистических лозунгов и нетерпеливость, некоторые эмигрантские группы констатировали и другую свою «ошибку», а именно что они не оставили в стране после краха их антикоммунистических планов каких-либо «символических дрожжей», которые были бы способны и впредь активизировать неискушенных или обманутых людей. И это должно постоянно держать нас настороже, поскольку в истории немало было провокаций, которые служили поводом для нанесения «ответных» ударов или пищей для развязывания различных пропагандистских кампаний.

Эмигрантские группы не отказались от своих целей, а лишь изменили тактику борьбы и ее «аргументацию». Небывалую «активность» чехословацких эмигрантов мы могли наблюдать, например, в Австрии в августе 1973 года. Так, небезызвестный И. Пеликан опубликовал в австрийском журнале «Винтер тагебух» свою многословную статью, посвященную 1968—1969 годам в ЧССР, в которой, правда, трудно найти сколько-нибудь выразительную идею, но в ней освещается его метаморфоза и утверждается о каком-то новом «третьем пути», пути «народного коммунизма».

14 августа 1973 года И. Пеликан целый час выступал по австрийскому телевидению и отвечал на вопросы господина Неннинга, радикального австрийского социалиста, приверженца «новых левых». Пеликан поставил перед чехословацкими эмигрантами недвусмысленную задачу: сохранить идеи «пражской весны», которая была, дескать, не альтернативой капитализма и парламентской демократии, а выражением «демократического социализма», программы реформы, «гуманного социализма», «политического

плюрализма» и т. п. В заключение Неннинг спросил Пеликана, продолжает ли он считать себя коммунистом. Но тот уклонился от прямого ответа, выдвинув в свою очередь «спасительный» контрвопрос: «А кто сегодня, собственно, считается настоящим, правильным коммунистом — Мао Цзэ-дун, Эрнст Фишер, Франц Марек или кто-либо другой?»

В тот же день, 14 августа 1973 года, под руководством О. Шика в так называемом «Международном культурном центре» в Ахберге (Австрия) собрались послеавгустовские эмигранты, чтобы «основать» «Постоянный конгресс третьего пути». Целью этой организации является создание в духе «теории» конвергенции «Института социального исследования и развития», который бы выискивал «альтернативы капитализма и коммунизма». В ахбергской встрече приняли участие многие антикоммунистические «исследователи» из ФРГ, Швеции, США, Канады, а также эмигранты из некоторых социалистических стран. На этой встрече и выступил О. Шик с критикой существующих до сих пор «моделей социализма».

Сегодняшние группировки чехословацкой эмиграции служат новым убедительным подтверждением того, что в августе 1968 года вся антисоциалистическая деятельность внутренних контрреволюционных сил проходила под руководством или в согласии с антикоммунистическими центрами империализма.

Сегодня можно видеть, что в эмиграции действует множество различных направлений и течений. Для покровителей западных диверсионных центров эта пестрая мозаика очень удобна, и совершенно очевидно, что именно теперь, после столь наглядного укрепления марксистско-ленинских принципов в КПЧ, они с еще большей настойчивостью станут искать новые «выходы» из своего кризисного состояния.

Кроме выводов, вытекающих из многослойности антикоммунистической пропаганды, из того, что она, как говорят в Чехословакии, «держит в огне одновременно несколько железок», кроме констатации ее чрезвычайной изворотливости, кроме уяснения, что она ориентируется на длительные перспективы и глобальную стратегию, возлагая надежды на противоречия между отдельными социалистическими странами и «внутренние раздоры», нам следует ясно представлять себе также и одну из основополагающих тенденций антикоммунистической пропаганды, направленную непосредственно против Чехословакии.

Тенденция эта заключается в том, чтобы сохранить и закрепить некоторые результаты, достигнутые правыми оппортуниста-

ми в партии и антисоциалистическими силами в государстве в 1968—1969 годах, другими словами, чтобы утвердить нимб святости над «демократическим социализмом» и «политическим плюрализмом». А отсюда вытекает один принципиальный вывод, который содержится в решениях XIV съезда КПЧ, вывод о том, что «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ» — это постоянно действующий руководящий документ, призванный помогать в идеологической воспитательной работе.

Критический анализ современных тенденций внутри отдельных эмигрантских групп показывает, что своим пышным и кричащим многословием они стремятся прикрыть свое безнадежное отчаяние, свою нищету и ту жестокую судьбу, которая закономерно ожидает всякого, кто оторвется от своего народа, от своей родины.

Консолидация и созидательный труд

Интенсивные поиски выхода из того кризисного положения, в котором оказалась Чехословакия в 1968 — начале 1969 года в результате действий правых и антисоциалистических сил, были начаты практически после апрельского (1969 г.) пленума ЦК КПЧ, избравшего новое руководство Компартии во главе с товарищем Густавом Гусаком. После пленума сразу же развернулась активная работа по очищению партии, государственного аппарата, профсоюзов и других массовых организаций от антипартийных и антисоциалистических сил, по консолидации единства партии и народа на марксистско-ленинской основе. Тогда же был начат и углубленный анализ событий 1968—1969 годов. Это было тяжелое, сложное, но очень важное дело. Следует подчеркнуть то обстоятельство, что первоначально этому делу оказывалось еще сильное сопротивление со стороны оставшихся в стране антипартийных и антисоциалистических элементов.

И если новому руководству КПЧ в довольно короткий срок удалось нормализовать политическую ситуацию и приостановить тенденции экономического распада, то произошло это потому, что в решении этих задач оно исходило из марксистско-ленинских принципов и опиралось на рабочий класс и широкие массы. Как только с руководящих постов были сняты ставленники правых сил, как только из средств массовой информации были изгнаны представители антисоциалистических сил, их вдохновители и организаторы, фальсификаторы общественного мнения, как только из Компартии были исключены носители правого оппортунизма и антисоциалистические элементы, в стране повсюду — в партии и обществе — началась широкая и глубокая консолидация.

Главные итоги консолидации

Майский (1969 г.) пленум ЦК КПЧ в своих директивах наметил следующие главные цели социалистической консолидации:

а) восстановление единства партии на принципиальных осно-

вах марксистско-ленинского учения, на ленинских принципах партийной жизни; повышение дееспособности и революционной боеспособности всей партии;

б) восстановление руководящей роли Компартии в обществе, особенно в общественных организациях и звеньях Национального фронта, в государственных органах, в области экономики и культуры;

в) укрепление функции социалистического государства во всех его звеньях как органа власти рабочего класса и всего трудового народа;

г) безотлагательное осуществление действенных мероприятий по решению серьезных экономических проблем;

д) построение в духе прочной дружбы отношений КПЧ с братскими компартиями Советского Союза и других социалистических стран, на которых зиждутся основные принципы внешней политики ЧССР.

Главным звеном нашей борьбы за социалистическую консолидацию общества были усилия по восстановлению марксистско-ленинского характера партии. Огромное значение в этом важном деле имело решение январского (1970 г.) пленума ЦК КПЧ об обмене партийных билетов, которое весьма благотворно способствовало организационному укреплению и идейному усилению всей партии. Достаточно сказать, что новые партбилеты не были выданы более чем $^1/_5$ бывших членов партии, не выдержавших испытаний кризисного периода.

Центральный Комитет КПЧ и его Президиум совместно с активом партии приложили немало усилий для того, чтобы как можно быстрее и лучше разъяснить партии, рабочему классу и всем трудящимся страны подлинные причины охватившего в 1968 году Чехословакию кризиса. Исключительно глубокий и всесторонний партийный анализ кризисных событий дан, как известно, в принятом на декабрьском (1970 г.) пленуме ЦК КПЧ документе — «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ». В нем не только вскрыты сущность и причины кризисного развития в ЧССР в конце 60-х годов, но и сделаны обобщения опыта коллективной работы партии по их разъяснению среди широких масс трудящихся, намечены пути по преодолению тяжелых последствий кризисного периода. Этот руководящий партийный документ послужил мощным стимулом к дальнейшему совершенствованию и углублению анализа и освещения как прошлых кризисных явлений и событий 1968 — начала 1969 года, так и важнейших сторон и участков в жизни пар-

тии, народа и всего социалистического общества Чехословакии в последующие годы.

Проведенные в руководящих партийных органах кадровые изменения были закреплены в период отчетно-выборной кампании при подготовке XIV съезда КПЧ, состоявшегося в мае 1971 года. Съезд отметил, что задача очищения партии, восстановления ее марксистско-ленинского характера и преодоления внутреннего кризиса была решена. КПЧ вновь стала способной в полном объеме выполнять свою историческую роль руководящей силы социалистического общества и мобилизовать трудящихся на его дальнейшее развитие и укрепление. Она стала значительно более сплоченной, монолитной и авторитетной. Два года спустя на февральском пленуме ЦК КПЧ (1973 г.) товарищ Густав Гусак говорил:

«Мы с удовлетворением можем констатировать, что притягательность политики партии проявляется в возросшем стремлении трудящихся вступить в ее ряды. После съезда мы приняли около 80 тыс. кандидатов, из которых — что особенно радует — более 80% молодых людей и более половины — рабочие. Это отвечает директивам Центрального Комитета, в которых подчеркивается настоятельная необходимость укрепить прежде всего рабочее ядро партии...

Мы видим гарантию наших дальнейших успехов в принципиальном единстве нашей партии, в ее связи с народом, в боеспособности, в самоотверженности и энтузиазме коммунистов, в активности и трудовом героизме всего нашего народа» [1].

В ходе очень трудной борьбы благодаря напряженной и самоотверженной работе коммунистов и преданных делу социализма беспартийных трудящихся Чехословакии за относительно короткий срок удалось также добиться социалистической консолидации во всех звеньях Национального фронта, во всех общественных организациях, и прежде всего в профсоюзном и молодежном движении.

Как отмечается в резолюции VIII съезда чехословацких профсоюзов (1972 г.) «О главных задачах революционного профсоюзного движения в дальнейшем строительстве социализма после XIV съезда КПЧ», чехословацкие профсоюзы сегодня вновь обрели необходимую силу, стали единой и действительно массовой организацией, являющейся верным и надежным помощником партии. Они исходят из великих задач выполнения исторической миссии

[1] Г. Гусак, Избранные статьи и речи, М., Политиздат, 1973, стр. 929, 931.

рабочего класса в революционной перестройке общества, из необходимости укрепления руководящей роли Коммунистической партии Чехословакии. Профсоюзы ЧССР направляют ныне творческие усилия трудящихся страны на выполнение пятой пятилетки, обеспечивают их участие в создании и выполнении производственных планов предприятий и других хозяйственных единиц. Они стремятся усовершенствовать систему планового управления народным хозяйством и достичь максимального участия трудящихся в этом управлении и контроле за выполнением стоящих перед страной задач. Они обеспечивают всестороннюю комплексную заботу о трудящихся, защищают их законные права, заботятся о воспитании нового человека — строителя социалистического общества.

Точно так же и Социалистический союз молодежи Чехословакии строится сейчас как единая общественно-политическая организация, основанная на марксистско-ленинских принципах; она также является массовой, добровольной и интернационалистской организацией, действующей на принципах демократического централизма. Социалистический союз молодежи ЧССР, все его низовые и первичные организации работают под руководством Коммунистической партии Чехословакии, объединяют самую прогрессивную часть молодежи и стремятся воспитывать молодое поколение страны в духе социализма.

Разоблачив ревизионистские и либералистские концепции, проповедовавшие неклассовый подход к оценке роли и задач социалистического государства, КПЧ восстановила и вновь провела в жизнь классовое понимание социалистического государства как органа власти рабочего класса, трудящихся и социалистической демократии как демократии для рабочего класса и всех трудящихся. Здесь потребовались острая политическая борьба, процесс дифференциации и многочисленные кадровые изменения. В результате была решена задача укрепления авторитета государства, утверждения его функций как инструмента классовой власти. Во всех звеньях государственного аппарата восстановлена ведущая роль партии.

Важным фактором укрепления социалистической государственной власти явились выборы в представительные органы осенью 1971 года. Убедительная победа на этих выборах политики партии и Национального фронта способствовала закреплению итогов консолидации в партии и обществе. Сегодня государственные органы в основном выполняют свою важную роль. В соответствии с решениями XIV съезда КПЧ уделяет большое внимание дальнейшему

совершенствованию государственного аппарата, углублению его демократического характера.

Организуя и возглавляя в стране борьбу за консолидацию и созидательный труд по преодолению тяжелых последствий кризисного развития ЧССР и дальнейшему развитию социалистического общества, новое руководство КПЧ решило также и вопрос о мере наказания тех, кто привел социалистическое общество Чехословакии на грань катастрофы, кто был вовлечен в оппортунистическую и антисоциалистическую деятельность и принимал в ней то или иное участие. Прежде всего партия прибегла не к административным, а к политическим мерам. Организаторов, инициаторов антисоциалистических акций и носителей ревизионистских взглядов она исключила из своих рядов и рекомендовала снять их с руководящих постов.

КПЧ проводит также большую идейно-воспитательную работу, при этом она ориентируется на перевоспитание тех, кто был обманут и втянут в различные неправильно понятые ими акции и выступления. Такой подход партии к решению этой сложной задачи, тот факт, что она не использовала против носителей антисоциалистических настроений и действий административных государственных мер принуждения, есть проявление силы нового руководства, проявление уверенности партии. Эта уверенность выражается в том, что КПЧ, опираясь на десятки и сотни тысяч патриотов, которые сохранили правильную классовую позицию вопреки всевозможной их дезориентации, серьезно и настойчиво воспитывает тех, кто в свое время поддавался обману, и оказывает доверие тем, кто вовремя понял свои ошибки и активным трудом способствует завершению процесса консолидации. Это — доказательство крепости партии, ее убежденности в силе марксистско-ленинских идей и в правильности пути социалистического развития.

Составной частью программы консолидации явились меры по оздоровлению народного хозяйства ЧССР, которое было глубоко подорвано в кризисный период 1968 — начала 1969 года. После апрельского пленума ЦК КПЧ 1969 года в ЧССР повсюду и решительно началась работа по ликвидации насажденной правыми антисоциалистической системы управления экономикой, основанной на стихийном действии рыночных отношений; было восстановлено централизованное руководство народным хозяйством страны. В общем и целом были восстановлены марксистско-ленинские принципы руководства социалистической экономикой, в которых решающую роль играет принцип централизованного пла-

нового руководства и всенародной социалистической собственности на средства производства.

Особенно трудным делом было преодоление инфляции. Еще летом 1969 года представители правых сил предлагали проекты, согласно которым стабилизация экономики могла быть достигнута якобы лишь путем повышения розничных цен, квартирной платы, цен на услуги и т. д. Новое руководство партии решительно отвергло подобные планы, исходя из того, что меры против инфляции не должны осуществляться за счет трудящихся. Стихийный рост цен был остановлен объявлением моратория на них. За короткий период удалось добиться необходимых пропорций между ростом производительности труда и средней заработной платы.

В результате принятых мер была не только устранена угроза экономической катастрофы, но и заложена прочная база для последующего динамичного развития народного хозяйства. Укреплена стабильность кроны, возрос объем производства, улучшилось снабжение населения, укрепилась его социальная уверенность.

XIV съезд КПЧ выдвинул, как известно, новые задачи в области экономической политики. Главная из них — все более полное удовлетворение материальных и культурных потребностей населения и дальнейшее укрепление социальных гарантий на основе постоянного роста общественного производства и повышения его эффективности. В качестве стратегической линии хозяйственного развития ЧССР на очередное пятилетие (1971—1975 гг.) был взят курс на интенсификацию производства, ускорение научно-технического прогресса, на дальнейшее укрепление материально-технической базы социализма, упрочение социалистических производственных отношений, углубление международной социалистической интеграции.

Мы с гордостью и оптимизмом можем заявить сейчас, что эти решения XIV съезда нашей партии по пятилетнему плану выполняются успешно. Как было отмечено на декабрьском пленуме ЦК КПЧ в 1973 году, итоги трех лет пятилетки созидательного труда чехословацкого народа свидетельствуют, что все основные ее задания, несмотря на некоторые отклонения, успешно выполняются, а по ряду показателей и перевыполняются. Так, за три года национальный доход страны возрос более чем на 17%, а объем производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве поднялся более чем на 20%, что значительно превышает плановые задания. В сельском хозяйстве в целом уже достигнут уровень производства, намеченный на конец пятилетки. В соответст-

вии с пятилетним планом ускоренными темпами развивается экономика как в областях Чешской Социалистической, так и в областях Словацкой Социалистической Республики. Существенно укрепились экономические и научно-технические связи ЧССР с другими социалистическими странами. Внешнеторговый оборот Чехословакии со странами СЭВ вырос за три года на 31%.

Заметно повысился жизненный уровень населения ЧССР. Достаточно сказать, что за три года пятилетки около одного миллиона граждан страны переселились в новые, благоустроенные квартиры. Увеличен размер пособий на детей, особенно для многодетных семей, пенсий по старости, повышена заработная плата отдельным категориям трудящихся. Выросло предложение потребительских товаров, существенно расширен их ассортимент.

Успехи в области экономики благотворно способствуют укреплению доверия миллионов трудящихся к социалистическому строю, к политике КПЧ. Наглядным и убедительным проявлением и подтверждением такого доверия и поддержки служит, например, широкое развитие социалистического соревнования, принятие повышенных обязательств, направленных на скорейшее решение экономических задач.

Все эти успехи в развитии народного хозяйства Чехословакии, так же как и в обеспечении свободного развития ее народов, безопасности ее государства, дальнейшего прогресса социалистического общества, неразрывно связаны с усилиями КПЧ по восстановлению в полном объеме и дальнейшему укреплению дружественных и союзнических отношений с КПСС и советским народом, с другими братскими партиями и союзническими государствами. «Благодаря последовательной политике нашего Центрального Комитета и пониманию со стороны советских товарищей и товарищей из других братских партий,— отмечал на XIV съезде КПЧ Густав Гусак,— в течение короткого времени удалось восстановить по всем линиям прочные братские и товарищеские отношения, возобновить старую дружбу и в новых условиях еще более углубить ее, с честью вернуть нашу партию в ряды международного коммунистического и рабочего движения, а нашу страну — в семью социалистических государств. Сегодня эти идеи глубоко укоренились в мыслях и сердцах нашего рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, всего трудового народа» [1].

Символом в подлинном смысле слова братских отношений стал новый Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи меж-

[1] «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии», стр. 36—37.

ду ЧССР и СССР, заключенный 6 мая 1970 года. Сегодня ЧССР последовательно ведет курс на то, чтобы не только неуклонно выполнять свои обязанности, вытекающие из принадлежности к социалистическому содружеству, но и эффективно способствовать координации единства действий на международной арене в интересах укрепления мира, социализма и международной разрядки.

В отчете Президиума ЦК КПЧ о результатах Крымской встречи (1973 г.) руководителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран говорится: «Благодаря миролюбивой политике Советского Союза и всех социалистических стран, их скоординированной внешней политике за последние годы был достигнут значительный успех в международных отношениях, в реализации принципов мирного сосуществования стран с различным общественным строем... В результате этого стала совершенно реальной перспектива исключения угрозы новой мировой войны, полной победы политики мирного сосуществования и на основе этого — глубокой перестройки международных отношений» [1].

Основным фактором этих изменений являются единство, солидарность и согласованная политика социалистических государств, успешное претворение в жизнь Программы мира, разработанной и утвержденной XXIV съездом КПСС, а также единодушно одобренной на съездах братских партий социалистических стран, в том числе и на XIV съезде КПЧ.

В речи на июньском (1973 г.) пленуме ЦК КПЧ член Президиума и секретарь ЦК КПЧ В. Биляк сказал: «Наша растущая внешнеполитическая активность является успешной также и потому, что благодаря интернациональной помощи братских стран социалистическая Чехословакия не была вырвана из социалистического содружества, что мы преодолели кризисный период и сегодня являемся равноценным партнером, который имеет твердую внутреннюю опору в единстве партии и ее жизнеспособности и авторитете, в укреплении ее руководящей роли в обществе, в успехах в области экономики, науки и техники. Это те неопровержимые факты, которые ценят наши друзья и которые должны учитывать также наши противники» [2].

Поражение врагов социализма в Чехословакии, провал империалистических планов подрыва социалистического содружества, крепнущее единство и сотрудничество государств — членов организации Варшавского Договора — все это важные факторы, содей-

---

[1] «Rudé právo», 8. VIII. 1973.
[2] «Rudé právo», 22. VII. 1973.

ствовавшие переменам к лучшему на Европейском (и не только на Европейском) континенте. Об этом свидетельствуют такие важнейшие достижения последних лет, как заключение договоров между СССР и ФРГ, Польшей и ФРГ, полное международно-правовое признание ГДР, урегулирование по договору от декабря 1973 года отношений между ЧССР и ФРГ на базе признания недействительности Мюнхенского соглашения, подготовка общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству и т. д. Правящие круги на Западе теперь все больше и больше вынуждены считаться с новыми историческими условиями и новым соотношением сил в мире. Сегодня с полным основанием можно сказать, что престиж и политический вес Советского Союза и всей мировой системы социализма в наши дни укрепились как никогда и что международные позиции ЧССР ныне не только не ослабли, как утверждают ее недруги, а, наоборот, стали еще более прочными и незыблемыми.

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил отмечал, что «за последние годы соединенными усилиями всех миролюбивых сил удалось добиться того, что международная атмосфера в целом стала здоровее, политика мирного сосуществования, мирного сотрудничества между государствами дает весомые реальные результаты.

Вместе с тем ясно, что это лишь начальный этап движения... к надежному обеспечению мирного будущего человечества» [1].

Политика ослабления международной напряженности, развития мирного сотрудничества, и в частности положительные результаты советско-американских переговоров на высшем уровне, как и других контактов и переговоров между социалистическими и капиталистическими странами, встречает горячую поддержку прогрессивной и миролюбивой общественности во всем мире. Однако мы не можем не видеть, что эта политика, полезная для всего мира, пробивает себе дорогу нелегко, в острых спорах и борьбе с теми, кто все еще остается на позициях «холодной войны», на позициях вчерашнего дня.

Нельзя не видеть, что и сейчас, когда так выразительно проявляется перевес сил социализма, прогресса и мира над силами империализма, реакции и войны и когда происходящее ослабление международной напряженности встречает широкую поддерж-

[1] Л. И. Брежнев, За справедливый, демократический мир, за безопасность народов и международное сотрудничество, М., Политиздат, 1973, стр. 21.

ку во всем мире, агрессивные круги империализма всячески стремятся повернуть это мирное колесо истории вспять. Для изменения соотношения сил в свою пользу они изыскивают все новые пути и формы. В этих целях империалисты, используя всех сторонников «холодной войны» и противников разрядки международной напряженности, а также великодержавную шовинистическую политику и практику клики Мао Цзэ-дуна, всячески пытаются усилить военный потенциал своих государств, ослабить экономическую мощь и обороноспособность мировой социалистической системы, расколоть социалистическое содружество и разжечь национализм. И это вполне понятно, ибо империализм остается империализмом и его агрессивные круги заинтересованы не в нормализации международной обстановки, а в ее обострении, не в укреплении социалистической системы, а в ее разрушении. В целях достижения своих планов империалистическая реакция не пренебрегает никакими средствами и методами. В этом можно убедиться, в частности, на примере всемерной поддержки и поощрения империализмом агрессивного курса Израиля на Ближнем Востоке. В этом еще раз можно убедиться на кровавой трагедии в Чили, где путем военно-фашистского переворота было свергнуто правительство Народного единства и установлена фашистская диктатура.

Все это обязывает прогрессивное человечество усиливать бдительность, еще и еще раз убеждает народы социалистических стран в необходимости соблюдать принцип интернациональной взаимопомощи при развитии и укреплении социалистической системы в целом и каждой социалистической страны в отдельности.

Несмотря на всевозможные препятствия и трудности, в мире все шире утверждаются ленинские принципы мирного сосуществования стран с различным социально-экономическим строем. Но утверждение этих принципов ни в коем случае не означает ослабления классовой идеологической борьбы. Эта борьба между социалистическими и капиталистическими государствами будет продолжаться и даже усиливаться. В этих условиях нельзя поддаваться ни сектантским взглядам, ни тем более пацифистским настроениям и иллюзиям. К вопросам международной жизни следует подходить с классовой точки зрения, с точки зрения интернационализма и социализма, ибо противоположность между двумя общественными системами — социалистической и капиталистической — не исчезла и не исчезнет, пока будут существовать эти две системы.

Как уже отмечалось, антикоммунистические силы по-своему извлекли уроки из провала контрреволюционных замыслов в Чехословакии. Они изыскивают все новые и новые средства борьбы и избирают более утонченную тактику проникновения в страны социализма в целях пропаганды в них капиталистического образа жизни, аполитичности, индивидуализма, национализма и т. д. Поэтому, идя на известное сотрудничество с капиталистическими странами в области обмена научной информацией и культурными ценностями, следует проявлять в этом важном деле максимум бдительности, добиваясь строгого соблюдения договаривающимися сторонами принципов суверенитета, решительно противодействуя попыткам вмешательства во внутренние дела, попыткам экспорта диверсий и контрреволюции в цветной упаковке «объективной» информации. Мы за честное соревнование, но против лжи и клеветы. В этой области мы можем и должны опираться на всесторонний перевес нашего социалистического строя, на его несомненные преимущества перед капиталистическим строем.

Товарищ Л. И. Брежнев при вручении Казахской ССР Ордена дружбы народов говорил: «Мы убеждены в правоте нашего пути, нашей марксистско-ленинской идеологии и не сомневаемся, что естественные в условиях разрядки расширение контактов, обмен духовными ценностями, информацией, развитие связей между общественностью различных стран хорошо послужат распространению правды о социализме, завоеванию на сторону идей научного коммунизма новых и новых сторонников» [1]. В условиях расширения торгово-экономических, научных и культурных контактов и связей с капиталистическим миром требования к нашей пропаганде значительно возрастают. На первом плане должна стоять задача борьбы против враждебной буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, против антикоммунизма, национализма и антисоветизма. Буржуазной пропаганде надо умело противопоставить великую силу нашей правды, убедительные доказательства и аргументы, несомненные преимущества социализма перед капитализмом, социалистического образа жизни перед капиталистическим. В этой связи трудно переоценить значение той огромной работы, которую провела и проводит сегодня КПЧ в сфере идеологии.

---

[1] «Правда», 16. VIII. 1973.

Начиная с апреля 1969 года Коммунистическая партия Чехословакии приложила немало усилий, чтобы покончить с разложением, вызванным в кризисный период праворевизионистскими и антисоциалистическими силами в умах людей. Во всех областях идеологической работы — в средствах массовой информации и пропаганды, в общественных науках, в культурных учреждениях, творческих союзах — всюду были приняты и принимаются эффективные меры, направленные на преодоление наследия правых, на социалистическое воспитание масс.

По мере развития процесса оздоровления в Компартии Чехословакии, поднятия ее роли и значения как руководящей силы в системе социалистического общества, по мере усиления ею идеологической работы в массах довольно быстро и заметно стала активизироваться деятельность журналистов, стоящих на ленинских, интернационалистских позициях в средствах информации и пропаганды. Поворотным пунктом в этом деле явилось «Слово, обращенное к собственным рядам», опубликованное 17 мая 1969 года в «Руде право». Оно стало документом, ознаменовавшим возрождение ленинских принципов в чехословацкой журналистике.

Авторы «Слова» обратились ко всем своим коллегам-журналистам, работникам чехословацкой печати, радио, телевидения и документального кино с призывом честно поддержать марксистско-ленинскую линию партии. В нем, в частности, говорилось: «Мы убеждены, что к нашему обращению присоединятся все честные журналисты (коммунисты и некоммунисты), которым не безразлична судьба нашей страны. Мы хотим приложить все усилия для активной поддержки политики КПЧ, основанной на послеянварских принципах, как она была определена в резолюции ноябрьского пленума и подкреплена мероприятиями, принятыми на апрельском пленуме ЦК КПЧ. Стремясь помочь настоящему успеху нашего народа, его жизненным интересам, мы обращаемся к идее пролетарского интернационализма. Поэтому мы будем прилагать усилия для исправления недавних деформаций, имевших место в дружественных связях нашего народа с народами СССР и остальных социалистических стран, за прочное товарищеское сотрудничество между нашей Коммунистической партией, КПСС и всеми братскими партиями стран социалистического содружества».

Десятки подписей, поставленных под этим обращением, и сотни откликов, в которых выражалось согласие с высказанными в

нем идеями, свидетельствуют о том, что в чехословацкой журналистике уже тогда были здоровые силы, которые поддержали новое руководство КПЧ, приветствовали восстановление принципов марксизма-ленинизма в партии и защищали социалистический путь развития, избранный нашей страной.

В Отчетном докладе на XIV съезде КПЧ Генеральный секретарь ЦК товарищ Густав Гусак заявил: «Опыт прошлых лет показал нам, каким важным идейным оружием и орудием власти являются радиовещание, телевидение, печать, кинематография, как их принято у нас называть, средства массовой информации и пропаганды. Одной из главных задач после апрельского пленума ЦК КПЧ 1969 г. было восстановление руководящей роли партии в этой области. Это могучее оружие было вырвано из рук вредительских групп и поставлено на службу трудовому народу, обществу. С тех пор печать, радио и телевидение все активнее содействуют консолидации нашего общества, разоблачению и разгрому оппортунистических сил. Сегодня средства информации вновь являются опорой партии и социалистического государства» [1].

VI съезд чехословацкого Союза журналистов (май 1972 г.), объединявшего в то время свыше 4000 членов, прошел под знаком торжества ленинских принципов печати, революционных традиций чехословацкой журналистики. Съезд выразил полное согласие с высокой оценкой интернациональной акции 21 августа 1968 года, которая была дана и единогласно утверждена декабрьским (1970 г.) пленумом ЦК КПЧ и ее XIV съездом, а также одобрена всей партией и трудящимися ЧССР.

На съезде журналистов была дана высокая оценка самоотверженной деятельности тех чехословацких журналистов, которые, работая в тяжелой и сложной обстановке в органах печати, радио и телевидения, помогали не только идеологически и политически разоблачать контрреволюционные правые силы, но и объединять все здоровые силы общества.

Как показал период после апрельского (1969 г.) пленума ЦК КПЧ, в социалистической Чехословакии значительно возросла жизнеспособность средств массовой информации и пропаганды, расширились ряды активных борцов за выполнение решений партии. «В повседневной идейно-воспитательной, агитационно-пропагандистской и организаторской работе,—говорится в отчете о деятельности журналистской организации после V съезда чехо-

[1] «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии», стр. 80.

словацких журналистов и задачах чехословацкого Союза журналистов,— журналисты доказали, что сознают свою ответственность за выполнение задач, которые им поручили руководящие органы Коммунистической партии. Они доказали, что в своем подавляющем большинстве стоят за политику ЦК КПЧ и осуществляют ее на соответствующем уровне, что они заняли свое место в обществе под руководством ЦК КПЧ» [1].

В наши дни после разоблачения праворевизионистских взглядов, интенсивно насаждавшихся и проповедовавшихся в Чехословакии в конце 60-х годов, повсюду отмечается большое оживление в общественных науках; теперь в них создан единый идеологический, марксистско-ленинский фронт. Важными ускоряющими факторами этого процесса консолидации явились знаменательные юбилеи: 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, 50-летие основания КПЧ, 50-я годовщина образования СССР, 25-летие победы трудящихся Чехословакии над буржуазной реакцией в 1948 году, а также такие исторические события в жизни наших народов, как XXIV съезд КПСС, XIV съезд КПЧ и пленумы ЦК партии. Этот период, особенно развертывание идеологической работы после декабрьского (1970 г.) пленума ЦК КПЧ, можно назвать периодом идеологического наступления, которое решительно устраняет остатки праворевизионистских, антисоциалистических взглядов и тенденций в Чехословакии 1968—1969 годов.

В ходе этого наступления укрепилось традиционное единство чешского и словацкого рабочего класса, трудящихся всех национальностей, интернационалистские традиции партии, традиции ее неустанной борьбы против различных отступлений от марксистско-ленинских принципов. Однако, говоря об этих традициях, мы должны иметь в виду, что идеология ревизионизма и мелкобуржуазности имела в Чехословакии социал-демократическую основу, с одной стороны, и националистическую, людацко-клерикальную — с другой, причем их влияние до конца не преодолено еще и до сих пор. Отсюда неотложная задача всемерного развертывания идеологической работы, активизации деятельности коммунистов на всех ее участках.

Общественные науки помогают Компартии Чехословакии теоретически обобщать опыт социалистического строительства с марксистско-ленинских позиций, в духе решений XIV съезда КПЧ, решать важные, актуальные вопросы дальнейшего социа-

[1] «Príloha Novináre», 1972, č. 6—7.

листического развития в ЧССР. Марксизм-ленинизм становится здесь подлинной теоретической и методологической основой научной работы. Для большей ясности и наглядной иллюстрации приведем в этой связи следующий характерный пример.

В резолюции собрания Словацкого философского общества 24 мая 1972 года подчеркивалось, что «марксистско-ленинская философия может успешно развиваться только посредством глубокого усвоения, творческого применения и революционной разработки наследия классиков марксизма-ленинизма и революционного рабочего движения...

Словацкие философы отвергают как ненаучные все попытки отрицать существование и значение ленинского этапа развития марксистской философии. Они отвергают также антиленинские попытки учредить так называемый «подлинный марксизм», ненаучную «философию человека» и «демократический социализм». Они видят в этих попытках деструктивное влияние буржуазной философии и идеологии и политическое стремление к извращению социалистического развития в Чехословакии.

Творческое развитие диалектического и исторического материализма можно успешно реализовать только в тесной диалектической связи с практикой строительства социализма и политикой КПЧ. В них марксистско-ленинская философия находит самый плодотворный источник творческих сил и жизнеспособности, а также самые благоприятные условия и средства для практической реализации своих научных выводов и обобщений» [1].

Под руководством КПЧ большая работа проведена по нормализации положения *в творческих союзах и культурных учреждениях ЧССР*. Так, председатель Союза чешских писателей Ян Козак на учредительном съезде чешских писателей, состоявшемся в мае 1972 года, вскрыл большой вред ревизионистской концепции, имевшей хождение среди некоторых писателей, согласно которой искусство является делом субъективным, а не общественным, некой автономной областью, которая имеет лишь эстетическую функцию, лишенную какого-либо идеологического содержания.

На съезде словацких писателей в 1972 году также было подвергнуто серьезной критике сложившееся ранее положение в творческих союзах республики. Писатель А. Плавка, например,

[1] «Filozofia», 1972, č. 5.

так охарактеризовал на съезде тогдашнюю ситуацию: «Мы должны с трибуны этого съезда определенно заявить, что большую ответственность за то, что наше социалистическое общество в годы кризиса было загнано на самый край катастрофы, несут вместе с политиками и те, кто сознательно или несознательно выступал лжесоветчиком и пророком с помощью стилизованной публицистики на волне антисоциалистических и антисоветских настроений, особенно на страницах журналов «Культурни живот» и «Литерарни живот». Относились к ним и некоторые писатели, одни — в роли наивных политических советчиков, другие — на ответственных постах в самых различных областях нашей культурной жизни, которые несут часть персональной ответственности за разрушение ценностей, ответственность не только моральную, но и гражданскую».

Съезд Союза словацких деятелей искусства, театра и радиовещания (после утверждения нового Устава — Союза словацких драматических актеров), который проходил 24 июня 1972 года, дал критический анализ четырех творческих сфер: театра радиовещания, кино и телевидения. В этом анализе прошлой деятельности работников искусства, театра и кино новое правление этого Союза весьма резко осуждает действия правооппортунистической группы, которая, как уже отмечалось, тенденциозным преувеличением недостатков прошлого периода и абсолютизацией эстетических ценностей ставила под сомнение основы политики партии в области культуры. В театральном искусстве широко проявилось отступление от общественно-политической тематики, от требований марксистской эстетики и включение чисто коммерческого репертуара бульварного характера. Со сцен постепенно сходили постановки современных советских драматургов.

В период нарастания кризисных явлений в ЧССР отрицательную роль сыграл Союз чехословацких деятелей кино и телевидения — ФИТЕС. По заранее продуманному плану он был превращен в один из самых «активных» центров контрреволюции, в «группу давления», которая направляла свою работу на ослабление позиций партии в идеологической области и на вмешательство в политическую жизнь.

Программа нового Союза словацких драматических актеров, принятая на его съезде в июне 1972 года, связана с основными задачами, намеченными XIV съездом КПЧ. В соответствии с этими задачами необходимо обновить и значительно поднять в области творчества общественную и воспитательную роль искусства, нацелить его на выполнение программы социалистической культу-

ры и проведение политики КПЧ в области культуры; необходимо опираться на ленинские принципы партийности и народности в области художественного творчества, художественной критики и теории и добиться такого положения, чтобы творчество деятелей искусства было неразрывно связано с интересами и борьбой рабочего класса и всего трудящегося народа.

В связи с этим съезд драматических актеров единодушно высказался в поддержку принципов социалистического реализма. С его программой дальнейшей деятельности, бесспорно, связан качественный подъем искусства драматургии. Теперь довольно много театральных постановок и фильмов включено в постоянную сокровищницу нашего социалистического искусства. Произведения социалистического реализма все больше находят поддержку и одобрение, а сам этот метод художественного творчества широко пропагандируется и применяется.

Точно так же и съезд словацких писателей 1972 года не только провел глубокий анализ допущенных ими ранее ошибок, но и наметил ясные критерии повышения общественной значимости творчества, его связи с жизнью. Социалистическая направленность творчества означает и выражает не прокламированную заинтересованность в общественных проблемах, а содержание внутренних убеждений писателя, его сознательный и активный интерес к судьбе мира, к прогрессивным силам, борющимся за победу социалистических идеалов.

Подобным же образом съезд писателей характеризовал и социалистический реализм, который прогрессивные писатели понимают как творческий метод художника, основанный на правдивом изображении действительности, ее динамическом движении. Они понимают его как метод, который, исходя из лучших традиций реализма, обогащает художественное произведение всем прогрессивным, что приносит с собой человеческая культура. Съезд высказал убеждение, что многостильность и применение современных методов творчества не находятся в противоречии с принципами партийности, идейности, народности и доступности в художественном произведении. Наиболее ярким доказательством того, что метод социалистического реализма не ограничивает, а, наоборот, способствует расцвету разнообразных творческих стилей, служит многонациональная и разносторонняя советская литература, в которой с успехом трудятся писатели многих художественных направлений. Именно социалистический реализм открывает широкие возможности для творчества, для его художественного разнообразия на высоком уровне.

Еще раньше, в своем программном заявлении, принятом в ноябре 1971 года, Союз чешских писателей подчеркнул непреходящее значение народных, демократических и социалистических ценностей, созданных отечественной литературой, прогрессивных традиций чешской национальной культуры. Социалистический реализм является показателем того, как реагирует художественная литература на постоянно развивающуюся социалистическую действительность и как обогащается ею. При этом развивается и обогащается и сам социалистический реализм. Все это определяет то, что новая социалистическая литература в своем содержании всегда будет нести печать современности.

Важным стимулом в развитии чехословацкой литературной критики и науки явилось постановление ЦК КПСС от 28 января 1972 года о художественной и литературной критике. Прогрессивные писатели ЧССР также считают необходимым постоянно повышать идейный уровень, требования и критерии литературной критики, поскольку именно от идеологического уровня этой критики зависит, в какой степени программа и цель социалистического общества находят свое отражение в самых разнообразных формах художественных произведений данного общества. ЦК КПЧ подчеркнул настоятельную необходимость последовательно отстаивать и проводить в жизнь такие критерии в художественном творчестве, которые способны выразить то существенное, что необходимо социалистическому обществу.

* * *

Время, прошедшее с апрельского (1969 г.) пленума ЦК КПЧ, показало, что под принципиальным руководством Коммунистической партии, в условиях последовательного применения ленинских принципов в средствах массовой информации и пропаганды общественное сознание и общественное мнение обладают способностью к сравнительно быстрому восстановлению социалистических ценностей. И это вполне понятно. Ведь трудящиеся ЧССР в ходе кризисного развития наглядно убедились, что капиталистический путь, на который правые и антисоциалистические силы толкали их страну, западная ориентация, «чехословацкая модель социализма» были не только ложны, нереальны, но и попросту вредны.

Чехословацкие трудящиеся заинтересованы в конкретной и созидательной работе и потому в подавляющем своем большинстве единодушно поддержали и поддерживают новое руководство Ком-

партии и государства, которое обеспечило консолидацию в стране и перспективы дальнейшего развития социализма. Однако партии нужны не только согласие, но и практические действия, созидательный труд трудящихся, усвоение и понимание ими идей марксизма-ленинизма, необходимости активного участия в общественной жизни; ей нужна глубочайшая убежденность масс в правильности нашего пути, в преимуществах социализма перед капитализмом. А преимущество это становится очевидным лишь при сравнении социализма с капиталистической системой в области экономики, социальных гарантий, свободы и безопасности народов, в области развития страны и ее мирных перспектив. Социализм в этой борьбе демонстрирует свои преимущества — он осуществляет марксистскую теорию освобождения человека, ленинский лозунг участия масс в управлении общественными делами, то есть все то, что является наиболее веским аргументом в борьбе со всеми клеветниками на социализм. Чехословацкая Социалистическая Республика, прочно опирающаяся на братский Советский Союз и сотрудничество с другими социалистическими странами, дает чехословацкому народу социальную уверенность, обеспечивает ему национальную свободу, государственную независимость и перспективы дальнейшего развития.

Ориентация на успешное преодоление ошибок и трудностей заключена в том выводе, которым завершается принятый на декабрьском (1970 г.) пленуме ЦК КПЧ документ — «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ»: «Центральный Комитет Коммунистической партии Чехословакии глубоко убежден, что все коммунисты будут и впредь непоколебимыми борцами за реализацию нынешней политики партии, что к ее осуществлению они привлекут всех честных граждан — рабочих, крестьян и представителей интеллигенции» [1].

XIV съезд КПЧ отметил, что «консолидация партии и общества позволяет нам в последующий период посвятить все наши силы дальнейшему укреплению и развитию социалистического общества. Наше общество имеет необходимые внутренние и внешние предпосылки для дальнейшего успешного развития. Партия и впредь пойдет по начатому пути в духе своих революционных традиций» [2].

---

[1] «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 64.

[2] «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии», стр. 229.

Период после XIV съезда КПЧ характеризуется, таким образом, не только преодолением последствий кризисного развития, но и значительными новыми успехами в хозяйственном и политическом развитии ЧССР, укреплением ее позиций на международной арене.

Подводя итоги пройденного страной трудового пути, товарищ Густав Гусак в Стражнице 14 июля 1973 года так говорил о достигнутых результатах: «Миллионам трудящихся нужно было показать причины кризиса и пути выхода из него, сосредоточить основное внимание на убеждении людей, на привлечении их на нашу сторону. Это был сложный и трудный путь. У некоторых возникали сомнения в правильности этого пути, они предлагали на первый взгляд более легкий, более короткий путь. Однако сегодня мы можем сказать, что наш путь оказался победоносным. В результате этого XIV съезд партии смог предложить трудящимся реальную программу всестороннего развития нашего общества. В течение более чем двух лет, прошедших со дня съезда, в течение двух с половиной лет пятилетнего плана каждый смог убедиться в том, что эта программа выполняется, что во всех областях мы являемся свидетелями положительных, прогрессивных изменений в нашем обществе» [1].

Если мы столь относительно быстро преодолели кризис и спасли положение страны, стоявшей на грани катастрофы, то это было возможным только благодаря своевременной и эффективной помощи братских социалистических стран и тому, что все дело восстановления и консолидации общества находится в твердых руках Коммунистической партии, ее Центрального Комитета.

И пусть чехословацкие эмигранты типа Пеликана, Гольдштюкера, Шика, Лебла и других хорошо оплачиваемых агентов «Свободной Европы» изыскивают все новые и новые «концепции» и «методы» своей враждебной деятельности; они все равно будут отвергнуты самой реальностью, развитием подлинно социалистического демократизма в Чехословакии, растущим участием трудящихся в управлении государством и народным хозяйством. Развертывание социалистической демократии проявляется в широком участии граждан в работе национальных комитетов, в конкретных формах работы профсоюзов, Социалистического Союза молодежи, развитии бригад социалистического труда, различных формах трудовой инициативы и т. д. Новая действительность ЧССР все ярче отражается в успешном выполнении народнохо-

[1] Г. Гусак, Избранные статьи и речи, М. 1973, стр. 975.

зяйственных планов в промышленности, в невиданных урожаях на полях страны.

После XIV съезда КПЧ все более растет авторитет нашей Коммунистической партии, укрепляется ее единство, постепенно ликвидируется тяжелое наследие правого оппортунизма и ревизионизма, крепнет внутриполитическая, хозяйственная и внешнеполитическая устойчивость нашего государства, укрепляется доверие трудящихся к партии; в своей повседневной жизни трудящиеся социалистической Чехословакии все более ясно осознают и ставят перед собой реальные задачи в их конкретности и перспективе.

Дорого ставший для ЧССР опыт 1968—1969 годов побуждает нас никогда не забывать о бдительности, всегда развивать созидательный труд и воспитывать нового человека социалистического общества.

Содержание

Предисловие 5
От автора 11
Корни ошибок и антисоциалистических тенденций (до января 1968 г.) 15
Самоуспокоенность вместо принципиальности и непримиримости . . 15
Распространение либералистских концепций 22
От деидеологизации к идеологической диверсии 25
Эрозия социалистической идеологии 34
Идеологическая диверсия в так называемом «движении возрождения» в ЧССР 35
От реформизма к прямой измене 41
Кризис в общественных науках 49
Масарикизм вместо марксизма 52
Ревизионистские спекуляции молодежных журналов 56
«Экономический романтизм» или шарлатанство 58
Подрыв руководящей роли революционной партии — предпосылка контрреволюции 65
Нападки на Коммунистическую партию изнутри и извне . . . 66
От деформации марксистско-ленинских принципов партии к ликвидаторству 69
Курс правых на захват власти и ликвидацию партии 72
Разрушение основ политической системы социализма 80
Подрыв социалистической государственной власти 80
«Деэтатизация» экономики и отказ от планового хозяйства . . 86
Проникновение правых в профсоюзы и молодежные организации 89
Возрождение социал-демократии 96
Создание явно контрреволюционных организаций 99
Отрицание пролетарского интернационализма и антисоветизм — оружие антикоммунистических центров и ревизионизма 102
«Нейтрализм» по-антисоветски 102
«Если тебя хвалит враг...» 108
Чего не было в чехословацких газетах 112
Принципиальная позиция ЦК КПСС 117
Опасения и призывы чехословацких патриотов 123

Средства массовой информации и пропаганды на службе антисоциалистических сил 129
В плену иллюзий, ложных теорий и представлений 130
Методы психологической войны и приемы бульварной прессы . . 132
Злоупотребление лозунгом «свобода печати» 135
«Свобода критики» по-ревизионистски 144
Глубокий анализ — исходный пункт успешной работы 150
Август 1968 года и предательские действия правых 164
Акт интернациональной солидарности и помощи 164
Предательство и авантюризм правых 167
Дезинформация и нагнетание шовинистической истерии 177
Предупреждения марксистов из капиталистических стран . . . 183
Сущность «нормализации», проводившейся правыми 187
Послеавгустовский антисоциалистический курс журналистики . . 188
«Выжидание» — тактика правых журналистов 191
Белым по черному в «Черной книге» 192
Преданные социализму журналисты в борьбе против контрреволюции 194
Коалиция оппортунистов, мещан и диверсантов 199
Беспринципность и двуличие 199
Мелкобуржуазный бунт 201
Мещанская психология — питательная почва антисоциализма . . 204
«Блеск и нищета» чехословацких эмигрантов 209
Старые и новые проблемы эмиграции 214
Новые формы идеологических диверсий 226
Консолидация и созидательный труд 236
Главные итоги консолидации 236
Усиление идеологической работы 247

МИЛОШ МАРКО

ЧЕРНЫМ ПО БЕЛОМУ

Редактор *И. Пронченков*
Художник *В. Пузанков*
Художественный редактор *А. Купцов*
Технический редактор *А. Тотер*
Корректор *Р. Прицкер*

Сдано в производство 21/II 1974 г.
Подписано к печати 22/X 1974 г.
Бумага 60×84¹/₁₆, тип. № 1. Бум. л. 8¼. Печ. л. 15,34.
Уч.-изд. л. 15,23. Изд. № 9/16202. Цена 73 коп. Заказ 5068

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21.

Московская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Мало-Московская, 21.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Готовится к печати:

ПРИБРАМ К. *Языки мозга.* Перевод с английского

Автор — крупнейший американский нейропсихолог, известный советскому читателю по книге «Планы и структура поведения» (М., «Прогресс», 1965).

Настоящий труд посвящен исследованиям физических и биологических принципов организации мозга, а также изложению рефлекторной теории функций мозга в сопоставлении с современными кибернетическими представлениями о деятельности мозга.

Значительную часть книги занимает анализ мозговой организации субъективного отражения внешнего мира, целенаправленной деятельности, эмоций, интересов и мотивации. Автор дает характеристику мозговых механизмов, лежащих в основе применения знаков, символической деятельности и речи как средства общения.

Книга представляет большой интерес для философов, психологов, физиологов и неврологов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Готовится к печати:

БУНГЕ М. **Философия физики.** Перевод с английского

Профессор Марио Бунге известен советскому читателю по ранее переведенным на русский язык книгам «Причинность» (М., ИЛ, 1962) и «Интуиция и наука» (М., «Прогресс», 1968).

Книга представляет собой серьезное исследование по философскому и методологическому анализу теоретико-познавательных проблем современной физики, а также роли экспериментальной техники в развитии физических знаний.

Выполненное на высоком научно-теоретическом уровне и с привлечением новейшего фактического материала, издание рассчитано на специалистов как гуманитарного, так и естественнонаучного профиля, интересующихся философскими вопросами современного естествознания.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Готовится к печати:

УОДДИС Д. **«Новые» теории революции.** (Критика взглядов Ф. Фанона, Р. Дебре, Г. Маркузе). Перевод с английского

Книга известного английского ученого-марксиста Д. Уоддиса посвящена критике мелкобуржуазных леворадикальных концепций революции. В ней подвергаются анализу взгляды Ф. Фанона как «теоретика африканской революции», Р. Дебре — одного из претендентов на роль идеолога латиноамериканской революции, Г. Маркузе, выступившего с новой концепцией революции в странах развитого капитализма.

В противовес этим «теориям», отрицающим или недооценивающим роль рабочего класса, автор на огромном фактическом материале раскрывает историческое значение борьбы пролетариата для развития мирового революционного процесса.

Книга рассчитана на философов и историков, научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Готовится к печати:

ГРАФ Г., ЗАЙЛЕР Г. **Выборы и избирательное право в классовой борьбе.** Перевод с немецкого

Книга молодых ученых ГДР посвящена весьма актуальной проблеме: возникновению и изменению на различных этапах развития государства социальной функции его избирательной системы и избирательного права.

Большое место авторы уделяют анализу развития избирательной системы и избирательного права в буржуазных государствах. На конкретном историческом материале в книге ярко показан характер ограничений, свойственных буржуазной избирательной системе, раскрыта борьба рабочего класса за всеобщее, равное и прямое избирательное право, а также значение этой борьбы.

Особый интерес вызывают материалы о роли избирательной системы в ходе строительства развитого социалистического общества в ГДР.

Книга представляет интерес для юристов — научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов, пропагандистов и агитаторов.